

В САМОЕ СЕРДЦЕ

A lighthouse stands on a rocky island under a dramatic sunset sky. Several playing cards are floating in the air around the lighthouse. A woman in a red dress is visible on the rocks in the foreground.

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Annotation

Джокер, Поэт, Воин и Девушка — наша таинственная четверка продолжает выполнять свою главную миссию, не завершенную в прошлой жизни: найти и уничтожить воплощение абсолютного зла — Черного Колдуна. А одновременно мы расследуем цепочку необъяснимых и загадочных исчезновений людей, случившихся в поселке Мальцево. Рядом возвышается заброшенный маяк, в котором по ночам кто-то ходит и зажигает свет. Это зловещее строение притягивает к себе людей с неведомой и непреодолимой силой. И я не смогла противостоять его безмолвному зову...

- [Татьяна Полякова](#)

-

Татьяна Полякова

В самое сердце

Девушка выглядела взволнованной. Отводила взгляд, потом вдруг скидывала голову и смотрела на меня с такой надеждой, что становилось не по себе. Объяснялась она долго и путано, и пока я с уверенностью знала о ней лишь одно: ее зовут Виктория Кудрявцева, к нам ей посоветовал обратиться наш бывший клиент. Она позвонила час назад, представилась и попросила о встрече. После исчезновения Максимильяна это был первый клиент, впрочем, не так много времени прошло...

Времени прошло не так много, но наша жизнь изменилась кардинально. По сути, никакой жизни и не было, томительное ожидание неизвестно чего. То есть я-то знала, чего жду: весточки от Максимильяна, потому что лелеяла надежду, что он жив. Каким-то чудом выбрался из дома, который взорвался на наших глазах. Для надежды кое-какие основания были. Странное письмо с указанием на строку в Евангелии: «Он воскрес». Я убеждала себя, что письмо от Бергмана, оттого и предпочитала слово «исчез», хотя мои друзья были убеждены: он погиб. Правда, о письме они не догадывались, потому что отправитель его, кем бы он ни был, на этом настаивал. Я поступила так, как он просил, сама толком не зная, почему это делаю. Убеждала себя, что, если это действительно Бергман, у него есть повод держать в тайне факт своего чудесного спасения. И коли он решил, что знать об этом надлежит только мне, значит, так тому и быть. Хотя очень хотелось сообщить Димке и Вадиму о своих надеждах, и о сомнениях тоже. Мы могли бы по крайней мере все обсудить... Ко всему прочему, выходило, что развитие событий Бергман предвидел (впрочем, это как раз не удивляло) и сделал кое-какие письменные распоряжения. Нашей команде надлежало жить в его доме и продолжать заниматься расследованиями. Я с трудом представляла, как мы будем работать без Максимильяна, но, если честно, звонку Виктории порадовалась. Трехнедельное безделье с неясными перспективами и мрачными мыслями давало о себе знать.

Трубку снял Вадим, точнее, первой на звонок ответила Лионелла, которая после исчезновения Бергмана напоминала привидение: появлялась бесшумно и так же бесшумно исчезала, предпочитая сводить общение с нами к минимуму. Правда, Вадиму иногда удавалось ее разговорить,

наверное, по этой причине она и переключила звонок на Воина, а может, считала, что теперь он в команде старший. Хотя бы в силу возраста. Ни Димка, ни я на роль вожака уж точно не претендовали.

В тот момент мы находились в гостиной. Димка по обыкновению уткнулся в компьютер, который держал на коленях, мы с Вадимом в гробовом молчании играли в шахматы. Вот тут Лионелла и изрекла по громкой связи:

— Вадим Аркадьевич, возьмите трубку.

Официальное обращение могло означать только одно: звонит потенциальный клиент.

Мы с немым вопросом переглянулись. Вадим трубку снял, а через минуту положил, буднично сообщив нам:

— Ее зовут Виктория, и она будет у нас через час.

После чего вернулся к шахматам, а Димка вновь уткнулся в компьютер.

Я этот час провела как на иголках, впрочем, и сейчас чувствовала себя ничуть не лучше. С одной стороны, появилась надежда, что работа хоть на время избавит от черных мыслей, а еще от тоски. И от боли. Много от чего. С другой — присутствовала боязнь, что без Бергмана мы не справимся. На себя я точно не рассчитывала, справедливо полагая, что от меня и раньше пользы было немного. Димка — гений во всем, что касается компьютеров, и в сборе информации равных ему нет, но что до всего остального...

«Максимильян», — мысленно позвала я и едва не заревела, так меня разбирало. И предпочла сосредоточиться на девушке, чтобы в самом деле не зареветь.

Виктория к тому моменту, кажется, окончательно запуталась и замолчала. Вадим, у которого с терпением всегда были проблемы, тяжело вздохнул, глядя исподлобья, чем окончательно ее напугал.

— Наверное, я зря пришла, — пролепетала она, — но Павел Сергеевич сказал, вы обязательно поможете.

— Мы поможем, — вновь вздохнул Вадим. — Знать бы чем.

Я укоризненно посмотрела на него и сказала:

— Давайте попробуем еще раз. Вы сирота, родители умерли несколько лет назад, у вас остался только дед...

— Да, — кивнула она. — А теперь и он умер.

— Когда это случилось?

— Месяц назад. То есть месяц назад его похоронили. Он умер семнадцатого числа, — торопливо добавила Виктория.

— Умер в больнице?

— Нет. В своем доме. У него дом в Мальцеве. Это недалеко от города, двадцать километров.

— Вы были рядом с ним? — продолжила я задавать наводящие вопросы.

— Нет. Это произошло неожиданно. Он не собирался умирать. По крайней мере, я точно не ожидала, что это случится... Я имею в виду...

— Мы поняли. Дед умер, его похоронили... И вас что-то беспокоит?

— Да. Очень беспокоит... Я не знаю, что делать... Ради бога, помогите мне! Потому что в полицию идти бесполезно, они даже разговаривать не станут.

Вадим, повернувшись ко мне, свел глаза у переносицы, демонстрируя отчаянье, а я с прискорбием поняла: мы идем по кругу и к вожаемой цели так и не приблизились.

— Мы вам обязательно поможем, — сказала я без особой уверенности.

— Да? — Виктория вроде бы обрадовалась. — Я понимаю, что это непросто... И я вам очень благодарна. Деньги у меня есть. Павел Сергеевич предупреждал, что гонорары у вас...

— Подождите с гонораром, — не выдержал Вадим. — В чем дело-то?

— Я... я хочу знать, почему он умер! — выпалила девушка.

Мы переглянулись. Даже Димка, до той поры дремавший с открытыми глазами, взглянул с недоумением.

— Подождите, — нахмурилась я. — Ваш дед умер, его похоронили, и причина смерти не указана в свидетельстве?

— Указана. Сердце остановилось. Врач объяснил мне, возможно, я не все поняла... Не в этом дело...

— Подозреваете, что вашего деда убили? — подал голос Димка.

Виктория вновь кивнула, а потом покачала головой. Понимать это можно было как угодно.

— Я правильно поняла, сомнений в естественной причине смерти у правоохранительных органов не возникло?

— Не возникло, — покорно кивнула она.

— Но вы с этим не согласны? На нем были синяки или какие-то повреждения, и это заставило вас подумать...

— Синяков не было... и повреждений тоже. Ничего такого, но убить ведь можно по-разному, — едва слышно произнесла она, когда уже и мое терпение подошло к концу.

— Что вы имеете в виду?

— Ну... человека можно так напугать, что сердце не выдержит. Его лицо... у него было такое лицо... — Виктория передернула плечами. — Не

знаю, что он увидел, но это вызвало ужас.

Димка вновь заскучал, а Вадим едва слышно вздохнул. Наверняка оба сочли, что дело бесперспективное; собственно, я была с ними согласна, и лишь упрямство заставило меня продолжить:

— Кроме вас, на это кто-то обратил внимание?

— Вы имеете в виду полицейских? Я разговаривала с патологоанатомом. Он мне сказал, что от боли и не так лицо сведет. Лишняя работа никому не нужна. Похоронили и забыли.

— А кроме выражения лица, что-то еще показалось вам подозрительным?

— Говорят, он умер в первом часу ночи. Был полностью одет, лежал у окна.

— Говорят? — вмешался Вадим.

— Его нашла соседка. Она работала у деда, помогала по дому. Утром, как обычно, пришла в девять часов. Он любил поспать и не хотел, чтобы она мешала, поэтому она и приходила в это время. Он вставал около десяти, она как раз успевала приготовить завтрак. — Виктория вздохнула и продолжила немного спокойнее: — Клавдия Семеновна не сразу его заметила. Прошла в кухню и только потом заглянула в гостиную, хотела расшторить окна. Дед обычно задерживал шторы, если оставался в гостиной... Но в этот раз было по-другому... Она заглянула, увидела, что в гостиной светло, собралась уходить и тут... заметила деда. И когда подошла к нему... Мне она сказала, что от страха сама едва не лишилась чувств... из-за его лица... его выражения... Ей в самом деле стало плохо. Но она успела позвонить в полицию, а еще своей подруге, та живет неподалеку. Подруга прибежала и вызвала «Скорую».

— Я правильно понял, у домработницы не было сомнений, что перед ней труп? — спросил Вадим.

— Такого ужасного лица у живого человека быть не может. Это она так сказала. Она считает, в свою последнюю минуту дед кричал. Рот у него действительно был открыт. Жуткая картина. И это окно... с незадернутыми шторами...

— По-вашему, кто-то так напугал старика, что он отдал богу душу? — нахмурился Волошин.

— Но ведь это... очевидно. Разве нет? — нерешительно спросила Виктория.

Он пожал плечами, точно хотел сказать «для кого как».

— У вашего деда были враги? — спросила я.

— Я... я не знаю. После смерти мамы... В общем, я жила с бабушкой

по отцовской линии. И с дедом мы общались мало.

— Почему?

— Так получилось, — подумав, ответила она. — Он отец моей мамы, и, по-моему, они не особенно ладили... В последнее время, я имею в виду. Сначала все было нормально. Мы ездили в Мальцево каждый выходной, летом я жила у деда постоянно. Мне очень нравилось там. Красивые места. У меня были подружки, и бабушка очень меня любила. А потом ее не стало. И... видимо, что-то произошло... Между моими родителями и дедом.

— Наследство? — уточнил Вадим.

— Не знаю. Я не спрашивала. То есть я, конечно, очень хотела в Мальцево, говорила: «Давайте поедem», но мама каждый раз находила причину... В конце концов, я поняла: просить и заговаривать об этом бесполезно... В общем, с дедом мы после смерти родителей виделись редко. Я звонила ему каждую неделю. Я бы непременно поехала в Мальцево, если бы он пригласил... Я уже сказала, что была по-настоящему счастлива там... Но он ни разу не позвал. Даже когда я намекала... В общем, я мало что знаю о его жизни в последние годы и ничего не знаю о возможных врагах.

— Наследство он оставил? — проворчал Вадим.

Этот вопрос и меня очень интересовал.

— Завещания нет... Других наследников тоже нет. Дом отходит мне. А что касается прочего... Какие-то деньги у деда были, сейчас мы выясняем... Я имею в виду адвоката.

— В любом случае земля в Мальцеве стоит немало, даже если домишко совсем плох...

— Дом старый, конечно, он немного обветшал, но... вместе с землей он стоит больших денег, вы правы. Я не хочу его продавать. Может, это звучит глупо, но... я была там счастлива. Разве не стоит дорожить таким местом?

Я решила, что это один из тех вопросов, отвечать на которые необязательно.

— Если вашего деда кто-то довел до могилы — была причина, а она, как правило, проста: то же наследство, к примеру. Но единственный наследник — это вы. Хотя, возможно, вы не все знаете...

— Нет, нет... адвокат заверил меня... Моя мама — единственная дочь... По крайней мере, по документам.

— Допустим, дело не в наследстве, — кивнул Вадим. — Кому пришла охота лишать жизни одинокого старика?

— Я думала... Я надеюсь, вы ответите на этот вопрос, — тихо сказала Виктория.

Повисла тишина. Мы смотрели на девушку, а она разглядывала свои руки.

— Вика, — заговорил Вадим, в голосе раздражение, которое он пытался скрыть. — Вы решили, что ваш дед погиб неслучайно. Но для подобных умозаключений должен быть повод. Выражения лица недостаточно, покойники редко выглядят симпатягами, а учитывая обстоятельства, беспомощность, страх... Если вам есть что добавить, сейчас самое время.

— Я уверена, понимаете? Уверена... Это не просто так, — нервно заговорила она, — потому и решила обратиться к вам. Павел Сергеевич сказал, вы беретесь за самые запутанные дела...

— Мы, конечно, молодцы, — усмехнулся Вадим, — но зря денег не берем. Будучи ребятами с принципами. Деньги, само собой, ваши. Кстати, а откуда они у вас? Рассчитываете на наследство?

Девушка подобного вопроса явно не ожидала и оттого растерялась.

— У меня есть деньги... Я продала бабушкину квартиру. Сама живу в квартире родителей, — наконец ответила она.

Вадим удовлетворенно кивнул. Я настроилась на девушку, считывая ее эмоции. Она была встревожена. Это все, что я могла сказать. И чтобы понять это, было достаточно одного взгляда на то, как она продолжает стискивать руки и отводить глаза.

В общем, мои способности здесь были ни к чему. Мысленно произнеся слово «способности», я невольно скривилась. Бергман, на мой взгляд, придавал им слишком большое значение, хотя, возможно, просто желал меня приободрить, вот и нахваливал авансом. Читать чужие мысли я не могу, чему скорее стоит радоваться, но эмоции считываю легко. Тайные и явные. Иногда это помогает в расследовании, чаще — нет. А еще я вижу умерших. Едва различимые тени. Слава богу, случается такое нечасто. Из-за этих способностей троица моих друзей, когда у нас появлялся клиент, гордо именовала меня экстрасенсом.

— Вы ведь могли бы спросить... у моего деда? — огорошила меня Виктория. — Как все произошло?

Соколов поднял брови в некотором удивлении, а Вадим скроил физиономию, точно хотел сказать: «Почему бы и нет?»

— Не знаю, что вам сообщил Павел Сергеевич, — усмехнулась я, — но мои возможности он явно переоценил. Разговоры с покойниками — это по части медиумов.

Она испуганно нахохлилась, и вместе с беспокойством в ней отчетливо проступило отчаяние и еще что-то...

— Чего вы на самом деле боитесь? — спросила я в тишине.

Виктория вздрогнула, то ли ее напугал вопрос, то ли мой голос, прозвучавший слишком громко.

— Я... я... — запинаясь, начала она, переводя взгляд с Вадима на Соколова, точно ища у мужчин поддержки. — Там что-то происходит.

— Где? — буркнул Вадим.

— В Мальцеве. Что-то нехорошее. Я хочу знать, что. Послушайте. — Она подалась вперед и торопливо продолжила: — Мне очень нравится этот дом... Там прошли лучшие годы моей жизни, и я хочу вернуться туда. Жить в нем постоянно. Это было бы не только приятно, но и очень удобно. Моя работа позволяет жить за городом. К тому же это совсем рядом... — Виктория не прекращала свой гимн загородной жизни, и я забеспокоилась, что на мой вопрос она так и не ответит, но тут она сказала: — Я хочу быть уверенной, что с этим местом все в порядке.

— Это в каком смысле? — хмыкнул Вадим.

— Ведь что-то его напугало, — смешалась девушка. — Я хочу знать... И принять решение: оставить дом себе или продать. Вот и все. — Она вновь оглядела нас, словно сомневаясь, что мы ее поняли.

— Что ж, — сказал Вадим, — давайте подведем итог нашей интереснейшей беседы. У вас нет повода не доверять правоохранительным органам, но вы уверены, что ваш дед умер, потому что кто-то этому поспособствовал, или, говоря попросту, старика напугал. И вы хотите знать, кто или что свело родственника в могилу. Задание не из самых легких. Зато в духе Конан Дойла.

Девушка насторожилась, гадая, как отнестись к словам Вадима, а он досадливо вздохнул:

— Спасибо, что обратились к нам. Мы обсудим ваше предложение и дадим ответ, — скороговоркой закончил он.

— Вы отказываетесь, да? — растерянно спросила Виктория. — Поймите, мне больше не к кому обратиться! И я... заплачу, сколько вы скажете. Пожалуйста.

Я испугалась, что она заплачет, но девушка, стиснув зубы, замерла с закрытыми глазами. Потом вдруг вскочила.

— Когда будет ответ? — спросила она, откашлявшись.

— Завтра, — пожал плечами Вадим и пошел провожать ее до двери.

— Девица не в себе, — заметил Димка спустя некоторое время, когда Вадим вернулся, спихнув гостью на попечение Лионеллы.

— Ведет себя немного странно, — кивнула я.

— Да у нее тараканы из ушей лезут, — фыркнул Вадим. — Она что же, решила — возле дедова дома упыри шастают? Или еще какая нечисть?

— А ты Конан Дойла с какой стати приплел? — усмехнулся Димка. — Девушка явно пребывала в недоумении от твоих литературных сравнений.

— У него рассказец есть, там один чувак тоже коньки отбросил, увидев в окне жуткую рожу. Оказалось, это была вполне симпатичная девушка.

— Правда есть такой рассказ? — повернулся ко мне Димка, а Волошин завопил:

— Господи! Куда мир катится? Они уже и Конан Дойла не читают.

— Есть, — кивнула я, отвечая на вопрос Димки. — Кажется, называется «Желтое лицо».

— Надо почитать, — кивнул Соколов.

— Почитай-почитай.

— Чего делать-то будем? — помедлив, спросил Димка.

— Ты ведь это не всерьез спросил? — сказал Вадим. — Или решил бабла срубить на халяву?

— Почему же на халяву?

— Потому что все это чушь, — Волошин посмотрел на нас и вдруг кивнул: — Лучше за привидениями гоняться, чем от безделья дуреть. Что скажешь? — повернулся он ко мне.

Я пожала плечами.

— Согласна. Насчет того, что лучше гоняться.

— Ага, завтра заеду к ментам и для начала узнаю, что там с нашим дедушкой. Хотелось бы убедиться: он на кладбище, а не живет припеваючи, не подозревая о буйных фантазиях внучки.

Димка, успев заглянуть в компьютер, произнес:

— Наша девушка шьет приданое для младенцев: одеяла, фуфайки, конверты... У нее интернет-магазин, — он развернул экран в нашу сторону, чтобы мы могли видеть.

— Симпатичные вещицы, — кивнула я.

— Золотые руки, — хмыкнул Волошин. — С мозгами незадача, но хоть руки не подвели.

— Есть еще что-нибудь? — не обращая внимания на Вадима, задала я вопрос Соколову.

— Сейчас посмотрим.

Пальцы его порхали по клавиатуре, Вадим подошел к бару, достал бутылку виски, продемонстрировал нам с немой вопросом в очах. Не

дождавшись реакции, налил виски в стакан и устроился в кресле, выбрав то, что у окна. Я заметила, каждый из нас избегал садиться в кресло Бергмана. Вот и сейчас Волошин прошел мимо, мало того, держался на расстоянии. Я попыталась представить, что бы сказал Максимильян, будь он сейчас здесь. Взялся бы за это дело? «Нет никакого дела, — в досаде решила я. — Как нет и других клиентов. А от безделья мы скоро на луну выть начнем». Собственно, что мне мешает уйти из этого дома, а еще лучше — уехать из этого города? И попытаться начать жить заново? Надежда, что Максимильян жив? Да я и при нем не раз и не два думала о бегстве. Еще недавно он меня жутко раздражал своими тайнами и дикими историями, которыми нас пичкал. Волошину и Димке головы он заморочил основательно. Да и я, если честно, уже не была так уверена, что все это не более чем фантазии. В который раз я попыталась разобраться в своем отношении к Бергману. Не самое подходящее время, надо признать. Он раздражал, очаровывал, чаще бесил, одно несомненно: мой мир без него многое потерял... «Я хочу, чтобы он вернулся», — подумала я и испугалась, что произнесла это вслух. Но мужчины по-прежнему сидели хмурые и сосредоточенные, и я с облегчением вздохнула.

И вновь подумала о Бергмане. Он решил, что мы должны жить в его доме и заниматься расследованиями. Что ж, постараемся его не разочаровать.

— Ничего интересного, — заговорил Димка, не отрываясь от экрана. — Активно продвигает в социальных сетях свой магазин, и это, собственно, все. Судя по фоткам, личная жизнь на нуле. Подруги и те появляются нечасто, а парней и вовсе нет. А насчет родственника она не шутила: месяц назад в Мальцеве обнаружен труп пожилого мужчины без признаков насильственной смерти. Думаю, это наш старичок.

— Жаль, что не спросили его фамилию, — запоздало посетовала я. — Он дед по матери, значит, фамилии у них с Викторией разные.

— Да мне и в голову не могло прийти, что мы возьмемся за это дело! — фыркнул Волошин.

— А мы возьмемся? — спросила я.

— Лично у меня вполне корыстный интерес. Деньги тают на глазах, а я без них впадаю в депрессию. Клиент готов платить, а я готов исполнять любой его каприз.

— Хорош приbedняться, — отмахнулся Димка. — Если хотите мое мнение... Утро вечера мудренее. Я еще покопаюсь немного, а Воин завтра заглянет к ментам. Тогда и решим.

Воином в нашей команде называли Вадима. У Димки было прозвище

Поэт, Бергман, соответственно, Джокер, а я — Девушка. У каждого в колоде имелась своя Карта. Бубновый Валет — Димка, Вадим — Король Крестей, а я — Червонная Дама. Елена Прекрасная, если верить байкам, которыми нас потчевал Максимильян. В прежней жизни мы, ни много ни мало, дали клятву встретиться вновь, чтобы найти и уничтожить заклятого врага. У него тоже было прозвище: Черный Колдун. Как вам такое? Чего ж удивляться, что временами очень хотелось Бергмана придушить? Хотя бы для того, чтобы не слышать этой чепухи. Но Воин с Поэтом в нее верили.

Сначала Бергман разыскал Волошина, потом Димку. Первый находился в психушке, второму грозил тюремный срок. Воин в самом деле воевал, а Димка — хакер, причем из тех, кто может многое, а у государства к таким рано или поздно возникают претензии. В общем, в обоих случаях появление Бергмана было весьма кстати.

Потом пришла моя очередь. Вытаскивать меня из малоприятных мест Максимильяну не пришлось, но чувствовала я себя в тот момент не самым лучшим образом, понятия не имея, как жить дальше. С прежней жизнью я простилась, новая виделась с трудом. В общем, я скорее обрадовалась их появлению, а на глупые рассказы старалась не обращать внимания.

А потом возник тот, кого мы поклялись убить. Черный Колдун. Правда, назвался Климом, и поначалу я готова была решить, что он неплохой парень, хотя мозги у него немного набекрень. Он охотно поддерживал бредовые идеи Максимильяна, но с одной поправкой: с его точки зрения, Черный Колдун — как раз Бергман и есть. Появление еще одного психа не порадовало, но было в нем что-то... В общем, я понемногу начала съезжать с катушек, уже не зная толком, кому и во что верить. И даже предприняла попытку собрать всех вместе и обсудить нашу проблему, которой и не было вовсе, с моей точки зрения, а было коллективное помешательство.

Кончилось все скверно. Клим исчез, Максимильян остался в доме, который взорвался на наших глазах, и теперь мы мучительно пытаемся собрать нашу жизнь, в один миг разлетевшуюся вдребезги.

«Пусть рассказывает свои байки, пусть делает что угодно, лишь бы остался жив», — подумала я в отчаянии и закусила губу, чтобы не разреветься.

— А не пора ли нам ужинать? — поднимаясь, сказал Вадим. — Пойду потороплю Лионеллу, бабка пренебрегает своими обязанностями.

Он вышел из кабинета, и я услышала, как он кричит за дверью:

— Лионелла Викторовна! Вы, часом, нас голодом уморить не решили?

Его шаги стихли на лестнице. Димка, отодвинув ноутбук в сторону, шагнул ко мне.

— Может, нам стоит уехать?
— Уехать? — не поняла я.
— Ну, да, — пожал он плечами. — Вдвоем. Куда-нибудь на Карибы.
— С чего вдруг?
— Я же вижу, что с тобой происходит. Ты не можешь смириться с его смертью.

— А ты можешь? — спросила я. Против моей воли получилось враждебно.

— Пытаюсь, — ответил Димка. — Получается так себе. Чем скорее мы поймем...

Он замолчал, махнув рукой.

— Карибы вряд ли помогут, — сказала я.

— Действительно, все проще, и дело вовсе не в Карибах, а во мне. Ты не хочешь ехать со мной. Я прав?

— Нет. Не прав. Я готова отправиться с тобой на край света. Ты мой друг. Человек, которого я очень уважаю. И перед которым чувствую вину.

— Потому что не любишь меня?

— Потому что Джокер прав: это был неверный выбор.

— Вот как? А я-то сдуру решил, теперь мы могли бы... По крайней мере, могли бы попытаться...

Он смотрел исподлобья, я чувствовала его обиду, а еще злость и ответила как можно мягче:

— Не стоит повторять ошибки.

— Очень мило, — хмыкнул он. — Чувствовать себя чьей-то ошибкой...

На счастье, в кабинет вернулся Вадим, посмотрел на нас и сказал со смешком:

— Выясняете отношения? Я бы на вашем месте поторопился в столовую. Старушенция сильно гневается, когда мы опаздываем. А злить ее я бы воздержался. Иначе кто ж нас кормить будет?

Я поспешно покинула комнату, с удовлетворением отметив, что Димка идет следом. Еще недавно мы были любовниками. Правда, быстро поняли, что свалили дурака. Причем поняли оба. Так что странно, какого лешего он ведет себя точно брошенный Ромео.

Бронзовая люстра с плафонами из хрусталя освещала столовую, большую комнату с антикварной мебелью и картинами в тяжелых рамах. Еще одна загадка Бергмана — источник его благосостояния. У нас заоблачные гонорары, но их явно недостаточно, чтобы жить с таким размахом. Особняк в центре города прозвали Домом с чертями из-за

горгулий на крыше, его Максимильян приобрел несколько лет назад. На первом этаже — букинистический магазин с очень редкими книгами и разными диковинами, вроде астробий и макетов парусников, которым лет по сто. Книги были страстью Бергмана, особенно те, где речь шла о карточных колодах. Мне кажется, Максимильян знал о них все. По завещанию особняк теперь принадлежит мне, и это здорово тяготит. Магазин, стараниями Василия Кузьмича, его единственного сотрудника, продолжал работать, словно ничего не произошло, но я-то знала: вряд ли это продлится особенно долго. В конце концов придется что-то решать и с домом, и со всем наследством Бергмана. При одной мысли об этом мне становилось так тошно, что хотелось бежать куда глаза глядят.

Мы устроились за столом, каждый на своем месте. Кресло Бергмана и здесь оставалось нетронутым, и возникало чувство, что он незримо присутствует рядом. Может, так и было. С Бергманом ничего нельзя знать наверняка.

Лионелла бесшумно двигалась вдоль стола, разнося тарелки. Сама она за стол вместе с нами никогда не садилась, Бергмана называла хозяином и, кажется, работала у него очень долго, но и тут наверняка не скажешь. Жизнь Максимильяна для меня тайна за семью печатями, знаю я о ней немного, точнее, вовсе ничего не знаю. И с уверенностью могу поведать лишь о нескольких месяцах, которые прошли с момента нашего знакомства.

На вид Лионелле за семьдесят, но она довольно крепкая, в чем я не раз могла убедиться, и характером ее Господь не обидел. Исчезновение Бергмана стало для нее тяжелым ударом, но внешне она выглядела так же — холодно и отстраненно, как обычно. Из нас троих симпатию у нее вызывал разве что Воин, к Димке она скорее была равнодушна, а меня недолюбливала. По крайней мере, не упускала случая указать на мои недостатки.

Димка притащил в столовую ноутбук, впрочем, он с ним никогда не расставался, Лионелла, взглянув на него, сказала сурово:

— Уберите.

Димка вздохнул, но ноутбук убрал. Лионелла торжественно удалилась, а мы приступили к трапезе.

— Ум отъешь, — сообщил Вадим, отправляя в рот очередную порцию жаркого. — Из-за такой стряпни я готов терпеть эту старую ведьму... Милейшую женщину, я хотел сказать.

Димка был к еде абсолютно равнодушен, кажется, не всегда замечал, что, собственно, ест. Разговор за столом не клеился.

Я продолжала жевать, наблюдая за мужчинами, с мыслью о том, что

неуклонно скатываюсь в депрессию. Вновь появилась Лионелла, собрала посуду. Мы еще некоторое время сидели за столом, а потом разбрелись по своим комнатам.

Я взяла планшет и устроилась на подоконнике, но планшет не открыла, смотрела в окно. Начало темнеть, а я так и не сдвинулась с места, хотя бы для того, чтобы включить свет.

Раздался короткий стук в дверь, после чего она распахнулась, и в комнату вошел Вадим.

— Чего без света сидишь? — ворчливо спросил он, приблизился и встал рядом.

Он смотрел на стену напротив, точно избегая моего взгляда. Ответа на свой вопрос, видимо, не ждал, и я решила себя не утруждать.

— Как думаешь, мы привыкнем? — спросил он.

— Все привыкают, — ответила я, хотя вовсе не была в этом уверена.

— А если...

— Что? — не дождавшись продолжения, сказала я.

— Вдруг он жив? Понимаю, звучит глупо. Но когда речь идет о Джокере... Этот парень на многое способен.

— Он человек. А люди смертны.

— Согласись, он необычный человек, то есть совсем-совсем необычный.

— Ага. Мастер пудрить мозги, — проворчала я.

— Значит, у тебя никаких сомнений? — с обидой спросил Вадим.

— В его человеческой природе?

— В том, что он погиб?

Теперь мы смотрели друг другу в глаза, и в его взгляде была сумасшедшая надежда. Меня так и подмывало рассказать о письме. Оно совсем не значило, что Бергман каким-то фантастическим образом спасся, но надежду, безусловно, давало. Я представила, как расскажу ему, и мы вместе все обсудим, поддерживая в себе веру в то, что Бергман вернется, и будем ждать. Ожидание может быть томительным, но это все же лучше беспросветного отчаяния. Не знаю, что меня остановило в этот раз.

— Кто у нас Воин? — вздохнула я. — Вот и скажи: каковы его шансы?

Вадим ничего не ответил, вместо этого пожал плечами и направился к двери.

— Как-нибудь справимся, — буркнул он, шагнув за порог.

А я кивнула, пробормотав себе под нос:

— Как-нибудь.

Завтракали мы вдвоем с Димкой. Лионелла сообщила, что Вадим умчался из дома часов в восемь. Устроились мы в кухне, против чего Лионелла не возражала, и это было единственным послаблением с ее стороны. Я как-то предложила и вовсе сюда перебраться и удостоилась такого взгляда, что тут же язык прикусила. Бергмана нет, но в его доме все должно оставаться неизменным. В том числе торжественные приемы пищи под бронзовой люстрой.

— Воин теперь у тебя ночует? — осведомился Димка, когда Лионелла ненадолго покинула кухню.

— Он пробыл у меня минут десять, — ответила я как можно спокойнее.

— Да? Зашел пожелать спокойной ночи?

— Зашел спросить, нет ли у меня напрасных надежд.

— Что ты имеешь в виду?

— Смерть Джокера, разумеется.

— Постой, — нахмурился Димка. — Вадим считает, у него был шанс спастись?

— Этого он не сказал, но наверняка хотел услышать нечто подобное от меня. По-моему, он не может смириться, как, впрочем, и я...

— Я всегда думал, Воин из нас самый... здравомыслящий? — не найдя подходящего слова, Димка закончил фразу с вопросительной интонацией.

— Оказалось, это не так, — пожала плечами я. — Если хочешь мое мнение... я не верю, что он погиб. Не хочу верить и не верю. Кто знает, что у него на уме? Может, хотел посмотреть, как мы справимся?

— По-твоему, это просто нежелание принять очевидное?

— Думаю, нам стоит заняться работой.

Вадим вернулся часа через полтора. Мы в это время сидели в гостиной, Димка — уткнувшись в ноутбук, я пялилась в окно. Услышав шаги, мы дружно повернулись. Вадим вошел, как всегда деятельный, что-то насвистывая.

— Привет! — сказал он и повалился в кресло. — Ну что... Наша девушка хоть и сгустила краски, но в целом придерживалась фактов. Ее дед, Зиновьев Альберт Юрьевич, скончался месяц назад в возрасте семидесяти восьми лет в своем доме, находящемся в поселке Мальцево. Обнаружила его соседка, она же домработница, Никифорова Клавдия Семеновна. Выражение лица дед имел неприятное, но насчет запредельного ужаса — явное преувеличение. Соседка сразу поняла, что он мертв, но «Скорую» вызвала. И, разумеется, полицию. Нет никаких причин подозревать убийство. Дядя в возрасте, сердчишко пошаливало и в ту ночь

не выдержало. Скончался он сам, без физической помощи возможных недругов. Патологоанатом — мой знакомый — клянется, что причина смерти именно та, что значится в бумагах, в чем нет никаких сомнений.

— Но напугать его кто-то мог?

— Само собой. Но сделать это так, чтоб дядя богу душу отдал, — все-таки искусство. Интересно было бы знать, что он увидел в окне, — буркнул Вадим.

А я сказала:

— Ну так давайте узнаем.

— Я тут тоже кое-что нарыл, — поднял голову Димка. — Виктория сказала, что ее родители умерли. Это не совсем так. Отца шесть лет назад обнаружили с петлей на шее. До конца так и не выяснилось, то ли он сам повесился, то ли помог кто. Мужик — игрок и, по слухам, задолжал серьезным людям.

— С покойника долг не получишь, — заметила я.

— Точно. Но если взять с него нечего, то акт устрашения был бы совсем нелишним. Через месяц после этого исчезла мать Виктории.

— Что значит «исчезла»?

— Никакой конкретики. Достоверно известно, что последним ее видел отец, то есть наш Альберт Юрьевич. Она навещала его в Мальцеве, отправилась домой, и с тех пор о ней ни слуху ни духу. Викторию взяла к себе бабка по отцу. Я составил краткую справку, можете ознакомиться. Отправил вам на почту. О самой Виктории Кудрявцевой сведения минимальные. Родилась здесь, окончила школу номер шестьдесят три, а также художественную школу. Поступила в колледж, но проучилась только два года. Индивидуальный предприниматель. Налоги платит исправно. Вот, собственно, и все.

— Батя в петлю полез, мать пропала, и тут еще дедуля преставился. Неудивительно, что девке упыри за окном мерещатся, или кто там старичка напугал. Лично мне это обилие покойников подозрительно. Может, менты чего-то недосмотрели, а у девки с головой как раз порядок.

— Я правильно поняла — мы беремся за это дело? — спросила я.

Димка как будто не услышал вопроса, а Вадим пожал плечами:

— Ну, если она наскребет бабла на наш обычный гонорар, я за.

— Тогда звони ей.

На этот раз Виктория выглядела немного увереннее. Сумма, которую назвал Вадим, ее не удивила, казалось, деньги ее вообще не интересуют. Она устроилась в том же кресле, что и накануне, и сложила на коленях руки, точно примерная ученица.

— Расскажите нам о своем деде, — попросила я. — Все, что знаете. Я помню, что в последнее время вы общались мало, но... Не было ли в его поведении чего-то необычного?

— Дед — бывший партийный начальник, я совсем немного об этом знаю, в основном от мамы. Он очень любил командовать, а еще вечно всем был недоволен. Ругал власть, считал всех бездельниками, голосовал за коммунистов. Но их тоже ругал. Бабушка была добрая, а деда я всегда боялась. Он на маму кричал, и на меня, и на бабушку. Вряд ли кто-то в Мальцеве его любил. Я имею в виду, наверняка были люди, которые его терпеть не могли. Но ни о каких врагах я не слышала. Создавалось впечатление, всех людей дед одинаково терпеть не может.

Мы говорили больше часа, но ничего полезного не узнали. Дело представлялось мне совершенно бесперспективным, если бы не наблюдение Вадима — повышенная смертность в семье и впрямь настораживала.

Димка старательно зафиксировал слова Виктории. Затем мы подписали необходимые бумаги и вскоре простились.

Она ушла, а Вадим сказал весело:

— Что ж, добро пожаловать в мир сельских будней, с его интригами и кровавыми тайнами! Мы с девушкой отправляемся в Мальцево, а ты остаешься на хозяйстве.

Димка нахмурился, однако согласно кивнул.

— Собирай вещи, — продолжил Вадим, обращаясь ко мне. — Легенда все та же. Мы счастливые новобрачные на отдыхе. Я заглянул в Интернет, в поселке есть гостиница. Думаю, для начала нам лучше остановиться там, а не в доме старика. Оглядимся, поболтаем с местными, авось и забрезжит свет в конце тоннеля.

Я отправилась к себе и побросала в чемодан самое необходимое. Добавила пару платьев, сарафан и шляпу. Если уж мы отдыхающие, то должны выглядеть соответственно.

Выйдя из комнаты, я обнаружила в коридоре Вадима, свой чемодан он тоже успел собрать, подхватил оба и пошел к лестнице.

Дорога делала плавный поворот, деревья расступились, и мы увидели озеро, на левом берегу которого раскинулся поселок. Аккуратные домики жались поближе к воде, неровными рядами поднимались по склону и прятались в листве подошедшего вплотную леса. На вершине холма — церковь, золотая луковка блестела на солнце, но выглядела странно. Я не сразу поняла, в чем дело, а поняв, удивилась: на куполе отсутствовал крест.

— Ты заметил? — обратилась я к Вадиму, который сидел за рулем.

— Креста нет? Заметил. Думаешь, нечистая сила активизировалась? — хмыкнул он. — Забавно, что последнее время мы шастаем по окрестностям в поисках всякой нечисти. Похоже, такие уютные местечки ее притягивают.

Я усмехнулась в ответ. Хотя Вадим прав, в последнее время к нам обращались именно с подобными делами, однако на поверку выходило — никакой мистики, один голимый расчет, как выражается Воин. Я была уверена, что и в этот раз всему найдется вполне логичное объяснение, а может, все еще проще: никакого дела вообще не получится, все обернется лишь фантазиями Виктории да странным стечением обстоятельств. Но отсутствие креста все же оставило неприятный осадок.

— Посмотри адрес гостиницы, — сказал Вадим. — Поселок довольно большой.

Я заглянула в навигатор, нам следовало взять правее, о чем я и сообщила Вадиму. Очень скоро мы увидели указатель, а потом и саму гостиницу — она находилась на берегу озера, в этом месте начиналась пешеходная набережная, и проехать дальше вдоль берега было невозможно.

Гостиницей оказался двухэтажный бревенчатый дом с широкой верандой по фасаду. Дверь была распахнута настежь. Припарковавшись, мы вошли в просторный холл. На стенах — фотографии в рамках с видами озера. Холл оказался пуст, Вадим облокотился на деревянную стойку и, заметив колокольчик, позвонил.

— Иду-иду, — услышали мы женский голос.

Дверь, что была справа, открылась, и появилась женщина лет сорока, симпатичная, улыбчивая, со светлыми глазами и копной рыжих волос, которые она заплела в косу.

Вадим тут же расплылся в улыбке и пропел:

— Привет.

Надо сказать, он из тех мужчин, на которых женщины обращают внимание. И рост, и стать, и озорство в глазах, против которого трудно устоять.

Женщина весело хихикнула, но тут заметила меня и слегка покраснела, то ли почувствовав неловкость, то ли досаду из-за моего присутствия.

— Здравствуйте, — сказала она громко. — Хотите у нас остановиться?

— Очень хотим.

— Номер заказывали?

— Час назад. Фамилия Волошин.

Женщина устроилась за компьютером и через минуту уточнила:

— Вадим Аркадьевич?

— Точно.

— Двухместный люкс... Окна во двор. Не любите шум? Документы, пожалуйста.

— Водительское удостоверение подойдет?

— Подойдет.

Женщина стала оформлять номер. Вадим продолжал весело болтать, а она охотно отвечала.

— Народу у вас много?

— В гостинице? Нет. Два дня назад гроза бушевала, молния в купол церкви ударила, крест на землю упал. Сторожилы говорят, такой грозы не припомнят. Я боялась, у нас крышу снесет. С двух домов на горе сорвало. В общем, природная аномалия отдыхающих распугала, теперь до выходных наплыва ждать не приходится.

— У вас тут, наверное, в основном рыбаки?

— Рыбаки чаще останавливаются дальше по дороге. Надо в гору подняться, потом спуститься, и прямо на берегу будет «Приют рыбака». Но у них сейчас тоже негусто. Вот на турбазах народ есть, но это километров десять отсюда, у нас обычно в выходные наплыв клиентов. Места здесь красивые, — женщина протянула карточку с ключами. — Завтрак с восьми до десяти. Пожалуйста, не опаздывайте. Вы можете сами готовить, в вашем номере есть кухня, на набережной ресторан, а если пройти на соседнюю улицу, там кафе. Ну и на выезде еще ресторан. Магазин в переулке прямо за нами. В общем, с голоду не умрете.

— Спасибо, — дружно сказали мы.

Вадим взял чемоданы, и мы прошли в номер. Он оказался довольно скромным для люкса, но в общем выглядел мило. Небольшая спальня с кроватью, застеленной лоскутным покрывалом, и кухня-гостиная. У ближайшей стены — кухонный гарнитур, совсем маленький, но с раковиной, электроплитой и микроволновкой. Велюровый диван, кресло и телевизор на низкой тумбочке.

— Чаю хочешь? — спросила я, обнаружив рядом с электрочайником пакетики с чаем и кофе, шоколадку, пачку печенья и сахар.

— Давай...

— Какие у нас планы? — спросила я, разливая чай. — Отправимся на прогулку?

— Обязательно. Часика через полтора.

— Почему не сразу?

— Детка, мы с тобой влюбленные, нам в объятиях положено

сливаться, а не на прогулку бежать. Вздремнем, потом заглянем в ресторан, а уж потом прогуляемся.

— Скажи лучше, что двигаться лень.

— Обижаешь. В нашей работе мелочами не пренебрегают, так что будем следовать легенде.

— Можно подумать, мы шпионы, — фыркнула я.

— В каком-то смысле да.

Вадим повалился на кровать и похлопал рукой по матрасу рядом с собой:

— Устраивайся.

— Я на диване.

— Да ладно, мы, считай, почти родня.

Я легла рядом, сказав сурово:

— Но спать ты будешь на диване.

— Как прикажешь, моя госпожа. Можно замечание не по делу, зато на тему, которая меня очень волнует?

— Валяй.

— Димка смотрит волком. Он снова метит в героин-любовники?

— Он нервничает, как и мы с тобой. И не знает, что делать дальше.

— Ага. В отряде без командира — разброд и шатание. Боюсь, наше трио долго не протянет.

— Почему? — нахмурилась я.

— Поэт считает, я рвусь на его место. Кстати, правильно считает. Джокер держал нас в узде, а теперь мы начнем тебя делить, и наша крепкая мужская дружба затрещит по швам.

— Ты рвешься занять его место? — удивилась я. — С чего вдруг?

— Не вдруг, милая. Я давно к тебе приглядываюсь и все больше убеждаюсь: ты девушка моей мечты, — он вроде бы смеялся, но мне его слова все равно не нравились.

— Спасибо, что предупредил. Чтобы не вносить разлад в вашу компанию, я, пожалуй, пошлю обоих... И сбегу.

— А наследство? Особняк, и к нему Кузьмич и Лионелла в придачу?

— А я все тебе подарю.

— Вот уж спасибо! Шутки шутками, но Димка мне не нравится. Обидно это сознавать, но без Джокера мы точно слепцы без поводыря. Как бы в самом деле не оказаться в исходной точке.

— Что ты называешь исходной точкой?

— Психушку, милая. Там без меня, поди, скучают.

— Может, лучше заняться исследованием, а не нагонять тоску?

Вадим перекатился на бок, приподнялся на локте и теперь нависал надо мной, заглядывая в глаза.

— На всякий случай: я с тобой в огонь и в воду, причем в любом качестве. Согласен еще в друзьях походить сколько надо. Но особо не затягивай.

Я испугалась, что он меня поцелует, однако Воин, засмеявшись, спрыгнул с кровати и отправился в ванную.

— Приму душ.

К моему облегчению, он скрылся за дверью, а я вздохнула. И даже принялась кусать губы, так меня разбирало. Картина нашего будущего, нарисованная Вадимом, выглядела вполне вероятной. Сколько мы подержимся без Максимильяна?

— Хватит упиваться страданием, — пробормотала я и, прихватив планшет, устроилась в кресле, решив еще раз перечитать справку, подготовленную Димкой.

За этим меня и застал Волошин. В гостиной он появился в шортах и футболке веселой расцветки, на ходу приглаживая мокрые волосы. И я подумала, что в других обстоятельствах с удовольствием заключила бы его в объятия. «Ага, — мысленно скривилась я. — Один раз ты уже дурака сваяла».

Вадим подошел, заглянул в планшет и удовлетворенно кивнул.

— Пока тебе есть чем себя занять, спущусь вниз, поболтаю с рыжей. Мне кажется, ей нравятся мужественные парни вроде меня, с чувством юмора и немислимой харизмой.

— Добавь еще — красивые и умные.

— Ну, это само собой. Мой ум сомнений не вызывает, а красота такая, что я от зеркала оторваться не мог, боялся так в ванной и состариться. Значит, так, ты якобы отдыхаешь, а я маюсь от безделья, оттого и не прочь поболтать. Минут через сорок спускайся, отправимся на разведку.

Он чмокнул меня в нос и ушел, я проводила его взглядом, вздохнула и вновь уткнулась в планшет.

Я читала, время от времени поглядывая на часы, через сорок минут переоделась в сарафан и сандалии, сунула в карман мобильник и покинула номер.

Еще в коридоре я услышала смех рыжей. Хохотала она так заразительно, что приходилось лишь гадать, чем ее так развеселил Вадим. Его голос я тоже слышала, но слов не разобрала.

Устроились они на веранде, сидели за столиком и пили пиво. Рыжая как раз стягивала в хвост непослушные волосы, подняв руки и

демонстративно выпятив грудь, на которую Воин нахально таращился и только что не облизывался. Я малость притормозила, заподозрив, что явилась не вовремя, рыжая, занятая разговором, вряд ли обратила на меня внимание. Я уже шагнула назад, когда увидела, как по ступенькам поднимается парнишка лет четырнадцати, худой и нескладный, с рыжими, торчащими во все стороны волосами. Он и лицом был похож на мать — курносый нос с россыпью веснушек и светлые глаза, — так что в их близком родстве сомнений не возникло. Увлеченная разговором женщина поначалу внимания на него не обратила. Парень, заметив Вадима, остановился, лицо его приобрело недовольное выражение, он так и замер на второй ступеньке, откуда ревниво наблюдал за ними.

Вадим его, конечно, заметил, но продолжал делать вид, что увлечен разговором с рыжей, а вот она, должно быть, почувствовала взгляд и резко повернулась.

— Венечка, — окликнула она, — обедать будешь?

— Нет, — ответил он сердито, потом поднялся по ступенькам и бросился к двери, где едва не налетел на меня.

— Эй, полегче! — сказала я, парень посмотрел испуганно, похоже, до этого момента он меня просто не видел.

Буркнул: «Извините», — и скрылся в коридоре.

— Носится как сумасшедший, — весело сказала рыжая, когда я подошла к столу. — Как отдохнули?

— Прекрасно. Это ваш сын?

— Да. Летом он становится настоящим дикарем, я его целыми днями не вижу. Где-то носится с мальчишками.

— В таких местах, как это, грех дома сидеть. Здесь просто рай для детей.

— Да, у нас здесь спокойно. Детишки лет с шести бегают без присмотра. Главное, чтобы купаться одни не ходили. Но мой Венька отлично плавает, прошлым летом даже спас одну подвыпившую девицу, которая сдуру среди ночи в воду полезла. Запросто могла утонуть. Венька с друзьями жгли костер на берегу и девицу заметили, она в темноте не могла понять, где берег, и начала кричать. Сын ее вытащил. Получили благодарность от МЧС.

— Настоящий мужик, — кивнул Вадим.

— Да, сынуля у меня молодец, — она поднялась из-за стола, уступая мне место. — Хотите пива? Я принесу.

— Нет, спасибо. Мы идем в ресторан или у тебя другие планы? — обратилась я к Вадиму.

— Идем, дорогая. Софья говорит, там отличную рыбу подают. А я сейчас готов сожрать что угодно, — он весело подмигнул рыжей и, взяв меня за руку, повел к выходу.

Мы направились вдоль озера к пешеходной набережной, где располагался ресторан.

— Итак, ее зовут Софья, — сказала я. — Что еще?

— Живет здесь четыре года. Приехала с сыном отдохнуть и познакомилась с мужчиной, владельцем этой гостиницы.

— И они полюбили друг друга?

— Этого она не сказала. По ее версии, ей понравились здешние места. А еще хотелось, чтобы сын рос в красивом и безопасном месте. В общем, они с хозяином гостиницы стали компаньонами. Два года назад хозяин внезапно умер, и гостиница отошла ей. Они живут с сыном в пристройке, там небольшая квартирка.

— Венька мать ревнует, — сказала я. — На тебя смотрел с неприязнью.

— У сыновей такое бывает. Вполне возможно, что у рыжей кое с кем из постояльцев складываются особые отношения. В таком поселке этого не утаишь. Люди болтают, пацан об этом знает и злится.

— О Зиновьеве расспрашивал?

— В разговоре его кончина не всплыла, а задавать вопросы я поостерегся. Для начала оглядимся. Мне пока все нравится. А тебе?

— Трудно сказать.

— Эй, расслабься. Попробуй сочетать приятное с полезным, — усмехнулся Вадим.

Мы как раз подошли к ресторану, новому зданию в классическом стиле, с колоннами и открытой верандой, где и устроились. Не скажешь, что здесь наблюдался аншлаг, но несколько столов были заняты парочками разного возраста. Самым молодым было лет по двадцать. Оба в спортивных штанах и футболках. У ног парня стоял рюкзак. Должно быть, путешествуют пешком или на велосипедах. Странно, что эти двое решили пообедать здесь, обычно молодежь выбирает более демократичные заведения, где подешевле. Но молодые люди явно не экономили и аппетитом обладали отменным.

Сидели они совсем рядом, и, когда к их столику подошла официантка, я услышала, как девушка задала вопрос:

— Далеко отсюда до маяка?

— Нет. Дойдете до конца набережной и его увидите. Только вам придется сделать крюк, чтобы к нему подойти. С этой стороны место

болотистое, и там лучше не ходить. У администратора можно взять схему, на ней указано, как к нему удобней подобраться.

— Здесь есть маяк? — вмешалась в чужой разговор я.

— Да, — кивнула официантка. — Наша достопримечательность. Он давно заброшен, но туристы его любят.

Девушка ушла, а я в недоумении обратилась к Вадиму:

— Зачем здесь маяк? Неужто по озеру когда-нибудь корабли ходили?

— Я не в курсе здешней истории, но корабли — вряд ли. Если только совсем маленькие, может, и маяк им под стать. Прогуляемся к нему, если хочешь.

Кухня ресторана произвела наилучшее впечатление, Вадим остался доволен. Я же все больше наблюдала за соседями. Парень с девушкой вскоре ушли, за ними и прочие потянулись. В ресторане остались только мы.

— Предлагаю взглянуть на дом Зиновьева, — сказал Воин. — А потом прогуляемся к маяку.

Дом Викиного деда мы искали довольно долго, пришлось подниматься на гору, пройти по дороге вправо от церкви и еще немного подняться. С этой стороны дом был скрыт деревьями, настоящим сосновым лесом, и если бы мы не уперлись в забор, скорее всего, прошли бы мимо.

Забор оказался крепкий, кованый, на кирпичных столбах. Двигаясь вдоль него, мы наконец-то увидели дом, довольно большой, с итальянскими окнами на фасаде и выступающей лестницей по центру, над которой располагался балкон с резными балясинами. Дом был оштукатурен и покрашен в желтый цвет, балясины, лестница и наличники — белые. Сейчас окна закрывали уличные жалюзи, и оттого, наверное, здание казалось мрачным, точнее, забытым хозяевами за ненужностью. На воротах — цепь с замком, калитка заперта. Видеокамер незаметно.

— Неплохой домик, — констатировал Вадим. — Нашей девушке повезло.

— Я бы здесь одна жить не стала, — приглядываясь к зданию, сказала я.

— И что с ним не так? — насторожился Вадим.

— Не знаю, — помедлив, ответила я, продолжая приглядываться к дому. — Но место мне точно не нравится.

— Неужели правда нечистый в домике обосновался? — скроив испуганную физиономию, ахнул он, а я показала средний палец, решив не вступать в дискуссию, и отправилась дальше.

К дому вела еще одна дорога, спуск здесь был крутой, зато, пройдя

всего метров четыреста, можно было оказаться на соседней улице.

— До цивилизации не так далеко, — заметил Вадим. — Давай посмотрим, что там с другой стороны.

Мы пошли вдоль забора и вскоре оказались на вершине холма, поросшего редким кустарником.

— А вот и маяк, — кивнул Вадим.

Я проследила за его взглядом. Внизу на песчаной косе возвышался маяк. Оказалось, он стоит на реке, что протекает неподалеку, и от озера его отделяет подозрительного вида пустырь, должно быть, то самое болото, о котором говорила официантка.

— Тропинка вроде есть, — приглядываясь, сообщил Вадим.

— Все-таки странно, зачем здесь маяк? — проворчала я. — На реке он так же неуместен, как и на озере.

— А по-моему, выглядит симпатично.

— Возможно. Но ведь его не для красоты поставили.

Волошин пожал плечами и начал спуск, я трусила следом. Поначалу дорога была довольно широкой, идти было даже приятно: местность живописная, с реки дул ветерок. Но как только мы оказались в низине, под ногами захлюпало. Однако тропа выглядела вполне надежной, и мы продолжили путь.

Расстояние до маяка — меньше километра, и преодолели мы его довольно быстро, правда, ноги все-таки промочили. На подходе нас ждал сюрприз: ограждение из сетки-рабицы с табличкой «Вход запрещен», но замок с калитки кто-то сорвал, а потом прицепил на место.

— Зайдем? — взглянув с сомнением, спросил Вадим.

Я пожалала плечами, толком не зная, хочу ли этого. Он снял замок и распахнул калитку. Если поначалу маяк никаких чувств, кроме недоумения, не вызывал, то сейчас я вдруг почувствовала беспокойство, которое все нарастало.

Задрав голову, я разглядывала маяк, пытаюсь обнаружить причину перемен в своем настроении. Официантка сказала, что он давно заброшен, судя по всему, не один десяток лет. Когда-то белый, сейчас он был с потеками черного и ржавого цвета, в нескольких местах штукатурка вообще обвалилась явив свету кирпичную кладку. Однако стекла наверху оказались целы, что скорее странно. Болото заканчивалось метрах в десяти от забора, здесь был песок, сквозь который пробивалась трава. В общем, ничего особенного. Но беспокойство не проходило.

Мы подошли к дощатой двери с навесным замком, он тоже оказался сорван, но дверь не открылась, хотя Воин сначала потянул ее на себя, а

потом с некоторым раздражением толкнул.

— Такое впечатление, что она заперта изнутри, — проворчал он.

— А может, просто заколочена?

— Может. Хотя гвоздей я не вижу.

— Если ее заперли изнутри, то как вышли?

— Вот и я про то.

Мы обогнули маяк по кругу — других дверей не обнаружили. Окна имелись, но довольно высоко и были заколочены деревянными досками.

— Дверь я запросто выбью, — сказал Воин.

— Зачем? — удивилась я. — Скорее всего, ее действительно заколотили, чтобы кто-то из туристов случайно не свалился с маяка.

— Да уж, ребятня наверняка бы облюбовала это место. Все-таки странно, что доски не оторвали.

— Пойдем отсюда, — попросила я, к тому моменту беспокойство приобрело характер вялотекущей паники. Однако стоило мне выйти за калитку, как я вздохнула с облегчением.

К поселку мы решили возвращаться другим путем — вдоль озера. Теперь тропинка была не в пример лучше, кое-где и здесь вода подступала, но не так, чтобы нырнуть по щиколотку. На песке я заметила след протектора, значит, здесь можно и на мотоцикле проехать.

Мы добрались до ближайших кустов. В этом месте пустошь кончалась и начинался перелесок, а тропа теперь больше напоминала дорогу. Я оглянулась, чтобы еще раз увидеть маяк, ранее делать этого почему-то не хотелось. С этой точки он выглядел скорее зловеще. Как декорация к фильму ужасов: облезлый, с заколоченными окнами. Точно призрак, осколок исчезнувшего мира.

Я невольно поежилась, и тут же возникло чувство, что сзади кто-то есть. По спине пробежал холодок, дыхание сбилось. Очень медленно я начала поворачиваться, шепча едва слышно:

— Не бойся...

Она стояла в двух шагах от меня. Еле видимая тень, сгусток тумана. Голова опущена, лицо закрывают спутанные волосы. Женщина вдруг резко вскинула голову, и на мгновение я увидела ее лицо, точно давно выцветшую фотографию, где черты едва-едва проступают... Секунда — и она исчезла в кустах, но перед этим оглянулась, точно предлагая следовать за ней.

— Эй, в чем дело? — услышала я голос Вадима.

Он стоял впереди, с изумлением глядя на меня. Я поспешно приблизилась.

— Выглядишь так, точно привидение увидела, — сказал он.

— Так и есть, — кивнула я.

— В каком смысле? О, черт... Что ты видела?

— Женщину, кажется, молодую. Волосы до плеч, узкое лицо...

— И давно она в покойниках?

— Несколько лет. Пять-шесть, не меньше.

Другой бы решил, что я брежу, но Вадим в моих способностях не сомневался. В отличие от меня. Когда подобное случается, я терзаюсь вопросом: вижу ли я в действительности тени умерших, или это игра воображения? Несколько раз эти видения помогли раскрыть преступления, но сомнения меня не оставляли. Напротив, присутствие в моей жизни чего-то непонятного, если угодно, потустороннего, очень беспокоило. С каждым годом это беспокойство лишь росло. Нормальные люди не видят призраков и уж тем более не пытаются разгадать, что те хотят сказать.

— И что это значит? — спросил Вадим, все еще стоя на месте и хмуро меня разглядывая. — Эту бабу где-то здесь зарыли?

— Необязательно. Но с этим местом ее что-то связывает. Возможно, здесь, на дороге, она погибла. Произошел несчастный случай, и ее, к примеру, сбила машина.

— Я готов согласиться с чем угодно, но, если рассуждать здраво, это маловероятно. Только чокнутый способен здесь двигаться на скорости. Нормальный человек будет едва плестись, следовательно, сто раз успеет затормозить.

— А если он был пьян и в темноте женщину просто не заметил?

— Ну... — Вадим пожал плечами. — Поинтересуемся у хозяйки, не было ли смертоубийства на дороге?

— Хозяйка здесь не так давно и может не знать.

— Что ж, зададим этот вопрос какому-нибудь старожилу. Ты как? — приглядываясь ко мне, спросил Вадим.

— Нормально. Идем.

Он пропустил меня вперед и теперь шел сзади.

— Не хотел бы я быть на твоём месте, — сказал он через некоторое время. — Мне, бывает, видятся кровавые мальчики, но во сне. Это как-то успокаивает. Не знаю, что бы я делал, явись они вот так, среди бела дня.

— Тебе видятся кровавые мальчики?

— Ага. Души убиенных, надо полагать.

— Ты винишь себя в их смерти?

— Нет. Я солдат и выполнял приказ... На войне некогда рассуждать, кто прав и все такое. Начнешь херней страдать — и считай, уже покойник.

Я убивал лишь тех, кто мог убить меня. Но им на это наплевать, и они все равно являются.

— Поэтому ты оказался в психушке?

— Не поэтому. Немного помял одну сволочь, которая, безусловно, того заслуживала. Но делать сие все-равно не стоило. Если честно, приложил я его крепко.

— Расскажешь мне эту историю?

— Как-нибудь...

Мы вышли к ближайшим домам.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал Вадим. — Считаю, мы уже на месте. Как впечатление от этого живописного уголка? По мне — было бы нормальное, если бы покойнички белым днем не шастали. А ты что скажешь?

— Не знаю. Дом Зиновьева выглядит так, точно в нем сто лет никто не живет. Еще этот маяк... — пробормотала я.

— Неприятное чувство?

— Странное. Будто за нами подглядывают.

— Кто его знает, вдруг так и есть, — кивнул Вадим. — У меня из головы не идет эта дверь. Она точно изнутри, а не снаружи заперта. Но куда в этом случае делся тот, кто ее закрыл? Может, на маяке и остался? Ты там еще одно привидение не заметила?

Я усмехнулась в ответ, но, странное дело, это замечание вызвало очередной приступ беспокойства, точно Вадим ненароком угадал.

Теперь мы шли рядом, он вдруг взял меня за руку, а потом и обнял, притянув к себе.

— Входишь в роль? — спросила я.

— Нет. В женихи набиваюсь.

— Кончай, а? — скривилась я.

Он засмеялся:

— Ладно-ладно, можешь считать это дурацкой шуткой. Тем более что я шутить по-умному не умею.

— Не прибедняйся.

— На тебя не угодишь, — хмыкнул он, но руку с моего плеча не убрал, чему я скорее была рада.

Близость Вадима всегда меня успокаивала. Может, в прежней жизни он был моим самым верным другом? В таком случае кем тогда был Димка? Максимильтян твердил: выбор должна сделать я, то есть разобраться, кто есть кто. Он меня явно переоценивал. Мне это точно не под силу.

На веранде гостиницы за столиком сидела Софья в компании мужчины лет пятидесяти. Она улыбалась, что-то ему рассказывая, но я почти сразу почувствовала между ними напряжение.

— Как погуляли? — спросила она, заметив нас, и поднялась из-за стола.

Я решила, наше появление пришлось весьма кстати, позволив ей прекратить беседу с мужчиной. Он мне не понравился, бог знает, почему. Выглядел эдаким душкой. Внешне был похож на Эркюля Пуаро, каким его представляют в фильмах: невысоким, пухленьким, с маленькими насмешливыми глазками и манерой складывать ладони лодочкой. Руки у него были белые, пухлые, с желтоватыми ногтями. И это тоже раздражало. А вот волосы были светлые, когда-то рыжеватые, а сейчас щедро разбавленные сединой. Он расчесывал их на косой пробор, маскируя плешь на темечке, впрочем, не очень удачно.

— Здравствуйте, дорогие соседи, — запел он. — Пырьев Сергей Борисович. Решил, так сказать, отдохнуть на лоне природы.

— Вадим Волошин, — пожимая протянутую руку, сказал Воин. — А это моя Прекрасная Елена.

— Лучше и не скажешь, — охотно закивал Пырьев. — Редкой красоты девушка. Прямо редчайшей.

— Смотрите не перехвалите. У меня и так характер не сахар, — заметила я серьезно.

Пырьев на мгновение вроде бы растерялся, а потом захихикал, визгливо и неприятно.

— На рыбалку? — спросил Вадим, устраиваясь за соседним столом.

— Да. Выдалось несколько свободных деньков. А здесь рыбалка знатная. Сам-то я раньше здесь не бывал, дружок рассказывал. А вы тоже рыбачить?

— Нет. Отдохнуть немного вдали от любопытных глаз, — в этом месте Вадим заговорщицки подмигнул, а Пырьев вновь захихикал:

— Понимаю-понимаю.

Софья, воспользовавшись тем, что гость занят разговором, поспешила уйти. Чем-то Пырьев был ей несимпатичен, хотя, как мне казалось, с мужчинами она поболтать не прочь.

Сергей Борисович, заметив ее отсутствие, заголосил:

— Хозяюшка, чайку нам не сообразите?

Она вернулась и с улыбкой ответила:

— Сейчас заварю, — но недовольство все равно чувствовалось.

Чай, с моей точки зрения, был весьма кстати, и мы устроились за

столом. Хозяйка, расставив перед нами чашки, варенье и большой заварочный чайник, хотела уйти, но Пырьев ее остановил:

— Не посидите ли с нами?

— Рада бы, да у меня дела.

— А мы на маяке были, — сказала я.

Похоже, это ее заинтересовало.

— Через болото шли? Там осторожнее надо...

— Мы с холма маяк увидели и спустились. Голову ломаем — зачем там маяк?

— Не знаю, это лучше у местных спросить. Здесь живет учитель истории, на пенсии. Он все на свете знает. Если хотите, я ему позвоню, он иногда экскурсии проводит. И как вам маяк?

— Ничего примечательного. Дверь и окна заколочены. Замки на калитке сбиты, видно, кто-то хотел внутрь попасть.

— И правильно, что заколотили. Детня полезет, да еще свалится, спаси господи. Венька мой с мальчишками туда бегал, хотя запретила строго-настрого. Смотрю, кеды опять в грязи, значит, по болоту шастал. Разве за ними углядишь.

— А как здешнего историка зовут? — спросила я.

— Петр Евгеньевич. Позвонить?

— Было бы неплохо. Интересно узнать о местных достопримечательностях.

Она достала из кармана мобильник и набрала номер. Разговор много времени не занял.

— Он завтра утром свободен. Вы могли бы к нему зайти. Это на соседней улице, пятый дом. Только смотрите, — тут она весело засмеялась, — когда он разговорится, его не остановишь. Жена жалуется, что в гроб разговорами может вогнать.

— Спасибо, что предупредили, — хмыкнул Вадим. — Я, пожалуй, не пойду. Это моя красавица любопытна, а я перебыюсь.

Пырьев с довольным видом покинул, а Вадим продолжил, обращаясь к Софье:

— На холме — дом с закрытыми ставнями. Очень удачно расположен. Не продается?

— Это который?

Вадим назвал адрес, Софья сказала:

— Может, и продается. Хозяин недавно умер.

— В больнице или в доме?

— В доме. Домработница утром нашла. Вроде что-то с сердцем.

— Он что же, один жил?

— Один. Хотя родня вроде есть. Я с ним незнакома была. Поселок наш невелик, но я далеко не всех знаю. Бабы в магазине болтали...

— Лучше бы он в больнице помер, покупать дом сразу расхотелось, — сказал Вадим, а Пырьев опять захихикал.

— Многие подвержены всяческим суевериям, двадцать первый век на дворе, а люди не меняются!

— Суеверия тут при чем? — нахмурился Вадим. — Просто думать о том, что здесь человек умер, неприятно.

— Это да. Хотя... люди постоянно умирают. Слава богу, этот своей смертью, а ведь бывает и вовсе мрак и ужас. Убийство, например.

— Никаких убийств у нас не было, — возразила Софья. — Поселок спокойный, тихий. В основном пенсионеры. Приезжие иногда пошумят, но это редко. Лично я таким сразу отказываю. Хотя за все время один только случай был. Подрались парни, сильно выпив. Утром ничего не помнили, но остальным постояльцам было неприятно. Я их завтраком накормила и отправила. Они до вечера на озере болтались, потом уехали.

— Не сомневаюсь, что у вас здесь железная дисциплина, — сладенько улыбнулся Пырьев. — Я это к слову сказал.

Софья сердито посмотрела на него, отношения у них явно не складывались.

Допив чай, мы отправились к себе. Вадим плюхнулся на кровать, закинул руки за голову и разглядывал потолок. Я по скайпу связалась с Димкой.

— Как дела? — поинтересовался он.

— Осматриваемся. Здесь есть маяк, представляешь?

— С трудом. Маяк на озере...

— Маяк на реке, а вовсе не на озере, — подал голос Вадим. — Озеро, кстати, довольно большое. Говорят, отличное место для рыбалки.

— Я думал, ты приехал туда злодеев ловить.

— Хозяйка гостиницы утверждает: места у них тихие, злодеи не водятся... А наша Девушка встретила покойника, точнее, покойницу, та болталась неподалеку от дороги.

— Это правда? — нахмурился Димка.

— Да. Но к нашему делу это отношения не имеет.

— Может, старичок тоже покажется, — хохотнул Вадим. — И поведаст историю своей кончины. Предлагаю ночью проникнуть в дом...

— Присматривай там за этим типом, — сказал Димка, — не то действительно куда-нибудь вломится. Ладно, пока. Будут новости,

позвоню.

— Кстати, насчет дома я бы подумал, — приподнимаясь на локтях, сказал Вадим.

Достав мобильный, я позвонила Виктории.

— Мы бы хотели осмотреть в дом, — сказала я, когда она ответила.

— Конечно. Мне приехать?

— Не обязательно. У домработницы есть ключи?

— Да, я оставила, чтобы она пока присматривала за домом.

— Тогда позвоните ей и скажите, что придут покупатели.

— Покупатели? — не поняла Виктория.

— Лучше, если пока никто не будет знать, кто мы такие.

— Хорошо. Я вам перезвоню.

Перезвонила она минут через десять.

— Все в порядке. Можете идти в любое время. Я сказала, вы уже в поселке и остановились в гостинице.

— Отлично. Спасибо.

Получив СМС с адресом домработницы, я повернулась к Вадиму:

— Пойдем сейчас или оставим на завтра?

— А чего тянуть? Тем более что занять себя особенно нечем.

Домработница жила неподалеку от Зиновьева, на соседней улице. Спускаясь к маяку, мы проходили мимо ее жилища, одноэтажного строения из красного кирпича с бесконечными деревянными пристройками. Из-за них дом был похож на огромный сарай.

Никифорову Клавдию Семеновну мы обнаружили в компании соседки на скамейке возле палисадника, где бурно цвели георгины, сортов десять, не меньше. Завидев нас, одна из женщин посмотрела с интересом, мы поздоровались, а она спросила:

— Это вас Вика прислала?

— Да, — кивнула я. — Она звонила?

— Звонила с полчаса назад. Чудеса. Что это она вздумала дом продавать? То жить хотела, то вдруг продавать. Идемте, все покажу.

Мы подождали, пока она сходит за ключами, и не спеша стали подниматься по улице. Соседка, оставшаяся на скамейке, проводила нас любопытным взглядом.

Клавдия Семеновна выглядела лет на шестьдесят, худая, жилистая, невысокого роста, блекло-голубые глаза, казалось, выгорели на солнце.

Подъем разговорам не способствовал, оттого я помалкивала, Клавдия тоже молчала, но взгляды на нас бросала настороженные. Видимо, чем-то мы ей не приглянулись.

Она открыла калитку, пропуская нас вперед, и заметила ворчливо:

— Дом хороший. Покойный хозяин во всем порядок любил и следил за домом. Что крыша, что подвал — в надлежащем виде.

— А сколько лет дому? — подал голос Вадим.

— Лет сорок есть. Может, больше. Но дом еще столько же простоит, а смотреть будете, так и сотню лет ничего ему не сделается. Фундамент каменный, кладка — загляденье, сейчас так не делают. Хозяин дом строил, когда еще при должности был. В больших чинах ходил, по здешним меркам. В средствах себя не ограничивал и строил на века. Чтоб детям и внукам...

— Но из внуков только Виктория? — сказала я.

— Человек предполагает, а Господь располагает, — вздохнула Клавдия. — Хозяин, поди, в гробу перевернется, если Вика дом продаст. Хотя, если разобраться, почто он ей?

К тому моменту мы уже вошли внутрь. В просторном холле было темно. Клавдия включила освещение. Отделан дом был с претензией на роскошь, но сейчас все это выглядело довольно скромно. Потолок с лепниной из гипса, люстра из чешского стекла, обои с павлинами местами потертые.

— Вот, смотрите. Потолки высокие, трехметровые. Дворец, а не дом!

Клавдия шла впереди, везде включая свет.

— Альберт Юрьевич долго жил один? — спросила я, следуя за ней.

— Как хозяйка померла, так и жил. Лет десять, должно быть. Я думала, недолго ему вдовцом ходить — мужчина видный, с приданым. Быстро к рукам приберут. Хозяйкина подруга первое время чуть не каждый день ездила, должно быть, виды имела. Но вдовец ею не прельстился. Еще две знакомые дамочки навязывались, то вдвоем, то по одной. И меня выпрашивали, как он да что. Кое-кто из наших тоже рад бы глаз на него положить, Марьяна из администрации, к примеру, большую о нем заботу проявляла, бегала то и дело. Да не выгорело у них.

— Значит, хозяин — завидный жених? — вмешался Вадим со смешком. — А с сердцем у него давно проблемы были?

— Не знаю. Мне не жаловался. Хотя он вообще не из болтливых был. Да и мне лясы точить некогда, не для того сюда приходила.

— Долго вы у него работали?

— Как жена померла. Жаль будет работу потерять. На пенсию-то не особо расшикуешься. А он платил хорошо, местные мне завидовали. Но ведь такой дом в чистоте держать — дело непростое, спину-то поломаешь.

— Значит, на здоровье хозяин не жаловался? — вернулся Вадим к

прежней теме. — И вдруг помер?

— Ну, не вдруг... Видно, сердце пошаливало. Он последнее время смурной ходил. Подруги его все кудахтали: что, мол, невесел, что голову повесил?

— А он?

— А он отшучивался. Года, мол, а с годами мудрость приходит, а у мудрого человека мало поводов для веселья.

— Ага. Во mnogой мудрости много печали.

— Вот-вот, именно так и говорил.

— Значит, женить его не смогли?

— Точно. Он мужик себе на уме. Видать, решил в одиночку доживать.

— А как же внучка?

— Не больно он с Викой ладил. Она на вид тихая, но упрется, точно баран. И он такой. Эдак возьмутся ругаться — хоть святых выноси. Пигалица была, а деду не уступит. Да и не любил он ее, — неожиданно заключила она.

— Викторию? — удивилась я. — Почему?

— Да он никого не любил, ни ее, ни дочь, ни жену покойную, только себя. Есть такие люди. Другие им без надобности. На похоронах жены ни слезинки не пролил.

— Не все мужчины способны плакать...

— Может быть. Но уж очень у него все по-деловому. Надо это, надо то... Свез жену на кладбище, точно на курорт отправил, — главное, чтоб ничего не забыла и добралась хорошо. Хотя, может, это из-за службы. Привык все в себе держать. Вот сердце и не выдержало.

— У него ведь дочь погибла? — закинула удочку я.

— Погибла? Вроде, говорили, пропала? Неужто нашли?

— Я всех обстоятельств не знаю, но Вика говорила, что осталась без матери.

— Точно, сирота она.

К тому моменту мы прошли по всему дому. Вадим изображал большую заинтересованность, все проверял, везде заглянул. Открывал и закрывал краны в санузлах, интересовался счетчиками на газ и воду, осмотрел оконные рамы и дважды буркнул с серьезным видом:

— Пол гуляет... — в доказательство чего немного попрыгал на половице.

Клавдию все это мало занимало, а вот поболтать она была не прочь.

Вадим спустился в подвал, а мы остались в гостиной. Окно в пол было закрыто жалюзи, я попросила его открыть, что Клавдия и сделала,

вернулась, и мы устроились в кресле возле окна, любуясь живописным видом.

— Здесь я его и нашла, — сказала она, вздохнув.

— Альберта Юрьевича?

— Ага. Пришла утром, а он лежит. Вот тут, между кресел. Должно быть, встать хотел, да упал.

— Видимо, приступ был внезапным, если он «Скорую» не вызвал.

— Да уж... Телефон-то под рукой. Лежал хозяин такой страшный, видно, напоследок пришлось помучиться. Все по грехам нашим...

— У него было много грехов?

— Почему мне знать? В одном грехе точно себя корил. Сама слышала, как говорил кому-то по телефону. Мол, он в том, что случилось с дочкой, виноват.

— Виноват? Каким образом?

— Так он выгнал ее на ночь глядя. Она дверью хлопнула и ушла. И больше ее никто не видел.

— Подождите, но наверняка было следствие...

— А как же! Приезжали какие-то, спрашивали. По уму-то, она должна была на автобус идти. На последний еще успеть могла, если бы поторопилась. Помню, водителя чуть не засудили, вроде он мог того... сделать что-нибудь. Кто-то видел, как он ехал с одним пассажиром, с женщиной. Но потом разобрались: женщина эта жива-здоровая оказалась. К кому-то из местных в гости приезжала. Вот и выходило: на автобус она опоздала, а что дальше — тайна за семью печатями. Может, такси вызвала, или подхватил кто... А может, в городе с ней что случилось. Но хозяин покойный прав: если бы дочь здесь до утра оставил, беды бы не случилось. Было из-за чего сердце надсаживать.

— Если он ее не любил, как вы говорите...

— Не любил так, как родному отцу должно. Но отец все равно отец. И вину свою знал. Ну что, все посмотрели? — поворачиваясь к вошедшему в гостиную Вадиму, спросила она.

— Посмотрел, — ответил тот, озираясь. — Что-то не так с этим домом. Я бы здесь один ни за что не остался.

— Дом как дом, — пожала плечами Клавдия. — Видать, хозяин еще отсюда не убрался, вот вам и не по себе. Мне-то он привычный, но, если честно, после его смерти и я заходить сюда лишний раз не хочу. Может, Вика и права, что решила дом продать. Так и кажется, что кто-то в окна заглядывает.

— Вы Вику хорошо знаете? — решила спросить я.

— Да где там... маленькую помню. Она ко мне ходила за черешней. Было у меня два дерева, урожая на всю улицу хватало. В прошлом году вымерзли. Вот придет, я ей ягод наберу, а она ест и мне про свое житье-бытье рассказывает. А я про свое. Бабка померла, она реже ездить стала, видно, дочь с отцом чего-то не поделили. А потом и матери не стало, тогда Вика и вовсе от случая к случаю к деду заглядывала. Наверное, обижена была, а может, в том, что случилось, деда винила. По мне, так правильно. Осталась девка без отца-матери. А вы где остановились? — резко сменила она тему.

— В гостинице.

— У Соньки, что ли?

— Да, — ответила я, присматриваясь к Клавдии, она насмешливо спросила:

— Небось дорого у нее?

— Ну... как вам сказать.

— Уж эта своего не упустит. Такая, прости господи...

— Она ведь приезжая, если мы правильно поняли.

— Приезжая. Явилась сюда с мальчишкой своим, вроде отдохнуть. А хозяин гостиницы о ту пору один жил, она и смекнула, как мужика вокруг пальца обвести. Стала с ним жить. А он хворый. Она и добилась, чтобы он на нее гостиницу переписал. Родного сына без всего оставил, чужим людям отдал. Вот такой пронырой Сонька оказалась.

— Сын не пытался решение отца оспорить?

— А как оспоришь? По бумагам он ей все продал. Продал, а денежки где? Нет денежек. По-умному все провернула, комар носа не подточит.

— Странно все-таки, что он сыну ничего не оставил. Или они не ладили?

— Да вроде ладили. Хотя, если честно, с женой Григорьевич давно развелся. Она в городе с сыном жила, он здесь. Парнишка летом, бывало, приезжал, отцу помогал. Отец-то строго с ним. Может, оттого и ездить стал редко. А может, дела какие. Вырос парнишка-то, взрослая жизнь пошла.

— Гостиницу он уже после развода купил?

— Видно, так. Иначе сыну чего-нибудь да перепало бы. А так вышло, что кукиш с маслом. Он на похоронах на Соньку даже не смотрел, небось рассчитывал ее с вещами в тот же день отправить. А оказалось — его уже на кривой кобыле объехали. Есть такие бабы... Соньке этого мало, она опять мужичка подходящего нашла, разведен и тоже намного старше. Небось думает, долго не проживет, — хихикнула Клавдия. — Да, боюсь, здесь-то она просчитается. Он мужик крепкий.

— Это кто же такой?

— Ивлев Геннадий Алексеевич. Живет неподалеку от нее. Видный мужчина. Раньше пожарной частью командовал. Здесь у него дача. Была. А как на пенсию вышел, сюда окончательно перебрался. Вот Софья его и присмотрела. Правда, пока таятся, но людей не проведешь. Да и с постояльцами она, похоже, не прочь дружбу водить. Хотя это, может, раньше было. Ивлев вряд ли такое потерпит, не тот мужик.

Клавдия начала подниматься с намерением покинуть дом, и я быстро спросила:

— А как у вас вообще... тихо?

— А кому шуметь-то? Одни пенсионеры. Летом дачники понаедут, но они все возле озера, а мы туда, считай, и не ходим.

— В дома не вламываются, на машинах гонки не устраивают?

— Бог миловал. За домами соседи приглядывают, у нас так заведено, а по нашим дорогам сильно не разгонишься.

— А вроде бы несколько лет назад молодую женщину сбили. Возле болота, по дороге к маяку.

— Это когда ж такое было? Не помню.

— Я вроде бы в новостях слышала.

— Нет. Вы чего-то путаете. За все время — одна беда: дочка хозяина пропала. Полиция тогда приехала, по домам ходили, людей опрашивали, а больше ничего такого не припомню. Участковый и тот редко заглядывает, он в соседнем селе живет, там большой поселок, начальство городское, ну он, само собой, поближе к начальству. А у нас тишина. Что ж, если все посмотрели, так, пожалуй, мне пора. В деревне дел всегда хватает.

Мы вместе покинули дом, Клавдия опустила металлические жалюзи на окнах и тщательно проверила замки.

Возле ее дома мы простились и не спеша направились в сторону гостиницы.

— Что скажешь? — спросил Вадим. — Похоже, тебе удалось разговорить тетку.

— Да, поболтать она не прочь, но особой пользы я от нашей беседы не вижу. То, что у старика были непростые отношения с родней, мы и раньше знали.

— Он винил себя в гибели дочери.

— Ага. Но у меня фантазии не хватает вообразить, какое это имеет отношение к смерти старика.

— Может, он скончался от мук совести? — усмехнулся Вадим.

— Тебя не насторожили слова Клавдии о том, что в доме ей не по

себе?

— Кто-то за ней вроде бы подглядывает?

— А если правда?

— Естественная причина смерти ни у кого сомнений не вызывала, — пожал плечами Воин. — Вряд ли удосужились проверить дом.

— Ты думаешь, там могут быть установлены видеокамеры?

— Сомневаюсь, если честно. Ничего похожего я не заметил, но если старик чего-то опасался... Тетка на истеричную девицу явно не тянет. И если чувствует беспокойство, значит, тому есть причина.

— Например, суеверия. Душа умершего до сорока дней находится здесь, то есть, вполне вероятно, что и в доме.

— Я правильно понял — проверять дом мы не будем?

— Почему? Давай проверим, — тут я притормозила и с подозрением посмотрела на Вадима. — С какой стати ты ведешь себя так, точно мое слово решающее?

— А разве нет? — удивился он.

— Да с какой стати?

— Ну... я, конечно, за демократию, но без командира боевая дружина превращается в ватагу, где царят разброд и шатание. Не к такому плачевному результату мы стремимся.

— Допустим, но почему я?

— Потому что так решил Джокер.

— Ничего подобного! В его бумагах об этом ни слова.

— Правильно. Зачем писать об очевидном? Он сделал тебя своей наследницей. И этим все сказано.

Я вздохнула и пошла дальше.

— Тебя это обидело? — решила спросить я через некоторое время.

— Нет, — хохотнул Вадим. — Абсолютно правильный выбор, как и все, что делал Джокер. Димка на роль командира не годится. Я тем более.

— Почему?

— Потому что по мне психушка плачет, и ты это знаешь.

— Глупости.

— Вовсе нет. Мне не хватает сдержанности и рассудительности. Ты из нас троих наиболее подходящий кандидат. К тому же Димка в тебя влюблен. Я тоже в тебя влюблен. Выбор Джокера ни у него, ни у меня неприятия не вызывает.

— Жаль, никто не спросил — а мне это надо?

— Джокер не из тех, кого заботит чужое мнение, — засмеялся Волошин. — У него на все было свое.

— Вадим, я не хочу занимать место Бергмана. Мне это просто не под силу.

— Ты справишься, не сомневайся. Он ведь не сомневался в тебе. К тому же у тебя есть я. И Димка. Так что, дом будем обыскивать?

— Конечно. Надо договориться с Викторией. Пусть приедет под видом встречи с потенциальными покупателями. Я бы еще поговорила с приятельницами Зиновьева. Если они часто навещали старика, могут знать что-то интересное.

— Ну-ну, — закивал Вадим и усмехнулся.

— Что? — нахмурилась я. — По-твоему, в этой смерти нет ничего необычного и мы напрасно тратим деньги клиента?

— Мы остро нуждаемся в работе, чтобы не съехать с катушек. Это факт, — пожал плечами Вадим. — А все остальное...

— Если честно, я тоже так думала.

— А теперь не думаешь? — нахмурился Вадим.

— Он нервничал в последние дни. Что-то его беспокоило. Это чувствуется даже сейчас, атмосфера в доме... Глупость говорю?

— Только не для меня. Я в твоё чутьё верю свято.

— Спасибо. А я в сомнениях пребываю. И ещё... Женщина, то есть не совсем женщина...

— Призрак, которого ты видела по дороге от маяка?

— Да. Клавдия ни о каком несчастном случае не помнит. Значит...

— Значит, это не несчастный случай?

— Надо дать задание Димке, вдруг да и найдет что-нибудь, связанное с этим местом. Кстати, ты заметил, в доме Зиновьева нет ни одной фотографии — ни жены, ни дочери, ни внучки?

— Ни его самого. Далеко не все любят окружать себя родными лицами.

— Пожилые люди обычно сентиментальны.

— Явно не его случай.

Вернувшись в гостиницу, мы устроились на веранде. Пырьев обретался тут же. Завидев нас, начал разглагольствовать о предстоящей рыбалке. Софья не показывалась, похоже, постоялец успел ей изрядно надоесть. Ее сына тоже не было видно.

Довольно скоро мы оказались в своем номере. Вадим отправился в душ, а я позвонила Димке.

— Будет к тебе приставать, пошли его к черту! — неожиданно сказал он, когда я собиралась с ним проститься.

— Мы не первый раз ночуем в одном номере, и ему в голову не

приходило ко мне приставать.

— Это раньше. Тогда был Джокер, Вадим всегда его слушал. Сейчас Джокера нет. И он обязательно воспользуется ситуацией.

— Тогда я пошлю его к черту.

— Очень на это надеюсь.

— Не слышу оптимизма в голосе.

— Ладно, спокойной ночи! Найду что-то интересное, сразу сообщу.

Вадим появился из ванной в одних шортах. Я могла вдоволь любоваться бицепсами, трицепсами и кубиками на животе. Наверное, для любой девушки это искушение, однако в тот момент я была скорее раздосадована.

Вадим взглянул с усмешкой, точно спрашивал: «Как я тебе?»

— Димка советовал послать тебя к черту, — сообщила я, торопясь занять его место в ванной.

— Лучше бы он сам туда отправился, — фыркнул Волошин.

— Имей в виду, лимит на дурацкие поступки у меня уже исчерпан, — я захлопнула дверь и досадливо вздохнула. Досада относилась к тому факту, что Воин продолжал давнюю игру в соблазнение. Хотя кто знает, может, это вовсе не игра? Главное — не обострять ситуацию и делать вид, что я все это не воспринимаю всерьез.

Когда я вышла из ванной в мешковатой пижаме и с полотенцем на голове, Волошин лежал на диване, прихватив подушку с кровати и укрывшись покрывалом. Диван ему был коротковат, ноги покоились на подлокотнике.

— На диване лучше мне спать, — заметила я.

— Не мешай геройствовать.

— Глупость это, а не геройство. Перебирайся на кровать вместе с покрывалом и подушкой. Мы уже спали в одной постели, и мир не рухнул.

— Боюсь, это будет серьезным испытанием, — заметил он, но на кровать перебрался.

— Спокойной ночи, — сказала я, выключая свет.

— Вот уж не знаю, — ответил он.

Мы лежали спиной друг к другу, он под покрывалом, я под одеялом. И мне, вопреки всякой логике, захотелось прижаться к нему покрепче, но дело было вовсе не в греховных мыслях, которые, само собой, возникали против воли при виде его голого торса. Очень хотелось услышать банальное «все будет хорошо» и уснуть, чувствуя тепло его тела и свято веря: все действительно будет хорошо. Однако лезть с объятиями я себе отсоветовала, дабы не быть понятой превратно, и постаралась поскорее

уснуть.

Разбудили меня громкие шаги в коридоре. Я подняла голову и убедилась: Вадима рядом нет. На диване его тоже не оказалось, хотя сначала и мелькнула мысль, что он ночью туда перебрался от греха подальше. Ванная тоже была пуста. Я умылась, выпила кофе и уже собралась звонить ему, когда дверь за моей спиной скрипнула и в номер вошел Вадим.

— Проснулась? — крикнул он.

— Хочешь кофе? — спросила я, торопясь ему навстречу.

— Давай.

— Ты купался? — заметив у него в руках мокрые плавки, поинтересовалась я.

— Решил окунуться с утра пораньше...

Он устроился в кресле, я приготовила ему кофе.

— Как вода в озере?

— Холодная. За кофе спасибо. — Он вдруг усмехнулся и покачал головой. — Кстати, Пырьев шпионит за нашей хозяйкой.

— С чего ты взял? — нахмурилась я.

— Иду на озеро, солнце только-только поднялось, а в кустах что-то поблескивает — то ли бинокль, то ли оптический прицел.

— Ты серьезно?

— Насчет прицела? Нет. Короче, решил взглянуть, кто у нас по кустам таится, и аккуратненько зашел в тыл отважному разведчику.

— И им оказался Пырьев?

— Точно. Выглядел слегка смущенным и невнятно бормотал, что любит наблюдать за птичками. Но старался не особо.

— То есть его не очень беспокоило, что ты застал его в кустах?

— Именно. Он, кстати, был с удочками, но вряд ли его интересовала рыбалка.

— Почему ты решил, что он следит за хозяйкой?

— Он наблюдал за гостиницей, судя по выбранной позиции. Следовательно, объектами наблюдения были либо она, либо мы. Других постояльцев нет. Не считая самого Пырьева, разумеется.

— А если он действительно за нами следит? — нахмурилась я.

— В этом случае ему следовало насторожиться, когда я вышел из гостиницы. А он позволил мне зайти со спины и был к этому точно не готов. Хотя его могла интересовать ты, а вовсе не я.

— Я? С какой стати?

— Могу спросить у него.

— Ты действительно думаешь... — начала я. — Кому это надо?

— Ну... вариантов может быть несколько. Например, некто, кого мы не знаем, нацелился на наследство и отправил сюда человека приглядывать за нами. Или так поступил злодей, который довел старикана до инфаркта. Ему не нравятся намерения внучки, и он слегка всполошился. Достоверно?

— Ага... Но это не объясняет, почему должны следить за мной, а не за нами.

— Не объясняет, — кивнул Вадим. — Может, появление здесь Пырьева не связано с нашей клиенткой? — Вадим смотрел исподлобья и ухмылялся.

— Ты имеешь в виду... — разумеется, я прекрасно поняла, что он имеет в виду. Я встречалась с Климом за спиной Бергмана, в результате Бергман погиб, а Клим исчез. Вряд ли надолго. И если в планах у него расправиться со всей четверкой... Неужели он рискнет встретиться со мной? Хотя — почему бы и нет? Женщины верят в то, во что хотят верить. И план его очень прост: заморочив мне голову, избавиться от Воина с Поэтом, а там и моя очередь придет. — Сомневаюсь, что на роль помощника он бы выбрал Пырьева, — сказала я.

— Зависит от того, какая у него роль, — пожал плечами Вадим. — Так мне с ним потолковать?

— Пока не надо, — подумав, ответила я. — Посмотрим, что будет дальше.

— Твое слово — закон, — усмехнулся он.

— Может, приложить тебя коленом, чтобы перестал надо мной потешаться?! — не сдержалась я.

— Идея мне совсем не нравится. Лучше заключи меня в объятия. И я вовсе не потешаюсь... Я готов следовать за тобой куда угодно, как преданная гвардия за своей королевой.

— Идем завтракать, — вздохнула я.

Завтрак подавала девушка лет семнадцати, Софья не показывалась — то ли была занята, то ли вовсе отсутствовала в гостинице.

— Никто больше не приехал? — спросил Вадим у девушки, которую звали Нонна.

— Нет. В гостинице только вы да еще один мужчина. Он уже на рыбалку ушел.

— Рыбак из него знатный, — с серьезной миной кивнул Вадим. — Что ж, отправимся к местному краеведу? — предложил он, когда мы закончили завтракать. — В деревнях встают рано.

Дом Петра Евгеньевича мы нашли без труда. Фасад, оштукатуренный и покрашенный в белый цвет, сплошь покрывали нарисованные подсолнухи.

Мы топтались у калитки, не зная, как дать хозяину знать о своем приходе. Рядом с калиткой — ничего похожего на звонок. Запиралась она на щеколду, и открыть ее труда не составит, что Вадим и хотел сделать, но я его остановила. Наконец дверь, ведущая на веранду, распахнулась, и появился седовласый мужчина лет семидесяти, очень высокий и очень худой. Из-за бородки клинышком и лихо подкрученных усов он походил на Дон Кихота, так я его мысленно и окрестила. Одет он был забавно: шорты в клеточку ниже колен, толстовка с капюшоном, явно оставленная внуком, на ногах — ярко-желтые носки с собачками и сланцы.

— Здравствуйте-здравствуйте, — помахав нам рукой, весело заговорил он. — Вы те самые молодые люди, о которых Софья Васильевна рассказывала?

— Те самые, — кивнула я с улыбкой. — И нас очень интересует все, что связано с этими местами.

— Похвальное любопытство. А я всегда рад его удовлетворить. Что пользы в знаниях, если ими не с кем поделиться? Именно поэтому на свете появились первые книги, молодые люди.

Вместе с ним мы вошли на веранду. Сразу стало ясно: это любимое место хозяина. Вдоль стены — книжные полки, между которыми втиснут письменный стол, диван, имеющий такой вид, точно на нем проводило свои дни с книжкой в руках не одно поколение, тут же низенький столик с электрическим чайником и чашками, висящими на крючках, прибитых к дверце, плетенное из лозы кресло-качалка, потертый ковер и оранжевый абажур. Мне здесь сразу понравилось.

— Присаживайтесь, молодые люди, — кивнул Дон Кихот на диван, сам устроился в кресле и принялся раскачиваться. — Простите, забыл представиться, — вдруг вскочил он. — Петр Евгеньевич.

— Вадим, — отозвался Волошин, наблюдая за Дон Кихотом с недоумением.

— Лена, — кивнула я.

— Обожаю это имя, — разувбался Петр Евгеньевич. — Три женских имени, с моей точки зрения, несут в этот мир красоту и гармонию: Мария — Матерь Божия, София — мудрость и Елена — красота земная. Надеюсь, о Елене Троянской вы слышали?

— Еще бы.

— Самая знаменитая красавица в истории. Мужчины теряли голову

при виде нее. Готовы были сражаться и умирать.

— Жаль, что сейчас это мало кому приходит в голову, — хмыкнула я. — Да и женщины в наше время не столь кровожадны.

Дон Кихот засмеялся и кивнул несколько раз, как будто соглашаясь.

— Хотите чаю? — предложил весело.

— Нет, спасибо...

— Значит, вы решили разузнать о здешних местах. И что вас особенно заинтересовало?

— Маяк, — ответил Вадим.

— Ну, разумеется, — вновь закивал Петр Евгеньевич. — Маяк... Довольно странное сооружение для наших мест.

— Очень странное.

— Что ж... Маяк был построен в тысяча девятьсот третьем году. Здесь находилось имение Храповицкого, промышленника, удачливого бизнесмена и человека с неумейной фантазией. Дом он построил в виде рыцарского замка, с четырьмя башнями и каминным залом, который называл тронным. И не зря. Отделан он был так, что мог поспорить с королевским. Правда, трон там отсутствовал. При всех своих фантазиях Дмитрий Иванович был человеком здравомыслящим. К сожалению, от замка ничего не осталось. Во время революции он существенно пострадал, потом там находился дом-интернат, затем сельхозтехникум, а в шестьдесят восьмом году дом сгорел. Фундамент — вот, собственно, все, что говорит о былом великолепии. Но и его вы сейчас не увидите — местные растащили камни для собственных нужд, у моего соседа, к примеру, сарай сложен из тех самых камней.

— А маяк? — напомнил Вадим, который терпением не отличался. Похоже, экскурсии в историю его не особенно интересовали.

— У маяка своя история, — хитро прищурился Дон Кихот. — Вокруг замка разбили парк, там было множество скульптур и три фонтана. — Он вновь поднялся, достал с полки толстенный фолиант и протянул нам. — Альбом гравюр, выпущенный в тысяча девятьсот десятом году. Посмотрите, какое великолепие! Кое-кто из старожилов еще помнит этот парк, разумеется, таким, каким он был лет шестьдесят назад. К сожалению, сохранилась лишь липовая аллея.

Я открыла альбом и принялась листать, а Петр Евгеньевич продолжал:

— Река за это время значительно обмелела. Маяк был построен на косе, с трех сторон он был окружен водой. Храповицкий приказал прорыть канал, чтобы из реки можно было попасть в озеро.

— То есть это была прихоть, не более? Захотел человек маяк — и

построил? — усмехнулся Вадим.

— Как и многое другое. Те же гроты, в которых в жару так приятно было укрыться. С маяком связана романтическая история. Дмитрий Иванович был влюблен в дочь князя Зарецкого, девушку редкой красоты. Их имение располагалось по ту сторону реки, к сожалению, от него тоже ничего не осталось. Сожгли в Гражданскую. Так вот, Храповицкий был женат и рассчитывать на благосклонность княжны не мог, но предмет своего обожания желал видеть как можно чаще. И устраивал бесконечные праздники. Балы, маскарады, катания на лодках. Зарецкие здесь охотно бывали, а так как их имение за рекой, и по прямой до него не более двух километров, а вот в объезд по мосту — все двадцать пять, то переправлялись обычно на лодке. Кстати, вскоре Храповицкий устроил паромную переправу, которой могли пользоваться все. С конца августа здесь туманы, так что маяк не был совсем уж бесполезен, но сам Дмитрий Иванович скорее воспринимал его как символ, «огонь любви», который светит во тьме, призывая его возлюбленную.

— Совсем как в «Великом Гетсби», — прокомментировала я.

— Совершенно верно. Маяк — символ любви, что может быть прекраснее? Поговаривали, княжна все-таки ответила на его чувства, и влюбленные тайно встречались на маяке, где имелась потайная комната. А чтобы влюбленных не могли видеть рядом с этим местом, по слухам, были прорыты два потайных хода. Один от берега, где был грот, а второй — из имения, тоже из грота.

— Он сам их вырыл, как граф Монте-Кристо? — съязвил Вадим.

— Вряд ли, — засмеялся Дон Кихот. — Но вы напрасно иронизируете, подземные ходы совершенно точно имели место, соединяя парковые гроты. В здешних краях добывали камень для строительства, начиная с тринадцатого века. В результате под ногами у нас — сплошные пустоты, а с той стороны холма — две большие пещеры с переходами. Правда, пройти там сейчас нельзя. В целях безопасности поставили решетки. Входы в парковые гроты засыпали еще в двадцатые годы, но подземные переходы, уверен, сохранились. В один из гротов можно спуститься. Лет пять назад обвалился свод, тогда и выяснилось, что это парковый грот. К тому моменту мало кто помнил, где они находятся. Я спускался туда дважды, к сожалению, большую часть грота заполнила вода, мы мало что смогли увидеть, но, учитывая особенности местности, подземные ходы к маяку, о которых повествует легенда, — не такая уж фантастика. Хотя ни на одной схеме я их не нашел.

— А тайную комнату на маяке нашли?

— Увы. Впрочем, обследовать его тщательно я возможности не имел. Сначала он был признан стратегическим объектом.

— С какого перепуга? — удивился Вадим.

— Кто ж знает? — пожал плечами Дон Кихот. — Одно могу сказать: на маяке была установлена антенна, а вот для чего она предназначалась... Людей в форме здесь тоже видели, но ни с кем из местных они не контактировали. Маяк окружили колючей проволокой, проход был закрыт, а дорогу преграждал шлагбаум. В советские времена люди власть уважали и предпочитали к маяку не приближаться. Потом антенна исчезла, вместе с колючей проволокой. Шлагбаум продержался дольше всех, — в этом месте Дон Кихот хихикнул. — Поговаривают, что маяк купил какой-то бизнесмен и собирается сделать ресторан. Достоверными сведениями на сей счет не располагаю. Все мои попытки попасть туда на законном основании успехом не увенчались. В таком виде, как сейчас, маяк стоит лет пятнадцать. Канал давно превратился в болото, а маяк — достопримечательность, возбуждающая любопытство туристов.

— Спасибо за интересный рассказ, — возвращая альбом, сказала я.

— Надеюсь, он был вам полезен.

— Странно, что маяк стоит заброшенный. Особенно если какой-то бизнесмен прибрал его к рукам. Даже в таком виде его можно использовать. Например, устроить квест, это сейчас модно.

— Наверное, все дело в образовавшемся болоте. К маяку проще подобраться с реки, но нужна пристань, лодки... Надеюсь, он обретет рачительного хозяина до того, как разрушится.

— А местные его использовать не пытались?

— Не считая набегов ребятишек — нет. У детей он всегда вызывает острое любопытство. Дело в том, что маяк не принадлежит нашему сельскому поселению, и распоряжаться им мы не имеем права. Конечно, я лелеял мечту сделать там музей, маяк — последний осколок некогда роскошной усадьбы. Я много времени потратил на изучение здешней истории, собрал немало материала и могу вас заверить: музей получился бы неплохой. Но если маяк уже в частных руках, заполучить его не представляется возможным.

— Жаль, — искренне вздохнула я.

Он развел руками и усмехнулся.

— Небольшой музей создан при школе.

— Обязательно туда заглянем. Есть еще легенды, связанные с именем? В парке не бродит призрак Храповицкого или его возлюбленной?

— Ничего подобного. У нас на редкость спокойное место. Полагаю,

привидение пошло бы нам на пользу, немного встряхнув поселян. Хотя они все больше огородами заняты. Ложатся рано и привидение, скорее всего, просто не заметят. Молодежь в городе, а здешние обитатели — народ простой. Насколько мне известно, в школьный музей никто из них не зашел ни разу.

— У моей знакомой здесь дед жил, — сказала я, не придумав, как перейти к интересующей нас теме.

— Что вы говорите? — поднял брови Петр Евгеньевич. — И кто же?

— Зиновьев. Он недавно умер.

— Да. Прискорбное событие.

— Вы его хорошо знали?

— Нет. Два-три слова при встрече.

— Странно, он ведь человек интеллигентный.

— О покойниках либо хорошо, либо никак, — вновь развел руками Дон Кихот.

— Домработница, которая нам дом показывала, очень хорошо о нем отзывалась.

— Клавдия? Ну, это она при вас. За глаза костерила его на чем свет стоит.

— Серьезно?

— Зиновьева здесь не жаловали, если хотите знать. Побаивались — да. Он ведь в былые времена ходил в начальниках. Человек высокомерный и неприятный, хоть и неглупый. Общением с местными пренебрегал. Хотя для меня все же сделал исключение. Как-то встретились на улице, и он вдруг принялся вопросы задавать. А через пару дней даже зашел, альбом рассматривал.

— Интересовался именем?

— Подземными ходами. Но тут я ему особо не помог. Никаких планов, насколько я знаю, не сохранилось. В советское время все подобные сооружения засекречивались, по крайней мере, в свободном доступе таких сведений точно не было, и сейчас обнаружить какие-то схемы можно разве что случайно. Мне это до сих пор не удалось, а об имени я, уж поверьте, знаю все.

— А Зиновьев не объяснил, откуда вдруг такой интерес? Я к тому, что мужчина он в возрасте, а подземными ходами обычно подростки интересуются или экстремалы.

— Нет, не объяснил. Я было решил, что он просто хочет поддержать знакомство, так сказать. Круг общения здесь не то чтобы широкий. И два интеллигентных человека... вы понимаете... Но как только выяснилось,

что об интересующем его вопросе мне ничего не известно, у него желание общаться сразу же пропало. Он довольно бесцеремонно прекратил разговор, ушел и больше не появлялся. Кивком здоровался при встрече — и ни слова.

— А у вас есть какие-нибудь догадки? Откуда все-таки мог возникнуть этот интерес?

— Вот уж не знаю. У него ведь дочь пропала, вы в курсе? Несколько лет назад. Давность этого события с большой долей вероятности позволяет предположить: ее нет в живых. А обстоятельства исчезновения весьма загадочны.

— А подземный ход здесь при чем? — спросил Вадим.

— Возможно, он решил, что дочь провалилась в один из таких ходов.

— А это возможно? — насторожилась я.

— Ну, чисто теоретически... Масштабных поисков здесь не велось. Приехала полиция, опросили жителей, видел ли ее кто в тот вечер... И, собственно, все. Допустим, она провалилась в подземный ход. Не забывайте, сколько лет этим сооружениям. Подземные воды, естественная обветшалость. В каком-то месте свод мог не выдержать. А если в старину под землей передвигались в полный рост, то вполне логично заключить, что яма довольно глубока. Женщина, вероятно, получила травму, несовместимую с жизнью. Или ее крики о помощи никто не услышал. Надеюсь, это лишь фантазии. Но они вполне могли прийти в голову несчастному отцу.

— Это верно, — кивнула я. — Но тут же возникает вопрос: зачем его дочери покидать дорогу, да еще в темноте?

— Разные бывают обстоятельства. Например, решила сократить путь. Для человека, который хорошо знает здешние места, такое вполне естественно. Разумеется, все это чисто теоретически и серьезной критики не выдерживает.

— Зато вполне объясняет интерес Зиновьева, — заметила я.

— Вот именно. А вас, позвольте спросить, тоже эта история интересует? — Вопрос был задан без намека на иронию, однако напомнил: если мы намерены сохранять инкогнито, следует быть осмотрительнее.

— Еще бы! — улыбнулась я с максимальной искренностью. — Мы ведь дружим с Викторией.

— Ну да, ну да, — закивал Петр Евгеньевич.

— Никаких происшествий здесь, как я понимаю, ни до, ни после не было?

— Совершенно верно. Места у нас спокойные.

— Я вот что подумала. Мать Вики шла по дороге. Что, если произошел несчастный случай? Водитель не справился с управлением, женщина в результате столкновения погибла, а он испугался и, к примеру, спрятал тело.

— Помилуйте, куда же его прятать? Возле маяка почва заболоченная, но не настолько, чтобы там кого-то утопить. С весны до осени туристы бродят. Думаю, ее непременно бы нашли. Если, конечно, злоумышленник не вывез ее подальше отсюда или не похоронил... — Тут он нахмурился и спросил: — Вы что ж, на подземные ходы намекаете? Но кто мог узнать о них?

Этот вопрос, само собой, остался без ответа, и Дон Кихот продолжил:

— Не припомню у нас ни одной аварии. Дороги такие, что особо не разгонишься. Туристы все больше пешком. Да и вся жизнь сконцентрирована в основном возле озера.

— Спасибо вам за ваш рассказ, — сказала я, поднимаясь, к большому облегчению Вадима, который тут же вскочил.

Петр Евгеньевич проводил нас до калитки и еще некоторое время глядел вслед, пока мы не скрылись за поворотом.

— Старикан нас заподозрил, — усмехнулся Вадим.

— Похоже, да. Только вот в чем?

— Ладно, разговоры все равно пойдут. Знаю я эти деревушки. Хлебом не корми, дай языком почесать.

Я шла молча, и Вадим через некоторое время спросил:

— О чем задумалась?

— Аварии не было.

— Тебе лучше знать, — пожал плечами он.

Я остановилась и, повернувшись к нему, неуверенно сказала:

— Пожалуй, попробую еще раз.

— Что попробуешь? — не понял он.

— Вернусь к тому месту — вдруг она опять покажется?

— А-а-а, — протянул он. — Хочешь задать ей пару вопросов? Что ж, пошли.

— Лучше без тебя.

— В смысле, без свидетелей они разговорчивее?

— Отвали, — ласково попросила я.

— Хорошо, иди. А я продолжу обольщать хозяйку. Толку от этого ноль, но все лучше, чем болтать с привидением.

Однако он все-таки решил меня проводить. Мы направились в сторону маяка, вскоре улица закончилась, здесь мы и расстались.

— Что-то у меня на душе беспокойно, — вдруг сказал Вадим. — Не хочу, чтобы ты одна здесь болталась. — Он некоторое время смотрел на маяк и добавил: — Такое впечатление, что оттуда кто-то наблюдает.

— За меня не беспокойся, — успокоила его я. — Врага учую за версту. Встретимся в гостинице.

Я быстро зашагала к кустам, пока Вадим не передумал и не отправился за мной. Через сотню метров оглянулась — он все еще стоял, хмуро глядя мне вслед.

В нужном месте я оказалась минут через десять. Закрyla глаза, стараясь освободиться от мыслей. Стояла не шевелясь и почти сразу почувствовала присутствие человека. Вполне себе живого, а вовсе не привидения.

Открыв глаза, я не спеша осмотрелась. Ни живых, ни мертвых не видно.

— Давай, покажись мне, — пробормотала я.

И тут же почувствовала привычный холодок вдоль спины. Она была совсем рядом, я замерла, пытаюсь справиться с волнением, и спросила едва слышно:

— Чего ты хочешь?

И почти сразу услышала шорох в кустах. Посмотрела в том направлении, а когда вновь повернула голову, женщины рядом не оказалось.

— Черт! — в досаде пробормотала я и направилась к кустам. Раздвинула ветки и увидела Вениамина, который явно собирался сбежать. — Эй, — позвала я, готовясь помчаться за ним, хоть и терялась в догадках, зачем мне это. — Ты чего здесь делаешь?

— А вы? — с вызовом поинтересовался он и вместо того чтобы бежать, вновь опустился на землю.

Через плечо у него висела холщовая сумка, куда в тот момент он убирал альбом.

— Между прочим, — продолжил он, — вы выглядели по-дурацки.

— Это еще почему? — подходя к нему и устраиваясь рядом, спросила я.

— Вы бы себя со стороны видели, тогда бы не спрашивали.

— Увидеть себя со стороны без зеркала затруднительно. Но ты, наверное, прав. Выглядела я, должно быть, и вправду по-дурацки. Меня оправдывает то, что я столкнулась с привидением.

— Это у вас юмор такой?

— Нет, — покачала головой я. — Иногда я их вижу. Когда они хотят.
— И что за привидение? — недоверчиво осведомился он.
— Женщина, довольно молодая. Высокая, длинные волосы...
— Привидений не бывает.
— Откуда такая уверенность?
— Это всем известно. Если вы их видите, значит, вам место в психушке.

— Может, ты и прав, — кивнула я.
— И что? Вы с ними разговариваете?
— Не совсем. Точнее будет сказать — я их чувствую. С женщиной, которую я сейчас видела, случилось что-то скверное.

— Ее убили?
— Боюсь, да.
Он смотрел на меня и улыбался, однако довольно скоро улыбка сползла с его лица.

— Вы это серьезно? — хмыкнул он.
— Абсолютно.
— Убили? Вот здесь? Почему тогда об этом никто не знает?
— Наверное, потому что произошло это все же в другом месте.
— Не очень понятно.
— Мне пока тоже.
— Вы экстрасенс? Которых по телику показывают?
— Меня не показывают. Я знаю, ты в Мальцеве живешь не так давно, но, может, слышал что-то от местных?

— Насчет этой вашей тетки? Ничего, — покачал он головой со всей серьезностью. — А знаете, мне здесь часто не по себе бывает. Точно из-за плеча кто-то подглядывает.

— А что ты вообще здесь делаешь?
Он кивком указал вверх, я проследила его взгляд и увидела на ближайшем дереве сколоченную из досок домушку.

— Твоя работа?
— Нет. Кто-то из дачников. В прошлом году сколотили. Кроме меня, сюда никто не ходит. А мне здесь нравится, никто не мешает.

— Любишь одиночество?
— Не люблю, когда достают, — уточнил он.
— Рисуешь? — кивнула я на сумку. — Посмотреть можно?
— Пожалуйста, — пожал плечами он, достал альбом и протянул мне.

Я открыла альбом и начала листать. У парня явно был талант, я покосилась на него и спросила:

— Учился?

— Нет. Немного покопался в Интернете, почитал о перспективе и прочем...

— По-моему, здорово.

— Ерунда, — нахмурился он.

Я перевернула страницу и невольно нахмурилась. Маяк.

— Это ты сегодня рисовал? Выглядит довольно зловеще. Тебе не кажется?

— Я рисую то, что вижу, — сказал он.

— Значит, ты видишь его таким? Мрачным, угрожающим? Он у тебя словно живое существо.

— Может, у маяков есть душа? — усмехнулся он.

— Может. А у этого точно есть тайны.

— Вы просто так говорите? Или что-то чувствуете? — насторожился он.

— Скажем так: он меня беспокоит.

— Там кто-то бывает, — вдруг сказал Вениамин.

— На маяке? Он же заколочен.

— Ага, — кивнул он.

— Что «ага»? Туда можно попасть?

— Не знаю. Но там кто-то есть.

— С чего ты взял?

— Видел свет. Мелькнет и исчезнет. Как будто кто-то с фонариком по лестнице поднимается.

— Дверь и окна заколочены, — напомнила я, чтобы он не слишком увлекался.

— Ну да, только между досок свет все равно пробивается, и в темноте его видно. Слабое мерцание. Весной свет внизу подолгу горел. По часу, даже больше. На самый верх он не поднимается, где-то на середине пути прячется.

— Кто прячется?

— Тот, кто бывает на маяке. Хотя, может, он там постоянно.

— Если ты о привидениях, то им свет не нужен.

— Вам лучше знать, я привидений не видел, а вот свет — много раз. Сейчас он редко появляется, хотя, может, и нет. Просто летом свет не нужен, и так светло по лестнице подниматься, даже если окна заколочены.

— Первый раз ты когда свет заметил?

— В марте.

— Может, действительно кто-то решил на маяк подняться? Машины

поблизости случайно не видел?

— Нет. Машину можно вот здесь оставить. Или наверху. Но оттуда до маяка еще дальше. Он там как-то по-другому появляется, — сказал Венька и посмотрел на меня с такой убежденностью во взгляде, что сомневаться в его словах я поостереглась, дабы наша хрупкая дружба не закончилась раньше времени.

— Почему ты так решил?

— Я за ним следил.

— За кем? За маяком?

— Ну да. Свет появился. А я ближе подошел. Слышал, как он внутри ходит. Ступеньки скрипели, и дверь хлопнула. Я попытался подсмотреть, к окну подлез, но ничего не увидел. И тихо стало. Он где-то там был, только непонятно, где. А свет горел. Я сбежал, потому что испугался. В кустах сидел и наблюдал. Свет погас, но никто не вышел. Я больше часа ждал. Потом опять к маяку отправился, а там тишина. Он ушел. У него какой-то тайный ход есть.

«Может, и есть», — подумала я, вспомнив рассказ Петра Евгеньевича.

— Думаешь, это кто-то из местных? — спросила я.

Вениамин усмехнулся:

— Вы сами-то в такое верите? Кому из местных это надо?

— Не знаю... Иногда у людей бывают странные фантазии.

— Он за нами следит. И я сомневаюсь, что он человек.

— Понятно. Стивена Кинга любишь?

— Нет. Мне без выдуманных страшилок хватает всякой хрени.

— Подобное выражение твою маму, безусловно, огорчит.

— А вы не моя мама.

— Это точно. Он давно здесь не появлялся? — кивком указала я на маяк.

— Свет не видел уже недели две. Но, думаю, он там.

— Почему?

— Чувствую. Когда он там, я чувствую.

Вениамин смотрел на меня все тем же взглядом, открыто и упрямо, абсолютно убежденный в своей правоте. И ведь не возразишь. Почему я должна сомневаться в его словах, раз сама вижу то, что нормальные люди не видят?

— Ты домой собираешься? — спросила я, не зная, как закончить разговор.

— Нет. Что мне там делать?

— Маме помогать.

— Болтать целыми днями с клиентами?

— Вряд ли она только болтает. А поддерживать хорошие отношения с клиентами — ее обязанность. Можно вопрос? — рискнула я.

— Пожалуйста.

— Если он за кем-то наблюдает, тот, на маяке, — начала я, подбирая слова, — он ведь делает это с какой-то целью. Ты не замечал, когда он появляется, здесь что-то происходит... скажем так, необычное?

— Ничего, — пожал плечами Вениамин. — Хотя, может, и происходит. Откуда мне знать? Вот вы... Вы же не просто так приехали?

— С чего ты взял? — удивилась я. Странное дело, но в тот момент в мальчике отчетливо чувствовался страх.

— Просто подумал, — он пожал плечами.

— Меня заинтересовал маяк, — словно оправдываясь, сказала я. — Он ведь и тебя интересуется. А еще мы хотим купить здесь дом, вот и решили узнать, как в этих местах людям живется. Ладно, я пойду.

— Мужик этот вам кто? — неожиданно спросил он.

— Друг.

— То есть вы с ним не спите?

— Не подскажешь, с какой стати мне на подобные вопросы отвечать?

— По-вашему, я еще ребенок?

— По-моему, это не твоего ума дело. Пока.

Я пошла по тропинке, но он, подхватив сумку, припустил за мной.

— Провожу вас немного.

— Вряд ли мне что-то угрожает, — хмыкнула я, — раз тот, кто на маяке, сидит тихо. Но все равно спасибо!

— Старик, который недавно умер, тоже маяком интересовался.

— Зиновьев? — замерла я, поворачиваясь к Вениамину. Если честно, возникла мысль, а не морочит ли мне отрок голову? Но в тот момент он был, безусловно, правдив.

— Я не знаю, как его фамилия. Продавщица в магазине его Альбертом называла.

— Альберт Юрьевич, — кивнула я. — Ты видел его возле маяка?

— Ага. Он все вокруг бродил, приглядывался. Один раз подошел и дверь подергал. Только она изнутри запирается. Я же говорю, он туда по-другому попадает. Старик на дверь смотрел-смотрел, потом ушел. А на следующий день сказали, что он умер.

— Сомневаюсь, что два эти события связаны. Ты-то, к примеру, жив. Хотя тоже маяком интересуешься. Кому-нибудь из друзей ты о своих наблюдениях рассказывал?

— У меня нет друзей, — буркнул он.

— Вы недавно переехали?

— Там, где мы раньше жили, друзей у меня тоже не было.

— Почему?

— Просто не было. Мне одному интересней. У меня есть приятели, с которыми я играю в футбол или иду купаться. Но это не друзья.

— Понимаю. А кому попало рассказывать о маяке ты не хочешь.

— Нечего рассказывать. Про привидение вы наврали?

— Нет. А ты много успел навывдумывать?

Он отрицательно покачал головой. Впереди показался магазин, и я предложила:

— Хочешь, я тебе мороженое куплю? — и тут же пожалела об этом.

Лицо мальчишки приобрело обиженное выражение.

— Я вам что, маленький? Мороженого у меня в гостинице сколько хочешь. Мать им торгует, если вы не в курсе.

— Извини, я не хотела тебя обидеть.

Он молча развернулся и пошел в противоположную сторону, а я, досадливо вздохнув, направилась к магазину.

Народу там оказалось немного. Крикливая тетка за прилавком что-то выговаривала грузчику, очередь из трех старушек терпеливо ждала. Я поздоровалась, мне недружно ответили, но смотрели с интересом. Тем более что продавщица скрылась в подсобке и кричала теперь оттуда.

— Видать, Вовка опять загулял, — подмигнув соседке, заметила бабка, стоящая первой. — Зинаида третий день лютует.

— Она и так немногим лучше собаки, — махнула рукой худенькая старушка в шляпе с цветами.

— Я бы на месте Вовки и вовсе сбежала, — сказала третья, но тут из подсобки появилась продавщица, и все три примолкли.

— Что тебе, Петровна? — обратилась Зинаида к первой в очереди.

— Маслица полкило свешай да колбаски килограммчик...

Встав в очередь, я спросила у соседки:

— Простите, в город ведь автобус ходит?

— Конечно, — охотно ответила она. — На площади остановка, дальше по улице, мимо не пройдешь.

— Остановка только одна?

— Одна, милая, одна. Если из города едешь и водителя попросишь, он на въезде притормозит, а отсюда только с остановки, а дальше уж по настроению. Когда заберет, если рукой махнешь, а когда и мимо проедет.

— Часто автобус ходит?

— Каждые сорок минут. Это летом, а с осени по май — раз в два часа. Да и ездить-то зимой особо некому. Бывает, пустой идет автобус-то.

— А остановка всегда была только на площади?

— Почему же? Раньше у конюшни была. Самой-то конюшни лет двадцать нет. Это мы по привычке так называем. А остановка была, автобус там разворачивался и назад шел. А теперь там болотина, не развернешься. Да и дороги, считай, нет. И раньше беда: дорога проселочная, осенью дожди зарядят, так автобус до остановки не доезжал. Посигналит, мол, давайте сюда. Ну и убрали остановку, уже года три как. Тем, кто наверху живет, теперь неудобно, большой крюк надо делать, чтобы к остановке попасть. А раньше спустился вдоль леса — и все. Пять минут.

— А где раньше конюшня была?

— Так по дороге, прямо. Липа столетняя слева, а на противоположной стороне — фундамент, все, что от конюшни осталось. Только сейчас его не увидишь, крапивой зарос.

Тут подошла ее очередь, и содержательную беседу пришлось прекратить.

Старушки друг за другом покинули магазин, я осталась в одиночестве. Купила бутылку воды и вышла на улицу. Худенькая старушка и та, с которой я разговаривала, стояли неподалеку, неспешно беседуя.

Заметив меня, бабуля ткнула пальцем в конец улицы и громко сказала:

— Вон там конюшня была.

— Спасибо, — сказала я и отправилась в указанном направлении. Хотя могла бы этого не делать, и так ясно: конюшня в паре сотен метров от кустов, где я столкнулась с Вениамином.

Оттуда идет дорога вверх, к дому Зиновьева. Три года назад здесь еще была остановка, и мать Виктории после ссоры с отцом к ней и направилась. Единственный транспорт, которым она могла воспользоваться, — это автобус. Правда, ей ничто не мешало вызвать такси. Но, возможно, у нее не было денег, или все еще проще: она не хотела оставаться в доме отца ни одной лишней минуты...

В этот момент, прерывая мои размышления, зазвонил мобильный. Вадим.

— Я уже беспокоюсь, — сказал он ворчливо.

— Минут через десять буду в гостинице, — заверила я.

Вадим ждал меня в номере. Лежал на диване, закинув руки за голову, и разглядывал потолок. Услышав, что я вошла, поднялся и шагнул навстречу.

— Хотел отправляться на поиски. Что поведала покойница?

— Пока ничего. Зато я встретила Вениамина.

Устроившись в кресле, я подробно рассказала о своем разговоре с мальчишкой, а также о том, что слышала от бабушки.

— То, что парень вертится возле маяка, вполне понятно. Мальчишек хлебом не корми... Ты что, думаешь, он там действительно кого-то видел? — нахмурился Волошин.

— Он этого не говорил, а вот то, что там иногда кто-то появляется... Уверена, огни Венька видел. И... почувствовал что-то.

— Что-то? Еще один экстрасенс на мою голову!

— Страх — защитная реакция организма, — заметила я. — Так он реагирует на опасность. Иногда даже раньше, чем человек поймет, что опасность возникла. Это вроде красного сигнала светофора: не лезь.

— То есть ты тоже считаешь, что маяк таит опасность, как сказали бы в романах?

— Вряд ли кто там прячется. По крайней мере, в тот момент, когда мы были возле маяка, я не почувствовала присутствия кого-либо.

— Ни мертвых, ни живых?

— Вот именно.

— Вопрос: какое все это имеет отношение к нашему делу?

— Если верить мальчишке, прямое. Зиновьев заинтересовался маяком...

— И вскоре скончался.

— Понимаю, что звучит это по-дурацки, но...

— Почему же по-дурацки? — все еще хмурясь, пожал плечами Вадим. — Зиновьев задавал вопросы старику-историку и болтался возле маяка. Можно предположить, что это связано с исчезновением его дочери. Допустим, он напал на след, а убийца дочери принял меры... Проблема в том, что Зиновьев у нас скончался вроде бы без посторонней помощи.

— Вика считает иначе.

— И готова раскошелиться, чтобы доказать свою правоту. Значит, нам следует напрячься и найти причину, по которой ее дед отдал богу душу.

— Я думаю, что возле дороги видела мать Вики, — помолчав, сказала я. — Раньше в поселке была еще одна автобусная остановка.

— Рядом с этими кустами? — предположил Вадим.

— Нет. Чуть ниже, возле старой конюшни. Поссорившись с отцом, женщина отправилась к остановке короткой дорогой. Но, скорее всего, до нее не дошла.

— И что, по-твоему, могло произойти? Ее там кто-то ждал и убил преднамеренно? Или это все-таки был несчастный случай?

— Спроси что-то полегче.

— То есть она... не дала понять, какого хрена болтается возле этих кустов? — Вадим вздохнул и сказал примирительно: — Извини.

— Не извиняйся. Я знаю, что от моего дурацкого дара никакого толку.

— Джокер так не думал.

— Джокер был слишком добр ко мне, — вздохнула я.

— Ладно, по крайней мере, кое-что стало вырисовываться. Мать Вики погибла, а вовсе не сбежала за лучшей жизнью, как, видимо, рассчитывали в правоохранительных органах. Зиновьев несколько лет неизвестно чего ждал, потом вдруг начал вести собственные поиски и в результате скончался. А что? Вполне себе версия, как считаешь? Другой все равно нет, — кивнул Вадим, отвечая на собственный вопрос. — Следовательно, должно быть некое событие, после которого старик приступил к этим самым поискам. И второе: убийца, вольный или невольный, чего мы пока не знаем, до сих пор находится здесь. Решил, что поиски Зиновьева выйдут ему боком, и каким-то хитрым способом от него избавился. Можно предположить, что наш злодей как-то связан с маяком, хотя моей фантазии не хватает придумать, какого хрена ему там понадобилось. Еще один вопрос — и я заткнусь: как думаешь, дочь Зиновьева прикопали все в тех же кустах? Или рассчитывать на это не приходится?

— Она не показала место, — пожала плечами я. — Можно попробовать еще раз...

— Не показала — и ладно. Найди мы сейчас труп, работу это скорее затруднит. Понабегут конкуренты в погонах, а нам это ни к чему.

— Я даже не уверена, что это она. — Я поспешно отвернулась, прозвучало это так, точно я жалею.

— А можно это как-то... уточнить?

— Можно попытаться.

— Ну да, беда с этими духами, паспорт у них не спросишь.

Я было заподозрила, что он издевается, но выглядел Вадим скорее озадаченным.

— Попрошу Вику прислать фотографию матери, — добавила я, вновь почувствовав свое бессилие и, как следствие, раздражение от собственной никчемности.

Достав мобильный, я написала Виктории СМС, Вадим терпеливо ждал, когда я закончу, а потом сообщил:

— Дом мы проверили. Ни жучков, ни камер.

— Мы? — не поняла я.

— Поэт приезжал. Хотел тебя дожидаться, но я отправил его с глаз долой.

— Значит, в доме ничего подозрительного?

Вадим развел руками, а потом предложил:

— Пойдем, сожрем чего-нибудь... На сытый желудок лучше думается. Хотя меня обычно в сон клонит. Что, кстати, тоже неплохо.

Сообщение от Вики пришло, когда мы были в ресторане. Фото, должно быть, не из самых последних, женщина на нем выглядела лет на тридцать пять. Длинные светлые волосы, задорная, совсем юная улыбка. У дочери другой фотографии не нашлось, или мать Вики — из тех, кто не любил фотографироваться? Для женщин ее внешности это редкость.

Я протянула мобильный Вадиму, он взглянул и сказал:

— Симпатичная, — с грустью или мне показалось? Мужчины, как известно, равнодушны к женской красоте, и гибель молодой красивой женщины, должно быть, вызывает у них больше сожаления.

Я положила мобильный перед собой, пытаюсь сосредоточиться на изображении. Как там говорил Бергман? Освободи свое сознание, попытайся стать тем, кого видишь. Легко сказать. Мысли скакали, точно блохи, Вадим напротив тоже мешал. Я могла думать лишь о том, что выгляжу, должно быть, по-дурацки. Глаза, у нее красивые глаза...

Как и в какой момент это произошло, вспомнить я потом не смогла. Я вдруг оказалась точно в замкнутом пространстве, скрытая от окружающего мира невидимой стеной. Невидимой и непроницаемой. Звуки сюда не доходили. Тишина, в которой я словно парила, как в невесомости. И тут раздался крик. Жуткий, мучительный, так кричат от боли. От боли, которая рвет на части, лишая разума, лишая надежды, и остается лишь одно желание — поскорее умереть.

— Лена, Лена! — кто-то настойчиво звал меня.

Словно внезапно очнувшись от глубоко сна, я с удивлением оглянулась. Ресторан, я сижу за столиком, напротив Вадим, внимательно смотрит на меня с намеком на беспокойство.

— Все в порядке? — произнес он.

— Да, — сказала я неуверенно.

Он продолжал меня разглядывать, и я спросила:

— Я... наверно, странно выглядела?

— Нормально. Вру. Это было жутко, как будто ты здесь, но тебя нет. Выражаясь литературно, здесь брэнная оболочка, а душа улетела. Слава богу, что вернулась. Можно узнать, где успела побывать?

— Сама толком не знаю, — пожала плечами я и залпом выпила стакан воды, который стоял под рукой. — Но место скверное.

— Замечание сделать позволительно?

— Валяй.

— После того как Джокера не стало... твой дар прогрессирует, ты не находишь?

— Нет. Не нахожу.

— Ага, — кивнул он. — На всякий случай в следующий раз предупреждай, прежде чем куда-то отправиться, дабы не травмировать мою чересчур впечатлительную душу.

— Согласна, я нашла неподходящее место...

— Никто, кроме меня, ничего не заметил, — заверил он. — Это длилось чуть больше минуты. Просто я перепугался: а вдруг ты не вернешься.

— Меня такая перспектива совсем не радует. Возле дороги мы видели ее, — без перехода сообщила я. — Но это не все. Ее смерть была ужасной. Ни о каком убийстве по неосторожности и речи быть не может.

— Ужасной? — переспросил Вадим. — А поконкретнее?

— Поконкретней не ко мне. Я чувствовала ее боль и ее ужас. Умирала она долго, в мучениях.

— О господи! Только не говори, что это очередной маньяк, у меня на них стойкая аллергия.

— Может, и маньяк. — Я в досаде покачала головой. — Я ни в чем не уверена. Я даже не уверена, что видела то, что видела. И это не игра разума.

— Ладно-ладно. Лично я не сомневаюсь в твоих словах. А все эти игры разума для дотошных умников. Мать Вики погибла от рук убийцы, и наше дело его найти. Хотя я не уверен, что это наше дело, раз девчонку вовсе не кончина матери интересовала. Вопрос был сформулирован примерно так, насколько я помню: не опасен ли дом деда для проживания? Очень много болтаю? — усмехнулся он. — Это с перепугу. Сначала, когда Джокер вот так же отправлялся хрен знает куда, я прямо трясся от страха, потом привык. Есть надежда, что опять привыкну.

— Ты видел, как Бергман... Я имею в виду...

— Я понял, милая. Ответ очевиден, как очевидно и то, почему он назначил главной тебя. Вы похожи куда больше, чем я мог предположить.

В этот момент возле нашего столика появилась официантка, и я попросила еще воды. Она сходила в бар и вернулась с бутылкой минералки. Все это время мы сидели молча, ни у меня, ни у Вадима не возникло желания продолжать начатый разговор. Происшедшее все еще беспокоило, точнее сказать, после слов Вадима оно беспокоило меня даже больше. Я постаралась избавиться от этого чувства, которое шло рука об руку с

тревогой и тоскливым ожиданием близких перемен, отнюдь не счастливых, и принялась приглядываться к соседям.

Внимание вскоре привлек невысокий худощавый мужчина, появившийся из дверей кухни. В руках у него был бумажный пакет; прежде чем закрыть дверь, он сказал:

— Спасибо вам огромное... приду обязательно... — Сделал шаг в сторону и едва не столкнулся с официанткой. — Настенька, извините, — улыбнулся он, подхватывая девушку под руку.

— Ничего страшного, — поспешно ответила она. — Вы за блинчиками?

— Да, за ними.

— А лимонада выпьете?

— Знаете, чем меня соблазнить, — засмеялся мужчина.

— Присаживайтесь, сейчас принесу.

Официантка скрылась на кухне, а мужчина устроился за соседним столиком, положил бумажный пакет на стул рядом с собой и обратился к нам:

— У них здесь потрясающие блинчики. И лимонад. Рекомендую.

— Спасибо. Обязательно попробуем.

— Я забыл поздороваться, — засмеялся он. — И представиться: — Геннадий Алексеевич.

Глаза у него были голубые, очень светлые, тонкий нос и редящие волосы. «Он похож на Клинта Иствуда», — подумала я.

Геннадий Алексеевич разглядывал нас с интересом. Несмотря на его улыбку, открытую и располагающую, в нем чувствовалась твердость, а интерес к нам был продиктован не досужим любопытством, а скорее желанием сохранить свой мир в неизменном состоянии.

В общем, дядька был непрост.

— Елена, — сказала я, — а это Вадим.

— И вы любите друг друга? — улыбнулся он и издал легкий смешок, но теперь, как ни странно, ощущалась настороженность.

— Не особенно, если честно, — скривилась я. — В настоящий момент скорее даже наоборот. Я хочу прогуляться, а он хочет смотреть футбол.

Геннадий вновь засмеялся, Вадим лениво жевал, не торопясь принять участие в разговоре.

Официантка принесла лимонад, он оказался подозрительно зеленого цвета.

— Это божественно, — сделав глоток и закатывая глаза, произнес Геннадий.

— А вы виски не пробовали? — хмыкнул Вадим, у которого все эти лимонадные радости вызывали недоумение.

— Летом, в жару, алкоголь смертельно опасен.

— А это зеленое пойло похоже на отраву, — не остался в долгу Волошин.

— Согласен, вид не очень. Зато вкус... Татьяна, хозяйка, сама его делает. По рецепту своей бабушки. Я пытался его вывести. Не удалось.

— Уговорили, пожалуй, я попробую, — улыбнулась я и попросила официантку принести мне лимонаду, что она и сделала.

По вкусу он напоминал безалкогольный мохито, но дядька рядом следил за мной с напряженным вниманием ребенка, увидевшего Деда Мороза с подарками, и я решила — маленькая ложь меня не погубит.

— Восхитительно, — сказала я.

И Геннадий радостно кивнул:

— Что я говорил...

Вадим, взяв стакан, сделал глоток и, пожав плечами, отставил в сторону.

— Из лимонадов я предпочитаю виски, на худой конец, коньяк.

— В молодости я был таким же, — закивал Геннадий. — Рад, что мог угодить вашей девушке. Мы всегда радуемся, если гостям у нас нравится. Издалека приехали?

— Нет. Из города.

— И собираетесь купить дом?

— Откуда вы знаете? — спросила я, а он засмеялся:

— В деревне нет секретов: вы осматривали дом покойного Альберта Юрьевича.

— Да, процедура оповещения у вас надежная, — хмыкнул Вадим. — В барабаны бьете?

— Не сердитесь. У нас так мало событий, что поневоле начнешь интересоваться пустяками, хотя не такой уж это пустяк. Знаете пословицу: выбирай не дом, а соседа? Нам не безразлично, кто будет жить рядом.

— А вы тут главный радетель устоев? — не унимался Вадим. — Решили выпить лимонаду, а заодно и нас прощупать?

— Ну, не так все прямолинейно... Хотя в целом вы правы.

— Покойного Зиновьева хорошо знали?

— Не то чтобы очень... В деревне все на виду, но это не значит, что все обязательно дружат.

— То есть вы не дружили?

— Мы вполне интеллигентно общались, не особо друг другом

интересуясь.

— Говорят, характер у него был непростой?

— Вот как? Тот, кто вам это сказал, безусловно, знал покойного лучше, чем я.

— Вы давно здесь живете?

— Пятьдесят семь лет. Через месяц будет пятьдесят восемь.

— То есть вы здесь родились?

— Совершенно верно. Уезжал на несколько лет, пока учился. Потом вернулся. Как вам наши места?

— Очень красиво, — сказала я. — И необычно. Один маяк чего стоит.

— Вы уже успели там побывать?

— Конечно. Разве это не главная достопримечательность?

— По мне, от него больше беспокойства. Маяк так и притягивает ребятишек. Пришлось заколотить все окна и двери во избежание несчастного случая.

— Так это ваша работа?

— Моя. В то время я еще не вышел на пенсию. И хоть несчастные случаи не совсем по моей части, любовь к порядку заставила меня заняться всем этим.

— Говорят, маяк кто-то купил?

— Может быть, — равнодушно пожал плечами он. — Главное, чтобы за ним приглядывали и соблюдали правила безопасности.

— Вы что, бывший пожарный? — спросил Вадим.

— Так точно. — Геннадий широко улыбнулся, при этом выпятил грудь и глянул молодежато, давая понять, что данным фактом своей биографии очень гордится. Почему бы и нет, кстати?

— И что, часто у вас пожары случаются? — спросил Вадим.

— Бог миловал.

— Выходит, работенка у вас непыльная.

Геннадий тут же помрачнел.

— Обывательские разговоры о пожарных имеют мало общего с действительностью. При мне служба была налажена так... — Тут он, словно спохватившись, замолчал и сосредоточился на своем лимонаде.

— Вадим не хотел вас обидеть, — заметила я.

— Мне не стоило приставать к вам с разговорами, — повинился он, а я засмеялась.

— На самом деле мы очень рады знакомству. Дом Зиновьева на отшибе, меня это беспокоит. Я бы там одна не осталась.

— Женщины обычно боятся каждого шороха. А если серьезно, у нас

тут безопасно. Можно ходить везде хоть днем, хоть ночью.

— А как же дочь Зиновьева?

Геннадий взглянул с недоумением, но вместе с тем я почувствовала раздражение.

— При чем здесь его дочь?

— Она ведь исчезла, верно?

— Помнится, ходили разные слухи... Но ведь никто не говорил, что она пропала здесь. И было это довольно давно. А вы серьезно подходите к выбору дома, — усмехнулся он.

— Он стоит немалых денег. Не хотелось бы разочароваться в покупке.

— Вы не разочаруетесь. Возможно, тут скучновато, особенно зимой. Но спокойно и уж точно абсолютно безопасно.

— Спасибо. Очень рада знакомству, — подытожила я.

Вадим попросил счет. Случайно это вышло или преднамеренно, но Геннадий покинул ресторан вместе с нами.

— А где вы остановились? — спросил он, спускаясь по ступенькам террасы.

— В «Лилии», — охотно ответила я.

— А-а-а... У Софьи Васильевны. Очень достойное заведение, вид потрясающий, и кормят отменно.

— А хозяйка — милая женщина.

— Согласен. Но... — он едва заметно вздохнул.

— Что «но»? — спросила я.

— Она здесь человек новый, а у нас к чужакам приглядываются, и не всегда, как бы это сказать...

— Доброжелательно?

— В деревнях любят посудачить, а тут поводов хоть отбавляй. Вам уже успели рассказать, что она бывшего хозяина гостиницы обвела вокруг пальца? — со смешком спросил Геннадий.

— А это правда?

— Понятия не имею, — пожал плечами он. — С бывшим хозяином общался только по долгу службы. Не могу сказать, что он был мне очень симпатичен, но точно не производил впечатления человека, которого можно запросто облапошить.

Мы шли по улице в сторону гостиницы, и расставаться с нами Геннадий не спешил.

Не успела я подумать об этом, как он сказал:

— Нам по пути. Я живу на соседней улице, от гостиницы наверх идет тропа. Вид на озеро оттуда такой, что дух захватывает.

Мы поравнялись с магазином, когда оттуда вышел Венька, на ходу что-то засовывая в сумку.

— Привет, — сказала я. — Ты домой?

— Здравствуй, Вениамин, — приближаясь к нему, произнес Геннадий и протянул руку — то ли хотел поздороваться, то ли положить ее парню на плечо.

Венька дернулся, точно от удара, взглянул на Геннадия исподлобья и поспешно направился в ближайший переулок.

— Я не домой, — буркнул он, обращаясь ко мне. — У меня дела.

— Странный парень, — провожая его взглядом, заметил Геннадий.

— Талантливый. Я видела его рисунки.

— Я в живописи не силен. Может, и талантливый, вам видней. Но беспокойства матери точно прибавляет.

— На сорванца он не похож, на хулигана тем более.

— Я же сказал, в деревне все на виду. А он... сам по себе... Молчит, а может и нагрубить. Многим это не нравится.

— У вас дети есть? — повернулся к нему Вадим.

— Нет, — помедлив, ответил Геннадий. — Не обзавелся. С женой прожили недолго, ей моя работа не нравилась. Ну а потом... Решил больше не испытывать судьбу, — он усмехнулся с намеком на сожаление, но этого самого сожаления как раз и не чувствовалось.

Мы поравнялись с гостиницей, Геннадий церемонно раскланялся. Я была уверена, что он поднимется на веранду поздороваться с хозяйкой, но он поспешил уйти.

Софья сидела на веранде в компании Пырьева, тот по обыкновению что-то рассказывал. Нас она заметила издалека и явно напряглась, когда наше трио поравнялось с гостиницей. Бросила мимолетный взгляд в сторону удаляющегося Геннадия и нахмурилась.

— И знаете, что я вам скажу? Сынок ваш — замечательный парень, — произнес Пырьев, повернулся и радостно нас поприветствовал. — Ах, какая вы прекрасная пара! А кто это с вами был?

«Оказывается, у вас глаза на затылке», — собралась съязвить я, но вовремя одумалась.

— Бывший пожарный. Рассказал очень много интересного.

Софья при этих словах вновь нахмурилась, а Пырьев прямо-таки просиял.

— Отлично, отлично. Значит, день прошел не зря?

— Как рыбалка? — спросил Вадим.

Пырьев тут же сник.

- Не повезло. Рыбалка ведь дело такое: то везет, то нет.
- Главное — получать удовольствие от процесса, — кивнул Вадим.
- Вот именно, молодой человек, вот именно.

Мы прошли к себе, Волошин завалился на диван, закинул руки за голову и спросил:

- Что скажешь?
- О Пырьеве или о пожарном?
- А тебе кто из них больше не нравится?
- Пырьев. А тебе пожарный?
- Что, заметно? Или ты научилась читать мои мысли?
- Он тебя раздражает. И тебе по неведомой причине хотелось сказать ему гадость.

- Точно, — кивнул Волошин. — Причину я действительно не знаю.
- Венька на него странно отреагировал.
- Нормально.
- Ты думаешь?
- Наш пожарный — тот самый тип, к которому, по слухам, подбирается коварная Софья с целью дальнейшего обогащения.

— Ну конечно! — с досадой воскликнула я, вспомнив разговор с домработницей Зиновьева. — Как же я сразу не сообразила! У Софьи, по слухам, роман, а мальчишка Ивлева не жалуется.

- Как большинство мальчишек. Пожарный к тому же редкий зануда.
- Тебе не кажется, что между любовниками черная кошка пробежала? Ивлев поспешил уйти, да и Софья его недобрый взглядом проводила.
- Возможно, проблема как раз в мальчишке, — заметил Вадим.
- Мужчины не могут найти общий язык? — предположила я. — А женщина вынуждена метаться между ними.
- В одном пожарный, пожалуй, прав: Венька выглядит парнем со странностями.

Я прошлась по комнате и сказала:

- Во время нашего разговора с мальчишкой я намекнула на его любовь к Стивену Кингу, а он ответил, что в выдуманных страшилках не нуждается.

Я замолчала, Вадим меня поторопил:

- И?
- Прозвучало это странно, то есть вполне нормально, но... Как будто он не договорил, но концовка подразумевалась.

— Ему хватает ужасов без Стивена Кинга? — подсказал Вадим. Я кивнула.

— Вот именно.

— Интересно, — хмыкнул Волошин, — какие ужасы имел в виду пацан? Может, Ивлев надавал ему затрещин?

— Не знаю. Но сомневаюсь, что там дошло до этого. Софья вряд ли даст сына в обиду.

— Мы не слишком увлеклись этим пожарным? Какая от него польза нашему делу? Хотя... Не знаю, как твой внутренний голос, а мой прямо вопит: в ресторане он появился не случайно, а с намерением взглянуть на нас и малость прощупать.

— По селу уже гуляет слух, что мы собираемся купить дом Зиновьева. Может, в этом все дело?

— Может. Вопрос: его интересуют потенциальные соседи или заботит, к кому конкретно отойдет этот дом?

— Иными словами, что связывает его с домом?

— С домом. Или с хозяином. А может, с его кончиной. Скорее всего, это глупость, на которую и время тратить не стоит, но пожарный мне не нравится.

Я пожала плечами.

— Он скрытный. Из тех, что прячут свои истинные чувства. Носят маску. Ивлев довольно бурно отреагировал на мои слова о матери Вики, но скорее был возмущен, чем напуган.

— Ладно. Разберемся. А что скажешь об этом клоуне на веранде?

— Он испытывает терпение Софьи. И терпения осталось уже совсем немного.

— Я бы за ним малость понаблюдал. Так, на всякий случай.

— Сомневаюсь, что он имеет отношение к нашему делу.

Однако пить чай мы пошли именно на веранду и застали там все ту же картину. Пырьев продолжал свое повествование, размахивая руками и смеясь собственным шуткам. Софья из последних сил улыбалась. Нашему появлению заметно обрадовалась, должно быть, решив под благовидным предлогом сбежать от Пырьева. Но он вынул из кармана несколько фотографий, положил их на стол и стал демонстрировать Софье. Она уныло смотрела на гостя, заподозрив, что слушать его придется еще долго, а уйти сейчас, пожалуй, невежливо.

— Это мои дочери, — вещал он. — Такие прелестные девчушки, не заметил, как выросли. Здесь Ирочке пятнадцать. Совсем еще ребенок. Но уже красавица. Что скажете?

— Красивая, — кивнула Софья.

— Вы всегда с собой пачку фотографий берете? — сказала я, надеясь,

что улыбка смягчит мои слова, прозвучавшие довольно грубо.

— Именно, Леночка, пачку. Не могу выбрать две или три, чтоб при себе держать. Такой уж человек.

Тут я обратила внимание на странную реакцию Софьи. Взгляд ее словно застыл. Она смотрела на фотографию, и лицо ее как будто свело — то ли от страха, то ли от боли. Но длилось это не больше трех секунд. Она резко отстранилась, и лицо приняло обычное выражение. А я перевела взгляд на стол. Слева лежала фотография немолодого мужчины, которую Пырьев со сладкой улыбкой поспешил убрать.

— А этот как сюда затесался? — вроде бы удивился он. — Вечно таскаю с собой всякую дрянь...

— Извините, у меня дела, — поднимаясь из-за стола, сказала Софья, голос ее звучал напряженно.

Пырьев сунул фотографию в карман и сказал ей вслед:

— Прекрасная женщина. — Прозвучало это почему-то издевательски.

— А что за мужик на фото? — спросил Вадим. — Тоже родственник?

— Слава богу, нет. Так что вам поведал пожарный? Серьезный мужчина, по-моему. Основательный.

— Такое впечатление, любезнейший, что вы спешите сменить тему, — насмешливо заметил Вадим.

Пырьев, сделав брови домиком, запричитал:

— Совершенно несправедливое замечание...

Через некоторое время он удалился, заявив, что день был долгим и он нуждается в отдыхе.

— Интересно все-таки, кого нам бог послал, — проводив его взглядом, пробормотал Вадим.

— Мужчину на фотографии Софья узнала. И очень испугалась. Я это почувствовала. Страх, даже паника...

— Ты физиономию на фотографии хорошо разглядела?

— Достаточно, чтобы узнать. Интересно, кем он может быть?

— Мужем, любовником, от которого она прячется? Или сыном бывшего владельца гостиницы? По мнению местных, она лишила его наследства.

— Вряд ли это сын. С какой стати так на него реагировать? Скорее это кто-то из ее прошлого. Здесь она появилась не так давно, а что с ней было раньше?..

— Сплошные вопросы, и все они по-прежнему не имеют отношения к нашему делу, — со смешком заметил Вадим. — А не пойти ли нам искупаться?

И мы отправились на озеро.

Стайка мальчишек плескалась возле берега. Купальный сезон закончился, и, кроме них, желающих искупаться не нашлось. Мы прошли чуть дальше по тропинке, до деревянного настила, поднялись на него.

Сняв сарафан и оставшись в купальнике, я устроилась на краешке, опустив ноги в воду. Несмотря на жаркий день, она казалась ледяной, и я засомневалась, стоит ли окунуться. Вадим быстро разделся и с разбега прыгнул в воду, поплыл, делая сильные гребки. За несколько минут он достиг середины озера, развернулся и поплыл обратно. Поравнявшись со мной, ухватился за настил и легко поднялся, сел рядом, приглаживая мокрые волосы, а я невольно им залюбовалась. Я уже говорила: Волошин у нас красавец.

Красив, как бог войны, заметил как-то Бергман. Совершенно справедливо, кстати. Брутальная красота, в которой нет ничего лирического. То есть мысль о том, чтобы прогуливаться с этим парнем под луной, в голову не приходит. А вот в разведку с ним — запросто. Сам он свою внешность достоинством не считает. Хотя при случае охотно пускает в ход свое мужское обаяние. Вадим из тех, кто всему знает цену. Но я понятия не имею, что он ценит по-настоящему. Истинный Воин, который дальше сегодняшнего дня не загадывает.

— Ты так пристально на меня смотришь, — хохотнул он, — что я начинаю беспокоиться.

— Боишься, что соблазнять начну?

— Неплохо бы.

— Я тобой восхищаюсь.

— Но?

— Но совершенно платонически.

— Я бы предпочел сильную страсть, переходящую в безумство.

— И что бы ты стал с этим делать?

— Безумствовать, естественно. Слушай, давай я тебя поцелую, — глядя мне в глаза, сказал он.

— Мы же договорились, — нахмурилась я.

— Считай, это для поддержания нашей легенды. На самом деле невинный поцелуй поможет мне еще немного продержаться.

Пока я придумывала ответ, который отобьет у него охоту валять дурака и вместе с тем не обидит, он положил мне руку на затылок и поцеловал. И я решила — ну и пусть, я засмеюсь и скажу: это все равно что целоваться с родным братом. Но смеяться расхотелось. Поцелуй возымел странное действие. Сначала было приятно, хотя немного неловко, в основном из-за

того, что приятно. А потом я вдруг испугалась. Чувство такое, что меня затягивает в омут, еще мгновение — и все кончено. А кто-то внутри меня отчаянно вопил: «Беги!»

Я бы, наверное, и впрямь побежала, если бы имела такую возможность. Уперлась руками ему в грудь, и он наконец отпустил меня. Теперь мы смотрели в глаза друг другу, и я сказала, с трудом разомкнув челюсти:

— Никогда так больше не делай. — Он медленно покачал головой. — Что? — резко спросила я.

— Я тебя хочу, — ответил он и нахмурился. — Сомневаюсь, что долго протяну.

— Черт бы тебя побрал, Воин!

Я поспешно поднялась и, схватив сарафан, пошла к гостинице. Вадим остался сидеть, я чувствовала его взгляд. Настойчивый, он словно жег затылок, но я не повернулась, а, оказавшись в номере, схватила диванную подушку и запустила в стену. Хотелось что-нибудь разбить. Или хотя бы заорать. А еще лучше — крушить все вокруг, вопя во все горло. Но я была в гостинице с очень тонкими стенами, орать здесь — не лучшая затея, а чужую собственность следует уважать. Вот я и разревелась от собственного бессилия. Не знаю, на что надеялся Бергман, завещая мне наше общее дело. Но я его надежд не оправдала.

Теперь я была уверена: продержимся мы недолго. Уйдет Вадим, потом и Димка. На самом деле мне тоже хотелось уйти, сбежать прямо сейчас. Не знаю, куда и что я буду там делать... Не имеет значения. Лишь бы подальше отсюда.

Однако успокоилась я довольно быстро. Слезами, как известно, ситуацию не исправить. Я умылась холодной водой, подняла взгляд, долго смотрела на свое отражение в зеркале и вдруг позвала:

— Джокер...

Странное дело, стоило мне обратиться к нему, как стало легче.

— Джокер, — повторила я, — скажи, что мне делать?

И прислушалась, точно в самом деле ждала ответа. Будь сейчас с нами Бергман, Вадим вряд ли стал бы так себя вести. Максимильян имел на обоих мужчин влияние. Они слушали его, принимали его решения, иногда вопреки собственным желаниям. Я не вожак. Никогда им не была и к этому не стремилась. Мало того, я женщина, в которую влюблены двое мужчин, а я, уже дважды совершив ошибку, не хочу совершать еще одну.

«Пусть уходят, — подумала я с тоской. — Сыщик из меня никакой, но я останусь, буду делать то, что хотел от меня Максимильян. А там

посмотрим».

Я вновь умылась, на этот раз не спеша, получая удовольствие от холодной воды, вытерла лицо полотенцем, открыла дверь — и замерла, обнаружив Вадима. Он стоял возле окна. Я все еще нерешительно топталась на месте, когда он, повернувшись, махнул мне рукой, предлагая к нему присоединиться. И я поняла: возле окна он стоит не просто так. В руках у него был бинокль, правда, сейчас он его опустил.

— Взгляни, — сказал он, когда я подошла, и протянул бинокль мне. — Вон там, в кустах, — он ткнул пальцем в открытое окно.

Я навела бинокль и увидела Софью в компании Ивлева. Он что-то говорил ей, она хмурилась и отводила взгляд. Потом вдруг вскинула голову и резко ответила. Он вновь заговорил, но она его перебила и попыталась уйти. Ивлев схватил ее за руку, развернув к себе. Он говорил, а она слушала, и выражение ее лица постепенно менялось. Она кивнула, вроде бы соглашаясь, он выпустил ее руку, и она, чуть помедлив, пошла к гостинице, а Ивлев в противоположную сторону.

— Влюбленные выясняют отношения? — забирая из моих рук бинокль, сказал Вадим.

— Это не было похоже на любовную сцену, — возразила я. — Точнее, они не похожи на влюбленных. На любимого мужчину смотрят иначе, даже когда ссорятся.

— Да? Тебе видней. Лично мне не раз хотелось пристрелить свою подружку. Правда, я не знаю, как смотрел на нее при этом.

— Где ты взял бинокль? — спросила я.

— Позаимствовал у нашего рыбака. Он оставил его на веранде. Заметил, как Софья вышла из гостиницы, затравленно оглядываясь, и решил взглянуть, отчего вдруг такая таинственность. Бинокль пришелся как нельзя кстати. Отсюда наблюдать удобнее, чем с улицы, к тому же не рискуешь быть застигнутым врасплох.

В этот момент в дверь настойчиво постучали. Вадим пошел открывать, на пороге стоял Пырьев.

— Вы случайно не видели мой бинокль? — Взгляд Пырьева переместился к открытому окну, на подоконнике которого как раз и стоял бинокль.

— Это ваш? — с сомнением спросил Волошин, проследив его взгляд.

— Да, мой.

— А я решил — нашей прекрасной хозяйки.

— За птичками наблюдаете? — съязвил Пырьев.

— За ними. Кстати, а зачем рыбаку бинокль?

— Ни за чем, просто так. Я люблю природу... Вы вернете бинокль?

— Само собой, — ответил Вадим и кивнул мне.

Взяв бинокль, я передала его Пырьеву.

— Может, нам стоит поговорить начистоту? — сурово хмурясь, предложил он.

— Отличная идея, — кивнул Вадим. — Начинайте первым.

Пырьев досадливо скривился, перевел взгляд с Вадима на меня и трусцой припустил по коридору, ничего более не сказав.

— Все страньше и страньше, — прокомментировал Вадим.

— Может, следовало с ним поговорить? — засомневалась я.

— Милая, он не собирался ничего рассказывать, он хотел выслушать нас.

Ночью начался дождь. Окно было открыто, и шум дождя разбудил меня. Я встала с намерением закрыть окно, подошла к нему и где-то впереди увидела мелькнувший на мгновение свет. Сначала я решила, что это отблеск молнии, но грозы не было. Сильный дождь без грозы. И тут вдруг екнуло сердце, потому что я поняла: там впереди, на косе, маяк, и этот свет...

— Не может быть, — пробормотала я и перевела взгляд на спящего Вадима.

В другое время я бы его разбудила, чтобы обсудить свою догадку, услышать заверения в полной абсурдности моих предположений или даже предложение проверить их. Но теперь я будить его просто боялась — чего доброго решит, будто женщина, почувствовав себя одинокой, воспользовалась наиглупейшим предлогом. Если честно, проверить свои догадки я готова была и одна. Удерживало вполне здоровое соображение, что в такой ливень, да еще в темноте, идти к маяку не стоит, тем более что увиденный свет почти наверняка — моя разыгравшаяся фантазия.

Но через пару минут стало ясно: меня неудержимо тянет в эту самую темень, и здравый смысл тут бессилён.

Я натянула джинсы, подвернув их до колен, и сунула ноги в шлепанцы — любая другая обувь все равно мгновенно промокнет. Покосилась на дверь и решила: окно предпочтительнее. Ни к чему привлекать внимание.

Выбраться через окно труда не составило. Я пошла вперед, надеясь, что в темноте найду дорогу и не набью шишек, налетев на какую-нибудь преграду. Двигалась я с трудом, ориентируясь на просвет между деревьями, ноги разъезжались в липкой грязи, ливень успел превратить землю в жидкую кашу. Я то и дело вскидывала голову в надежде вновь увидеть впереди свет. И тут мерный шум дождя нарушил грохот, и черное небо

рассекла молния. Одна яркая вспышка, и сразу другая.

«Надо поскорее выбираться отсюда, — подумала я, — в грозу находиться под деревьями опасно», — и испуганно вскрикнула от очередного раската грома.

Молния озарила все вокруг, я, пытаюсь понять, где нахожусь, оглянулась и в ужасе попятилась, увидев в нескольких метрах от себя гигантскую фигуру, точно залитую кровью.

— Ленка! — донеслось до меня, и на смену ужасу явился истерический смех, потому что стало ясно: это Вадим, должно быть, бросился за мною как был, в одних трусах, и в свете молнии его обнаженное, блестящее от дождя тело приобрело странный кровавый оттенок.

— Это ты?! — крикнула я, глупее вопрос трудно придумать.

Чертыхаясь, он подбежал ко мне.

— Какого хрена ты здесь носишься? — Он смотрел с испугом, и я поняла, насколько дурацкой была моя затея.

— Пошли, — хватая его за руку, сказала я, — под деревьями опасно, — и потянула его к гостинице.

Мы бежали, держась за руки. Гремел гром, молнии метались по небу, а я чувствовала легкость в теле, почти невесомость, повизгивала от переполнявшего меня восторга и слышала, как рядом хохочет Вадим.

Он с легкостью поставил меня на подоконник и взобрался на него сам. Спрыгнул на пол и хотел подхватить меня на руки, но я успела спрыгнуть. В комнате было темно, но мы видели друг друга во вспышках света за окном — вымокшие насквозь и счастливые.

— Мы уже так бежали когда-то, — сказал Вадим. — Помнишь?

Я кивнула, не очень понимая, что он имеет в виду.

— Помнишь, что было потом?

— Нет.

— Я взял тебя на руки. И нес до священного дерева. Огромный дуб. Влюбленные привязывали к нему разноцветные ленточки на счастье. Мы укрылись под его ветвями. И я любил тебя. А ты любила меня.

— Это просто фантазия, Вадим, — покачала головой я. — Или сон.

— Ага. Игра разума, как ты любишь выражаться. Но я помню. Помню так ясно, словно это было вчера.

Я хотела возразить, но делать этого не пришлось. Вадим бросился в ванную, вернулся оттуда закутанный в полотенце, второе полотенце протянув мне.

— Твою смерть я тоже помню, — спокойно сказал он, и у меня

перехватило дыхание от его слов. — Я помню, как разбивал в кровь кулаки, молотя ими по камням, как выл, стиснув зубы, а потом проклинал всех богов. Я просил тебя вернуться, но ты не слышала. Ничего страшнее этого я в своей жизни припомнить не могу.

Я хотела повторить, что это сон или воспоминание, внушенное ему Бергманом или придуманное им самим. Но Вадим вдруг резко сменил тему:

— Ты среди ночи к маяку отправилась?

— Ты тоже видел свет? — сказала я.

— Свет? Увидеть свет маяка можно лишь при одном условии: если он когда-нибудь начнет работать. Маловероятно, что фонарь сохранился. К тому же, учитывая расположение маяка, увидеть можно не свет, а отблеск. Тебе ведь прекрасно известно: отсюда маяк не виден. Если ты имеешь в виду свет фонарика, о котором рассказал мальчишка, то это совсем невероятно. Слишком большое расстояние. — Он помолчал немного и спросил: — Ты что-то почувствовала?

— Я просто увидела свет...

— Ага, — кивнул Вадим, выждав время. Но было ясно, что он мне не поверил.

— Вадим, я действительно решила, что это свет фонаря...

— И бросилась ночью, в грозу, одна проверять, кто там на маяке?

— Сейчас это звучит ужасно глупо, но... именно так.

Я села на подоконник и теперь разглядывала свои руки, странно белые в темноте.

— Что ты от меня скрываешь? — спросил он.

— Спятил?! Мне нечего скрывать.

— Сомневаюсь, — он подошел к холодильнику, достал бутылку воды и залпом выпил, стоя ко мне спиной.

— Он позвал, и ты побежала? — спросил едва слышно.

— Кто он?

— Вот и я думаю — кто? — поставив пустую бутылку на стол, он лег в постель, сбросил полотенце и демонстративно отвернулся.

Его слова вызвали шок. Я хотела, чтобы он немедленно объяснил, что имел в виду, но страх пересилил. Страх проговориться. Хотя почему бы не сказать Вадиму правду? О письме, о моих безумных надеждах, что Бергман жив?

Потому что Максимильян велел молчать.

Я отправилась в ванную, переоделась, но не легла, а еще долго сидела возле окна. Ничего похожего на лучик света я больше не видела и прекрасно понимала: Вадим прав, только отсвет большого фонаря на маяке

мог быть виден здесь. Все остальное — мои фантазии.

Вадим сказал: «Он позвал...» А что, если это действительно был зов? И тело действовало, повинуюсь ему, пока разум молчал? Чушь собачья. Я скатываюсь в мистику, как горький пьяница в запой! И в тот момент, когда я смогла убедить себя в этом, вдруг явилось острое желание сейчас же идти к маяку. Я почти физически ощущала этот зов, точно маяк вдруг обзавелся руками и протягивал их ко мне.

— Это кончится смиренной рубашкой, — буркнула я и пошла спать.

К утру дождь стих, но небо обложило тучами, сквозь которые не смог пробиться ни один лучик света. Заметно похолодало. Сыро, темно, уныло. В такую погоду от природы хочется бежать сломя голову.

— Не вижу повода и дальше торчать здесь, — сказал Вадим, бреясь в ванной. — Понадобится — вернемся. К тому же, останься мы здесь в такую погоду, это скорее вызовет подозрения.

— Тогда я собираю вещи, — кивнула я.

После завтрака, предупредив хозяйку о нашем отъезде, Вадим вынес чемоданы из номера, положил их в машину и отправился отдавать ключ от номера Софье.

Я слышала, как они весело болтают в холле, и в машину садиться не спешила. Даже немного прошлась и вскоре заметила Пырьева. Он бодро вышагивал по тропинке, вероятно, возвращался с прогулки. Удочек при нем не было.

— Доброе утро, Леночка, — приветствовал он меня. — Решили пройтись в одиночестве?

— Жду Вадима. Мы уезжаем, — ответила я.

— Да, погода не располагает к отдыху на природе, — хохотнул он.

— А вы уезжать не собираетесь?

— Нет. Для рыбалки тучи не помеха. Признаться, жару я не люблю.

— Ну, тогда мы, возможно, еще увидимся. Если погода наладится, мы вернемся.

— Непременно увидимся.

В этот момент появился Вадим.

— Поехали? — спросил он и повернулся к Пырьеву: — Счастливого оставаться.

Дверь нам открыла Лионелла. Лицо, как всегда, непроницаемо. Оставалось лишь гадать, что она испытывает сейчас, когда Максимильяна с нами не стало. Разговоры на эту тему она не приветствовала, да и я к ним не стремилась, подозревая, что ее боль куда больше моей. В общем,

каждый из нас, как мог, справлялся с бедой в одиночку.

— Поэт в своей комнате, — сообщила она.

Димка спускался нам навстречу по лестнице. Должно быть, в тишине дома наши голоса звучали громко.

— Привет, — сказал он, внимательно к нам приглядываясь.

— Обед в обычное время, — сообщила Лионелла и удалилась на кухню.

— Черт, — выругался Вадим. — Почему в ее присутствии я вечно чувствую себя виноватым, как нашкодивший пацан?

— Идемте в кабинет, — предложил Димка. — Рассказывайте свои новости, а я расскажу свои.

Мы устроились на привычных местах, остро ощущая отсутствие Максимильяна. Его пустующее кресло за столом приковывало взгляд.

— Может, нам сесть как-то по-другому? — откашлявшись, предложил Димка.

— А что изменится? — усмехнулся Воин, и я мысленно с ним согласилась.

Я предпочла, чтобы Димке обо всем рассказывал он, и теперь слушала отчет Волошина, по-военному краткий и точный. Он не упустил ни одной детали, но при этом лишнего слова не сказал.

Вадим замолчал, Соколов кивнул, точно соглашаясь, и заговорил сам:

— Я проверил звонки Зиновьева, за последний месяц он довольно часто звонил по одному номеру. И это при том, что были дни, когда звонков не было вовсе. То есть общительным старичком его не назовешь.

— И кому же он звонил? — спросил Воин.

— Это некто Сапрунов Виктор Павлович. Частный сыщик.

Мы с Вадимом переглянулись.

— На него есть что-нибудь?

— Офис на Малой Семеновской, и это пока все. В соцсетях его нет, даже объявление он давал по старинке, в газете.

— Сколько ему лет?

— Шестьдесят.

Вадим пожал плечами, мол, что ты хочешь.

— Даже граждане пенсионного возраста поняли преимущества Интернета, — заметил Димка. Он-то жизни без Интернета точно не мыслил.

— Этот, похоже, не понял. Что ж, наш Зиновьев обратился к частному сыщику, и этому должна быть причина. То есть о причине я, пожалуй, догадываюсь — бесследно исчезнувшая дочь. Но к сыщику он обратился

только сейчас, спустя шесть лет. Значит, произошло событие, заставившее его это сделать.

Я кивнула.

— Оттуда же интерес к маяку и краеведению.

— Событие негромкое, но исключительно важное, — продолжил Вадим, — о котором детектив должен знать. Как-то Зиновьев ему объяснил, почему вдруг начал искать дочь.

— Может, и не вдруг, — подал голос Димка. — Может, он с самого начала ее искал. И этот детектив — один из многих. Или Зиновьев вновь обратился к нему после перерыва.

— Это мы узнаем, — кивнул Вадим. — Что еще?

— На приятельниц Зиновьевых ничего интересного не нашел. Тетки как тетки. Обе на пенсии. Адреса и телефоны скинул вам на почту. Сын хозяина гостиницы — Молчунов Михаил Игоревич — тоже ничем особо не примечателен. Работает в медицинском центре, не женат, увлекается мотоспортом. Софью Богданову я тоже проверил. Жила в Туле, разошлась с мужем и переехала сюда. Развод официально не оформлен. Ранее работала бухгалтером в крупной строительной фирме. Никаких проблем на работе, фирма существует до сих пор. И вроде бы даже процветает. Очередной дом сдали на днях. Если надо, я еще покопаюсь.

— Пока не надо, — отмахнулся Вадим.

— Тогда все. Я позвонил в отдел, где раньше работала Софья, и душевно поговорил с ее давней коллегой. Она утверждает, хорошую работу Софья оставила исключительно из-за мужа. Отношения у них не складывались, он нигде не работал, сыном не занимался. Развод ей не давал. В последнее время скандалы стали сопровождаться рукоприкладством. Софья взяла сына и уехала, оставив мужу квартиру. Подруга уговаривала ее этого не делать и за квартиру бороться, но Софья ответила, что у нее просто больше нет сил. Сейчас, по словам той же подруги, она всем довольна. Живет спокойно, денег хватает. Правда, личную жизнь так и не устроила.

— Все у бабы хорошо, а вокруг вертится мутный тип, и она вдруг бледнеет при виде какой-то фотографии, — пробормотал Вадим. — Ладно, Софья подождет. А вот к сыщику стоит заглянуть, пока есть время до обеда. Ты со мной? — спросил он, поворачиваясь ко мне.

Я молча кивнула, Димка при этом едва заметно поморщился.

Офис Сапрунова пришлось поискать. Официально адрес был таким: Малая Семеновская, дом 1а, но в этом доме располагалась детская библиотека и никаких контор. В библиотеке ничего об офисе частного

сыщика не слышали, что, впрочем, не удивило.

Мы свернули в арку по соседству и оказались в просторном дворе. Слева — старое двухэтажное здание с табличкой «Строение 2». Обойдя его по кругу, мы увидели на цокольном этаже дверь с решеткой и смогли прочитать текст на листе бумаги, прикрепленном к двери скотчем: «Сапрунов В.П., частный детектив. Понедельник, среда, пятница, с 10 до 12».

— Похоже, он здесь давно не появлялся, — заметил Вадим.

Я с ним согласилась. Вокруг — гора окурков, кто-то сунул между прутьями решетки бутылку и смятые пластиковые стаканчики.

— Здесь молодняк тусуется, — продолжая оглядываться, Вадим стал звонить Сапрунову. — Номер в Сети не зарегистрирован, — сообщил он через некоторое время.

Повертел мобильный в руке и добавил:

— Интересно, что случилось с нашим детективом?

В этот момент из двери, что располагалась неподалеку, появился мужчина лет пятидесяти с портфелем в руках. Он с интересом посмотрел в нашу сторону и направился к арке, я его окликнула:

— Извините.

Мужчина остановился, ожидая, когда я подойду.

— Вы не знаете, работает ли детективное агентство?

— Понятия не имею, — пожал плечами мужчина.

— А с Сапруновым вы не знакомы?

— С сыщиком? Нет. Я его, конечно, видел, но незнаком. Кажется, он арендует помещение у нашей фирмы, но я не уверен. — Кивнув мне, он уже собрался уходить, но вдруг вновь заговорил: — Знаете, его бухгалтер, Лена, она у нас работала. А сейчас, кажется, бухгалтер в мебельном магазине, тут совсем недалеко, на Семеновской. Месяц назад она точно там работала. Может, вам у нее спросить? Маликова Елена Максимовна.

— Спасибо, — обрадовалась я.

Он ушел, а мы с Вадимом отправились следом — искать мебельный магазин. Мужчина оказался прав — он был неподалеку.

В просторном помещении, заставленном мебелью, неприкаянно бродили две женщины в униформе. Судя по всему, наплыва клиентов здесь давно не наблюдалось. Обе бодро направились к нам, но их ждало разочарование.

— Елена Максимовна здесь? — спросил Вадим.

— Да. У себя в кабинете. — Женщина объяснила, как туда пройти, и вскоре мы стояли перед приоткрытой дверью, из-за которой доносился

женский голос. Хозяйка кабинета разговаривала с кем-то по телефону.

Небрежно постучав, Вадим распахнул дверь, пропуская меня вперед. За столом сидела женщина, полная, с приятным широким лицом, безусловным украшением которого были глаза, большие и светлые. На нас она посмотрела с интересом.

— Елена Максимовна? — начал Вадим с улыбкой.

— Слушаю вас.

— Мы по поводу Сапрунова. Уделите нам несколько минут?

— Вы из полиции? — Женщина нахмурилась, но в голосе скорее надежда, чем беспокойство.

— Мы с ним, можно сказать, коллеги, — продолжил расточать улыбки Вадим. — Весьма удивились, застав его офис в запустении.

— Так вы не знаете? — Елена перевела взгляд с Вадима на меня.

— С ним что-то случилось? — задала вопрос я, устраиваясь на стуле.

— Он умер. Погиб...

— Давно?

— Почти месяц назад.

— Вот как... — Вадим сделал паузу. — И что же произошло?

— Он... он сам ушел из жизни. Его нашли в гараже, в машине. Отравился угарным газом, перед этим принял большую дозу снотворного.

— Он ведь был уже немолод. Что его заставило совершить самоубийство? Речь ведь не о несчастной любви, как я понимаю?

— Можно сказать и так, — вздохнула Елена. — У Виктора умерла жена... Она очень тяжело умирала, и все это легло на его плечи. Вы не представляете, каким преданным мужем он был. Он говорил мне, что и дальше был готов на любые жертвы, лишь бы его Лиза была рядом. Даже в таком состоянии. А под конец она его уже не узнавала. В общем, для него смерть жены оказалась страшным ударом. Он мне не раз говорил: «Не знаю, как буду доживать». Очень тосковал по покойной. Возможно, если бы кто-то оказался рядом... Но они с женой были бездетны. У Виктора остался племянник, живет в Америке, даже на похороны прилететь не смог.

— То есть вы не сомневаетесь — Виктор сам на себя руки наложил? — спросил Вадим.

Она пожала плечами и ответила:

— Наверное.

— Тогда еще вопрос: почему вы решили, что мы из полиции?

И вновь пожатие плеч.

— Не знаю. Просто подумала. Вы так и не сказали, почему интересуетесь Виктором?

— Мы — частные детективы. Заняты расследованием одного происшествия. К нам обратилась молодая женщина, дед которой скончался месяц назад. Сердечный приступ. У нас нет повода не верить человеку, проводившему вскрытие. Но наша клиентка считает, ее деду помогли уйти из жизни. Мы выяснили, что незадолго до смерти он обращался к частному детективу.

— К Виктору?

— Да. Теперь оказывается, Виктор тоже скончался. Покончил жизнь самоубийством. Лично мне это кажется... немного странным. А вам?

— Да. Наверно. Я не знаю.

— Но ведь сомнения у вас были? — осторожно спросила я.

Елена, подумав, кивнула:

— Я пыталась говорить с участковым... Он сказал — нет повода думать, что это не самоубийство. Но ведь человеку могли дать снотворное, а он об этом даже не догадывался. А потом оставить в гараже, в машине. Но мне сказали — там только его отпечатки.

— Не самый веский аргумент. Убийца мог орудовать в перчатках.

— Наверное, разбираться в этом никто попросту не хочет. Он ведь не только мне говорил, что жизнь его после смерти Лизы потеряла смысл. Соседка рассказывала, как Виктор переживал. И его приятель. Они редко виделись, но иногда созванивались.

— Так что вас смущает? — вновь вмешалась я.

— Понимаете... В последнее время он чувствовал себя намного лучше. Шутил, смеялся. К жене на кладбище он сначала каждый день ездил, и потом, когда уже год прошел, в выходные. А последнее время, кажется, раз в месяц. Я еще подумала: слава богу, привыкает понемногу. Знаете, его работа увлекла. Пока жена болела, он практически не работал, просто не имел возможности. Ну, и растерял всех клиентов. Вы же понимаете, в таком деле... — Вадим поспешно кивнул, а она продолжила: — И после ее смерти он в офисе целыми днями сидел, иногда даже ночевал, наверное, не хотел дома один оставаться. Клиенты время от времени появлялись. Ничего серьезного, работы, как он говорил, на пару дней. Но это его отвлекало от мыслей об одиночестве. А полгода назад к нему обратился знакомый еще по работе в полиции.

— Давно он ушел на пенсию?

— Не знаю. Я познакомилась с ним, когда он офис снял на Малой Семеновской, а я в том же здании работала. Ему нужен был бухгалтер. Работал он как ИП, и отчетности там было мало, я и согласилась помогать. Мне работы на пять минут, а ему спокойно. Если вопросы с налоговой

возникали, я сама шла к ним. В общем, ему хорошо — и мне деньги нелишние. Но виделись мы редко. Пока в одном здании работали, он меня, бывало, до дома подвозил. Сначала отношения у нас были сугубо деловые, потом он понемногу начал о себе рассказывать. Сюда он из-за жены приехал. Кажется, откуда-то с севера. Там у него была хорошая должность, но жена уже тогда начала болеть, он вышел на пенсию, и они перебрались сюда. Но человек он деятельный, вот и решил свое дело открыть. Сам себе хозяин, и график работы по своему усмотрению.

— Значит, полгода назад появился его знакомый?

— Да, — кивнула Елена. — Он в Москву перевелся, кажется, тоже на пенсию вышел и стал работать в крупной компании. Здесь у них филиал. Вот он и обратился к Виктору. И может, я как-то неправильно выражусь, в общем, руководство фирмы подозревало, что кто-то из сотрудников передает информацию конкурентам.

— И Виктор супостата нашел?

— Да. Работа помогла ему отвлечься. Он даже помолодел, честное слово. Деньги очень большие ему заплатили. Он еще смеялся, что за два месяца работы получил столько, сколько на своей прежней должности за два года.

— Вы думаете, кому-то из тех, кого он вывел на чистую воду, это настолько не понравилось, что он решил с Виктором по квитаться?

— Нет, я так не думаю. Виктор сказал, что работал в основном с бумагами, и тот человек... Скорее всего, о Викторе он даже ничего не знал. Потом к нему обратились из другой фирмы, но работа была примерно такой же. Заплатили меньше, но деньги все равно приличные. А главное, он был занят и чувствовал себя нужным. Поэтому мне и показалось странным... Если бы он сделал это полгода назад, я бы не удивилась. А сейчас... Человек стал буквально возрождаться. Мужа моего уговорил на рыбалку лететь в Мурманск. Представляете? Перелет хотел оплатить... Муж деньги вернул, считал, что неправильно это, за чужой счет... А Виктор мне премию выписал. В десять раз больше зарплаты. Понятно, что помочь хотел, компенсировать поездку, так сказать... Они отлично отдохнули, потом только об этом и говорили. Опять собирались. Муж с работы коллег пригласил... Извините, что я все это рассказываю... В общем, его смерть меня потрясла. Я и раньше ему говорила: если что, звоните, приходите... Понимала, как человеку одному тяжело...

— И он звонил?

— Нет. Последнее время они с моим мужем довольно часто встречались. Подружились, в общем. Думаю, ему бы он позвонил. Выпили

бы вместе, посидели. Глядишь, и отпустило бы.

— Если подытожить, — заговорил Вадим, когда Елена замолчала, — к моменту, когда это произошло, у Виктора особых проблем не было. Появились работа и деньги. С одиночеством он вроде бы смирился, по крайней мере, каждый день на могилу жены не бегал. И вдруг руки на себя наложил. Вы о своих сомнениях в полиции рассказывали?

— Понимаете, они так спрашивали... Любил ли он жену? Сильно ли переживал? Да, любил. И переживал. Многие переживают, но не все готовы себя убить. Да и не слушал меня никто особенно. Кто я? Приходящий бухгалтер. Они даже с мужем моим не поговорили.

— Предположим, кто-то помог Виктору расстаться с жизнью. Предположим, — повторил Вадим, видя, как меняется выражение лица Елены. — Тогда сразу же возникает вопрос: кому это выгодно?

— Я не знаю, — помедлив, ответила она. — Поймите, я просто помогала ему с бухгалтерией. Отправляла отчеты в налоговую. О делах, которые он вел, Виктор никогда не рассказывал, считал это неэтичным. Да я и не спрашивала.

— Да, но о его сотрудничестве с некой фирмой вы все-таки знаете.

— Это потому, что деньги он получил огромные. Вот я и спросила. А он ответил в двух словах, ничего конкретного не рассказывая.

— Деньги поступали на его счет? Значит, отправителей установить нетрудно?

— Да, разумеется, — кивнула она и повернулась к компьютеру.

Мы ждали в молчании.

— Последний перевод от частного лица. Зиновьев А. Ю.

Елена взглянула на нас с сомнением, но через минуту сказала:

— Я сделаю распечатку за последний год.

— Полиция его делами интересовалась? — спросил Вадим.

— Нет.

— Мы обратили внимание, что офис не опечатан.

— Они там даже не были, — протягивая нам лист бумаги, ответила Елена.

Вадим взглянул на распечатку.

— Что ж, клиентов немного. Фирмы, о которых вы говорили, и, не считая Зиновьева, еще трое граждан. Их дела благополучно закрыты, судя по оплате, а от Зиновьева был только аванс.

— Вы думаете, Виктора убили из-за этого расследования?

Вадим пожал плечами.

— Суммы от трех других частных лиц незначительные. Логично

предположить, что и дела были им под стать, а вот аванс, полученный от Зиновьева, довольно солидный. Разумеется, это надо будет проверить, — поднимаясь, сказал Вадим. — Спасибо вам за помощь.

Мы уже направлялись к двери, когда Елена нас окликнула:

— У меня есть ключи, — сказала с сомнением и вроде бы уже жалея об этом.

— Ключи от его офиса? — поднял брови Вадим.

— Да, — вздохнула она. — Он дал мне их на всякий случай.

— У него наверняка остались какие-то записи, — ласково, точно змей искуситель, произнес Волошин.

Елена, глядя в сторону, кусала губы и, кажется, не замечала этого.

— Я понятия не имею, кто вы такие... Почему я должна вам верить?

— Не должны, — мягко согласился Вадим. — Но мы единственные, кто хотел бы разобраться в этом деле.

— Идемте, — сказала она, резко поднявшись. Взяла сумочку, достала из нее ключи и направилась к двери.

Мы следовали за ней. Путь до офиса Сапрунова проделали молча, по лицу Елены было понятно: она не до конца уверена в правильности своего решения.

На подходе к офису она замедлила шаг, и я подумала — чего доброго, повернет назад. Но женщина открыла решетку, а потом и дверь. Шагнула в темноту, нащупала выключатель, вспыхнула лампочка, осветив маленький узкий коридор, дверь из которого вела в кабинет.

На письменном столе Сапрунова не было ничего, кроме блокнота и набора карандашей в пластиковом стаканчике.

— Он не пользовался компьютером? — спросил Вадим.

— У Виктора был планшет, должен лежать в ящике стола. Он предпочитал работать по старинке, все записи делал на бумаге. Телефон у него был самый простой, только для звонков. В планшет он вряд ли заносил что-то важное. Он был нужен ему, чтобы быстро что-то выяснить, например адрес.

Вадим открыл ящик стола, планшет лежал сверху. Пароль отсутствовал, уже по этому было ясно: ничего серьезного Сапрунов здесь не хранил. Но Воин все-таки решил проверить, а я подошла к стеллажу, на котором стояли папки с бумагами. Всего несколько штук. Взяла одну, на обложке было написано: «Игумнов» и две даты. Надо полагать, начало и окончание работы над делом. Открыв папку, я увидела лист с размашистой надписью «дело закрыто» и датой. Просмотрев бумаги, я узнала, что клиент подозревал в измене свою любовницу. Сам клиент, кстати, был

женат. Его подозрения подтвердились, что лично меня порадовало — не одному ему налево ходить. Содержание еще нескольких папок интересным тоже не показалось.

— Папки с фамилией Зиновьева здесь нет, — сказала я, поворачиваясь к Вадиму.

Мы все тщательно проверили, но папку так и не нашли. Никаких записей, ничего, что было бы связано с Зиновьевым. За исключением аванса, который один ныне покойный перевел другому, ныне покойному. Аванс за предполагаемую работу.

— Здесь кто-то был, — заявила Елена, когда стало ясно, что мы ничего не найдем.

— В каком смысле? — поднял брови Вадим.

— Виктор был очень педантичным и на нового клиента тут же заводил папку, как только договор подписывал. В ней и держал все бумаги, относящиеся к делу. Я уже сказала, он предпочитал работать по старинке. Судя по дате поступления денег, он работал над этим делом почти месяц, до самой своей смерти. И за все время не сделал ни одной записи и даже папку не завел? Этого не может быть.

Чувствовалось, что она нервничает, оглядывается с опаской, точно сами стены здесь таят угрозу.

— Согласен, — кивнул Вадим. — Как по-вашему, еще что-нибудь пропало?

Елена вновь принялась оглядываться.

— Нет. Все как будто бы на месте.

— Значит, гость был аккуратен, и интересовала его конкретная папка.

— Думаете, кто-то действительно проник сюда? — нахмурилась женщина.

— И это вряд ли случайный грабитель, — кивнул Вадим. — Единственная вещь, которая хоть что-то стоит, — это планшет, но его не взяли.

— Наверное, надо сообщить в полицию? — с сомнением спросила Елена.

— Можно попробовать. Боюсь, все ограничится зря потраченным временем и очередным разочарованием. Мы убедились: подозрительная смерть вашего друга Виктора, скорее всего, связана со скоропостижной кончиной его клиента, внука которого и наняла нас, чтобы в этом разобраться. Можете не сомневаться, мы разберемся.

— Хорошо, — кивнула Елена. — Мне пора возвращаться на работу.

Через несколько минут мы простились.

— Похоже, хлопнули нашего сыщика, — проговорил Вадим, направляясь к машине.

— Убийца уничтожил документы, тем самым явно дав понять: убийство связано с делом Зиновьева. Не скажешь, что это умно.

— Милая, он был уверен: никто в бумагах Сапрунова копаться не будет. Одиноким дядя наложил на себя руки в тоске по почившей жене. Ментам только дай повод ничего не делать...

— А если бы они все-таки заглянули в контору? Предварительно поговорив с Еленой и узнав об авансе?

— Определенный риск, конечно, был. Но... он решил рискнуть и оказался прав.

— Он?

— Ну не она же... — хмыкнул Вадим. — Хотя опоить дядю снотворным и оставить в машине могла и баба. А что? Романтическое свидание в гараже заканчивается для Сапрунова весьма скверно.

— Блеск. Есть идея, кто эта кровожадная?

— Нет. А у тебя?

— Зиновьев вдруг начинает искать дочь и нанимает сыщика. И тот, безусловно, что-то обнаружил. Мы знаем, что дочь Зиновьева мертва, и беда с ней случилась неподалеку от отцовского дома. Надо выяснить, приезжал ли Виктор в село. И с кем встречался.

— Ага. Кстати, один любопытствующий и сейчас болтается возле озера, — усмехнулся Вадим.

— Софья не могла быть связана с гибелью дочери Зиновьева. В это время она жила совсем в другом месте.

— Я и не спорю, но Пырьев не зря там ошивается. И еще: если Виктор и узнал что-то важное, то сам об этом вряд ли догадывался.

— Почему? — нахмурилась я.

— Он мужик бывалый и, зная об опасности, не подпустил бы к себе злодея так близко.

Я кивнула. Между тем мы успели выехать на проспект, и я спросила:

— Куда теперь?

— Звони Виктории, пусть договорится с подругами деда о встрече. Бабки — народ недоверчивый, без звонка нас, скорее всего, на порог не пустят.

Я набрала номер Вики, она ответила сразу и пожелала с нами встретиться. Желание клиента следует уважать, поэтому через полчаса мы сидели в кафе неподалеку от дома, где жила девушка, и ждали, когда она появится.

Вика вошла, запыхавшаяся, с покрасневшим лицом, создавалось впечатление, что она бежала сюда бегом.

— Извините, что вам пришлось ждать, — начала она.

— Вы нам платите, — ответил Воин с такой улыбочкой, что его слова больше смахивали на издевку.

— Есть новости? — спросила Вика, ее прямо-таки распирало от нетерпения.

— Обычно мы отправляем своим клиентам отчет... — начала я. Но тут же мысленно махнула рукой и спросила: — Вы знали о том, что ваш дед обращался к частному детективу?

— Нет. Когда обращался?

— За несколько недель до своей кончины.

— И зачем ему понадобился детектив?

— Возможно, он рассчитывал узнать, что случилось с вашей матерью.

— Через столько лет? Вдруг, ни с того ни с сего?..

— Допустим, не вдруг. Что-то этому предшествовало. Возможно, он и раньше пытался ее отыскать?

— Я об этом ничего не знаю, — нахмурилась Вика. — Вы выяснили, кто этот детектив? Разговаривали с ним?

— Он умер через два дня после кончины вашего деда.

Она испуганно перевела взгляд с меня на Вадима.

— Значит... Значит, это не просто так?

Я не стала задавать вопрос, что она имеет в виду, и ответила уклончиво:

— Пока рано делать выводы. Нам нужна ваша помощь. Мы бы хотели встретиться с женщинами, которые навещали вашего деда.

Вика некоторое время сидела молча, то ли сомневаясь, то ли просто размышляя. Впрочем, недоверия как раз в ней не чувствовалось. Достала мобильный и начала звонить.

Через полчаса мы уже входили в дом одной из приятельниц ее деда. Звали даму Каолина Викторовна, одно ее имя вгоняло в трепет, но старушка оказалась миловидной, а еще на редкость гостеприимной. Нашему визиту обрадовалась, тут же усадила за стол и принялась поить чаем с вишневым вареньем.

— Альберт Юрьевич был прекрасный человек, — скорбно произнесла она, сделав глоток из чашки, но тут же вновь улыбнулась. — Однако в семейной жизни ему не везло. Я не хочу ничего плохого сказать о своей подруге, она во всех смыслах была замечательной женщиной, но... Они с Альбертом мало подходили друг другу. И страдали. Да, такое бывает. Два

изумительных человека страдают от одиночества, живя бок о бок. Признаться, я боялась, что, став наконец свободным, он, тяготясь чисто бытовыми проблемами, сгоряча женится и вновь сделает неправильный выбор. Людям свойственно наступать на одни и те же грабли.

— Но он предпочел жить один?

— Оказалось, бытовые проблемы легко решаемы, — светло улыбнулась старушка. — Когда есть деньги.

— А они у Альберта Юрьевича были?

— Ну... Вы задаете вопросы, на которые я не могу ответить. В нашем кругу такое не принято обсуждать — платежеспособность и прочее в том же духе. У нас иные интересы. Но... Безусловно, он жил не на одну пенсию, хотя и она у него была очень даже приличная. Он всю жизнь работал и что-то отложил на старость. Это вполне естественно. Я думаю, на ваш вопрос куда легче ответить Виктории, ведь она его наследница.

Старушка смотрела с хитрецей. Я спросила:

— У них не было особенно близких отношений, как я понимаю?

— Бабка Вики по отцу сделала все возможное, чтобы они виделись как можно реже.

— Почему?

— Потому что считала, что Альберт отказался помочь ее непутевому сыну, и тот погиб. Вы ведь знаете эту историю? Сыночек спустил все, что у него было. Влез в долги... Он был игрок. К тому же пил. Не удивлюсь, если кое-что и похуже. Один раз я встретила его, он был совершенно не в себе. Разумеется, начались проблемы. Какие-то люди ему угрожали. Ниночка, дочь Альберта Юрьевича, пыталась мужа спасти. Но все тщетно. Он наложил на себя руки.

— И его мать решила, что виноват в этом Зиновьев?

— Конечно. Недалекая женщина, убитая горем.

— Она считала, что Альберт Юрьевич мог оплатить долги и тем самым спасти ее сына?

Вадим при этих словах тяжело вздохнул. В беседе он участия не принимал, предоставив старушку мне. Немного странно, обычно Волошин легко находит язык с пожилыми дамами, впрочем, как и с молодыми. Воин все делал с разбойничьим присвистом и в свое удовольствие, но сейчас предпочел отмалчиваться.

— Не знаю, на что она надеялась. Согласитесь, довольно глупо позволить дочери продать квартиру, чтобы дать возможность непутевому мужу и дальше потакать своим дурным наклонностям.

— Нина хотела продать квартиру, но Альберт Юрьевич запретил?

— Это была его квартира. Они жили там до того, как Альберт Юрьевич вышел на пенсию и переехал за город. Потом там жила семья Нины, но по документам квартира так и принадлежала Альберту. Она решила ее продать и явилась к отцу. Представляете? Разумеется, он отказался делать заведомую глупость. Оставлять дочь с ребенком на улице! Он думал исключительно об их благе. А дочь закатила ему истерику. Ужас, какими неблагодарными могут быть дети. Вы знаете, что он сделал? — вдруг перешла она на шепот. — Этот ее муж? Удавился! Кошмар.

— И Нина обвиняла в его смерти отца?

— Надеюсь, у нее хватило ума этого не делать. А вот ее свекровь именно так и решила. Свою квартиру она, кстати, не продала, чтобы сыночка спасти. Но Вику против деда настроила.

— Но после самоубийства мужа Нина к отцу все-таки приезжала?

— Конечно, и она, и Вика. У нее же, кроме отца, никого не было. Работала она библиотекарем, сами знаете, какая у них зарплата, да еще муж — игрок и пьяница. Денег катастрофически не хватало, и если бы не помощь отца... В общем, в чем бы она ни обвиняла Альберта, но его деньгами пользовалась. — Тут старушка скорбно поджала губы, сообразив, что ее слова идут вразрез с утверждением о чуждости ей всего материального.

— А что вам известно об исчезновении Нины? — поспешила я сменить тему.

— То же, что и всем, — пожала плечами она. — Нина приехала к отцу, ночевать не осталась, вызывать такси не стала, решила ехать на автобусе. Водителя автобуса, кстати, подозревали. Но он был ни при чем. Видимо, Нина уехала с кем-то на машине... — тут она тяжело вздохнула. — Больше ее никто не видел. Вику забрала бабка, и они с Альбертом Юрьевичем почти не виделись.

— Как он пережил потерю дочери?

— Как?.. — Она, казалось, растерялась. — Поначалу был уверен, что она найдется. По крайней мере, не помню, чтобы он особо переживал.

— Немного странно, не находите?

Каолина нервно дернула плечами:

— Вот уж не знаю. У Нины была нестабильная психика. Жизнь с таким типом, как ее муж, не обходится без последствий. Да и сам факт, что она выбрала в мужья подобного человека, говорит о многом. А после его смерти она и вовсе потеряла контроль над собой.

— А можно об этом подробнее? — попросила я.

Она взглянула недовольно. Я испугалась, что разговор на этом, чего

доброе, оборвется, но Каолина после паузы продолжила:

— Она буквально истязала своего отца. Говорила, что он погубил ее мужа, а теперь готов то же самое сделать с ней. Однажды при мне грозились покончить с собой. Так и сказала: «Ты дождешься, я тоже удавлюсь». Представляете? И это при посторонних!

— А причины всего этого она не называла?

— По-моему, никакой причины не было. Обычная истерика.

— Вы сказали, что присутствовали при одной такой ссоре. Но ведь с чего-то она началась?

— Дайте вспомнить... Мы сидели, пили чай. Приехала Нина. Сначала все было вполне пристойно, я спросила, как ее дела, а Альберт Юрьевич спросил, как дела у Вики. Надо сказать, она была избалованным ребенком. Альберт Юрьевич сделал по этому поводу какое-то замечание, а Нина начала кричать, что любит свою дочь. И... в общем, она потеряла контроль и наговорила отцу гадостей.

— И в тот вечер, когда Нина исчезла, они тоже поссорились?

— Возможно. Не знаю точно. Не удивлюсь, если каждая их встреча заканчивалась скандалом.

— Она грозила самоубийством, но отец не особенно переживал, когда она исчезла?

— Я этого не говорила, — обиделась Каолина. — Разумеется, он переживал. Но надеялся, что Нина вернется. Просто он думал... Возможно, он думал, что она так мстит ему. Я же сказала, у Нины были проблемы с психикой.

— И чтобы отомстить отцу, она была готова бросить дочь?

— К тому моменту бедная Вика проводила гораздо больше времени с бабушкой. Та ее очень любила. Но влияние оказывала, безусловно, негативное. Бедное дитя! Вы же ее видели... Боюсь, свою жизнь она вряд ли устроит, — не без ехидства закончила Каолина.

— Но в какой-то момент Альберт Юрьевич, должно быть, понял, что дочь вряд ли вернется? И с ней, скорее всего, произошло несчастье?

— Наверное. Мы с ним об этом не говорили. Я предпочитала говорить о музыке, литературе, а не бередить его раны.

— Но он ведь обращался в полицию?

— Конечно. Как же иначе?

— Только в полицию или к частному сыщику тоже?

— Альберт Юрьевич — и частные сыщики? — Старушка весело фыркнула. — Он для этого слишком здравомыслящий человек.

— Выходит, не совсем, — брякнула я.

Каолина удивилась:

— Что?

— За несколько недель до своей смерти он обратился к частному детективу.

Тут повисла пауза. Бабуля пыталась справиться с изумлением, а мы терпеливо ждали.

— Даже не знаю, что и думать, — наконец пробормотала она.

— Он вам об этом не говорил?

— Конечно, нет! А вы уверены... Извините, но в такое трудно поверить.

— Почему же? Он, к примеру, надеялся, что дочь жива, и решил ее найти. К тому моменту полицейские вряд ли всерьез занимались этим делом, ведь времени прошло много.

— А знаете, — нахмурилась Каолина, — вы, возможно, правы. В последнее время он вел себя довольно странно. Я несколько раз звонила, но он торопился прервать разговор. Хотя обычно охотно подолгу беседовал. А когда мы приехали его навестить с приятельницей... он казался чем-то озабоченным. У нас даже сложилось впечатление, что нашему визиту он совсем не рад.

— И вы не спросили, в чем дело?

— Я спросила, все ли в порядке. И он ответил: все хорошо. Знаете, человека нашего возраста иногда посещают весьма скорбные мысли. Я не придавала его настроению особого значения. И возможно, зря.

— Как думаете, он мог с кем-то поделиться своими планами?

— Вряд ли. С Викой? Но ведь она ничего не знает? Иначе бы сообщила вам.

— Возможно, с друзьями?

— С друзьями? — удивилась Каолина. — У Альберта Юрьевича не было друзей, насколько мне известно. Были коллеги, которые посещали их дом, когда супруга была еще жива.

— Он поселился в Мальцеве много лет назад...

— И о чем ему, позвольте спросить, разговаривать с тамошними жителями? — усмехнулась она. — О видах на урожай? Не хочу ничего плохого сказать о сельчанах, но, согласитесь, уровень образования и все такое... Вы бы видели его домработницу, эту жуткую бабищу! И представьте, она метила на место покойной супруги! Это чувствовалось. Вела себя как хозяйка и даже ему указывала...

— То есть с ней он мог проблемами поделиться?

— Не смешите меня! — возмутилась Каолина. — Он и эта баба... Я

видела его пару раз с этим... пожарным, — вдруг вспомнила она. — Интересный мужчина, еще молодой. Он, кажется, с образованием и выглядел прилично. Однако в доме его точно не было. Альберт Юрьевич кого попало к себе не приглашал. Сомневаюсь, что стал бы доверять ему секреты.

— Надо выяснить, бывал ли Ивлев у Альберта Юрьевича, — сказала я, когда мы покинули Каолину Викторовну и оказались на свежем воздухе.

— Ивлев утверждает, что с Зиновьевым был едва знаком. Что-то подсказывает мне: к очередной старушке мы едем напрасно. Наша Каолина сейчас наверняка ей звонит, они все обсудят, и мы получим еще одну версию, точную копию предыдущей.

— По-твоему, разговор ничего не даст?

Вадим пожал плечами:

— Решили, значит, надо ехать.

Анна Ильинична внешне казалась полной противоположностью своей подруги. Высокая, полная, одета в широкие брюки и рубашку в клетку. В руках она держала сигарету, которую так и не прикурила. На нас смотрела с сомнением.

— Мне Каолина звонила, — в ответ на мои объяснения кивнула она. — Проходите.

Вслед за хозяйкой мы оказались в просторной гостиной с антикварной мебелью. Квартира Каолины выглядела скромно, различие между двумя женщинами сказалось и в этом.

— Садитесь, — Анна Ильинична тяжело опустилась в кресло, посмотрела на сигарету в своей руке и откинула ее на журнальный стол. — Курить бросаю. Врачи велели, — и без перехода продолжила: — Моя подруга небось Альберту оду сложила? У нее все в розовом цвете, и чем ближе к могиле, тем розовей. Мужик он был с характером, не скажу, что мы с ним легко или приятно общались но это лучше, чем мой сыночек, тютя-матютя, который до сих пор без меня жить не научился. Хотя своих детей завел. Пять человек завел да бросил. Три раза женился — и все характером не сошлись. Бог с ним... Это я еще от разговора с ним не отошла. Убрался перед вашим приходом. Вот жена у Альберта была — чистое золото! Ко всем могла подход найти. На ней все и держалось, а как померла, семьи не стало. Альберт сам по себе, Нинка сама по себе. А тут еще муж ее непутевый...

— Каолина Викторовна сказала, Нина была склонна к истерикам и часто ссорилась с отцом.

— Ну, так она его в убийстве мужа обвиняла, неудивительно, что

ссорились!

— Она винила отца в том, что он не разрешил продать квартиру и ее муж, оказавшись в безвыходном положении, повесился?

— Нет. Она решила, что Альберт его смерти поспособствовал, боясь, что он Нинку в конце концов без жилья оставит! Без жилья, да еще с долгами.

— Что значит «поспособствовал»?

— То и значит. Не сам он в петлю полез, а помогли. И Нинка даже знала, кто помог.

— Вы хотите сказать, ее отец нанял...

— Нинкиного любовника, — с готовностью подхватила она. — Они с Ванькой еще со школы любовь крутили. Шпана шпаной, в семнадцать лет в тюрьму угодил. Правда, выпустили его быстро... Через несколько лет он бизнесменом стал, это так считалось, а на самом деле — форменный бандит. У Нинки ума хватило от него подальше держаться, но и тут она мало что выгадала, нашла себе муженька... Хотя поначалу он всем нравился. Нормальный парень, работающий. Жили в достатке, родители с машиной помогли, квартира тоже родительская, ребенка родили, а потом — бац, и он точно с цепи сорвался. Игровые автоматы. Они тогда на каждом шагу стояли. Когда поняли, что к чему, он уже был конченный. Это ж как наркотик, все на свете безразлично — и жена, и мать, и дочь... Денег в долг набрал чертову прорву. Нинке бы бросить его, а она спасать мужа вздумала. Дура. А Ванька рядом вертелся, любовник бывший, хотя, может, она с горя опять с ним закрутила. А Альберт его знал хорошо, еще по школе, он у них часто бывал. Вот и решили они Нинку спасти. Один подсказал, другой сделал. И стала Нинка свободной женщиной.

— Вы об этом от кого узнали? — с некоторым сомнением спросила я.

— От Нинки. То есть я-то узнала от домработницы Зиновьева. После поминок мы с ней прибирались в доме, Каолина с Викой спать ушли, а мы выпили еще за помин души Альберта. Ну, и разговорились.

— Вы имеете в виду Клавдию Семеновну?

— Ее самую. Она и рассказала: в тот вечер, когда Нинка исчезла, она к отцу явилась и давай ему выговаривать. Мол, ты подговорил Ваньку убить моего мужа. Они-то думали, Клавдия ушла, а она задержалась. А когда сообразила, о чем Нинка вопит, стала подслушивать. Занятие некрасивое, но я бы тоже подслушала. Альберт, само собой, сказал: ты с ума сошла, а Нинка — мне Ванька сам покаялся. Мол, я тебя люблю, готов на все и от мужа непутевого тебя избавил. Она Ваньке пригрозила, что в полицию пойдет, тот ей про отца и выдал. Мол, не я один тебя спасал, а с родителем

твоим заодно. Орали они, по словам Клавдии, не меньше часа, она ушла по-тихому. А потом увидела, что Нина из дома выскочила, точно ошпаренная. И после этого — как в воду канула. От отца ушла, а домой не вернулась.

— И что вы об этом думаете?

— А что тут думать? Ванька ее убил. Испугался, что в самом деле в полицию пойдет. С отцом она не ладит, запросто в тюрьму упечет, и Ваньку, само собой, тоже. А кому в тюрьму охота? Вот он наплевал на свою любовь и убил девку.

— И вы, узнав все это, не обратились в полицию? — нахмурилась я.

— А чего обращаться? Ваньку еще года три назад Господь прибрал. Альберт тоже покойник. Да и вопрос, что Клавдия вправду слышала, а что напридумывала. Она наутро мне так и сказала: «Анна Ильинична, я вчера охмелела да глупостей насочиняла, вы всерьез не принимайте». Я и не приняла.

— Как по-вашему, Зиновьев мог считать, что дочь исчезла по вине Ивана?

— Не знаю. Он со мной об этом не говорил. И сомневаюсь, чтобы вообще с кем-то обсуждал такое. Он человек закрытый. Но точно знаю, что с Ванькой он виделся, тот к нему приезжал. Мы с Каолиной на такси приехали, а Ванька нам навстречу на своей машине. Я Альберта спросила: это Нинин друг приезжал? А он в ответ: да, мол, ищет Нину, беспокоится.

— А когда он приезжал к Зиновьеву?

— Да уж больше года прошло после ее исчезновения.

— Но ведь полицейские Нину искали?

— Конечно. Только не нашли... Вот так. Я, бывает, ночью лежу и все думаю, как так может быть, что человек исчезает без следа. Разные истории придумываю.

— Какие, например?

— Так я уже сказала: это Ванькина работа. Знал, что она к отцу поедет, ну и подловил где-то...

Мы немного посидели в молчании, потом я спросила:

— О том, что Зиновьев к детективу обращался, вам Каолина Викторовна рассказала?

— Ни за что бы не подумала, что он на такое способен! Не в его характере. Но... значит, другого выхода не видел.

— И что его, по-вашему, могло заставить обратиться к детективу?

— Вот уж не знаю.

— Логично предположить, это связано с исчезновением Нины.

— Может, и связано, а может, и нет. Альберт Юрьевич — он ведь командовать привык. Начальник, все по его воле должно быть. Не мытьем, так катаньем, а своего добьется. И не в свое дело запросто мог влезть, если решил, что дело неправильное. Но это так, пустые слова, — махнула она рукой. — Вы бы лучше с детективом поговорили, он, поди, знает, зачем его Альберт нанимал.

— Детектив вряд ли информацией поделится, — пожала плечами я, не желая говорить о кончине Сапрунова. Чего доброго, новость Анну напугает. — Профессиональная этика и все такое...

— Чушь! Альберт помер, какая, к лешему, этика? Денег дайте — и все расскажет.

— Что ж, можно попробовать. Альберт Юрьевич жил замкнуто, но, возможно, с кем-то из соседей все же общался?

— Если верить Клавдии, то жил как сыч. Ни он ни к кому, ни к нему никто. Утром прогулка, после обеда сон, вечером телевизор, а перед сном опять прогулка. Железное расписание. Редкой занудой был наш Альберт, — хмыкнула она. — Я только диву давалась, как он от такой жизни не повесится, — она вновь махнула рукой. — А может, и правильно.

— Значит, своими намерениями он с вами не делился?

— Нет, и ни с кем другим тоже, можете быть уверены. Уж такой человек. А вас, значит, Вика наняла? — Она уставилась на меня и не отводила взгляд не меньше минуты. — И зачем, скажите на милость?

Я пожала плечами:

— Это очевидно. Виктория хочет знать, что заставило ее деда обратиться к детективу.

— А сама она к этому детективу обращаться не пробовала? — хмыкнула Анна. — Знать бы, что у нее на уме.

— Зачем? — спросила я, не отводя взгляда.

— Что? — нахмурилась она.

— Зачем вам знать?

Анна Ильинична в досаде махнула рукой, отвернувшись:

— Обычное любопытство. Зачем еще? Она ведь не думает, что дед... Он умер от сердечного приступа. Ведь никаких сомнений?

— Насколько мне известно, — кивнула я, подозрения ее отнюдь не рассеяв.

— Черт-те что...

— Спасибо вам за содержательную беседу, — сказала я, поднимаясь, Вадим тоже поднялся с заметным облегчением.

Анна Ильинична проводила нас до двери, буркнула «всего доброго».

— А мы ехать не хотели, — покидая подъезд, напомнила я Вадиму.
— Да, старушка смогла удивить.
— Как и домработница Зиновьева.
— Теперь придется проверять, что это за Ванька, — проворчал Вадим. — Похоже, бабка права, и подружку он порешил.
— Если все это не буйные фантазии одной из старушенций.
— Или обеих сразу, — кивнул Воин, достал мобильный и набрал номер.

С кем он говорил, я не знала, но, судя по всему, человек этот — один из его многочисленных знакомых в правоохранительных органах. Речь шла о матери Вики. Точнее, о ее безуспешных поисках.

Вадим убрал мобильный и кивнул мне:

— Завтра встретимся, смогу заглянуть в дело, заодно выясню, что это за Ванька такой. Домой? — спросил он, садясь в машину. — Успел истосковаться по стряпне Лионеллы. Она к тебе подобрела, кстати.

— Не заметила.

— Да ладно. Уже не зыркает и придирается реже. Помаленьку начинает видеть в тебе хозяйку. То ли к месту она привязана больше, чем к Джокеру, то ли знает что-то, чего не знаем мы.

Я хотела спросить, что он имеет в виду, но внезапно подумала: что, если Воин прав и Лионелле известно куда больше, чем нам? Откуда это ее ледяное спокойствие? Хотя она не из тех людей, кто демонстрирует свое горе...

Я покосилась на Вадима, он сосредоточенно смотрел на дорогу и вдруг выругался.

— Что? — спросила я.

— Похоже, нас пасут.

— Ты уверен? — глупый вопрос, и задавать его, разумеется, не стоило.

— «Шевроле» темно-синего цвета, — сказал Вадим, внимательно вглядываясь в зеркало. «Шевроле» я вскоре тоже заметила.

— Интересно, кому мы понадобились? — изумилась я.

— Можем узнать.

— Как?

— Самый простой способ — схватить этого типа за шиворот и выбить у него ответ вместе с зубами.

— Не уверена, что это хорошая идея. Давай не будем спешить и немного покатаемся.

Примерно полчаса мы кружили по городу, заехали в супермаркет, «Шевроле» следовал за нами, держась на расстоянии.

Пока мы были в магазине, «Шевроле» оставался на парковке. Но не успели мы выехать за ее пределы, как тут же последовал за нами.

Я набрала номер Димки и сказала:

— За нами «хвост», темно-синий «Шевроле».

И продиктовала номер. Очень скоро Димка перезвонил.

— Трегубов Матвей Сергеевич, есть адрес и мобильный. Пока все. Дальше искать?

— Пожалуй. Хотелось бы понять, что ему от нас надо.

В этот момент мы оказались перед светофором. Вадим вдруг резко развернулся, проехал назад и, поравнявшись с «Шевроле», притормозил, опустив стекло. Вспыхнул зеленый, машины сорвались с места, «Шевроле» с особой прытью. На мгновение я увидела лицо водителя, мужчины лет сорока пяти. Лицо испуганное.

«Шевроле» вскоре скрылся в потоке машин, попытки догнать нас не предпринимал.

— Странный тип, — буркнул Вадим, то и дело поглядывая в зеркало и следуя по направлению к «дому с чертями».

— Ты его напугал, — сказала я. — Интересно, чего он от нас хотел?

— Может, это кто-то из дружков того самого Ваньки? Узнал, что Вика обратилась к нам, и забеспокоился?

— Чего им беспокоиться, если Ваньки уже нет? Да и не похож он на бандита. В любом случае ты его здорово напугал. Вряд ли теперь он продолжит таскаться за нами.

— Вопрос: хорошо это или не очень? Ладно, мы знаем, где его найти, — махнул рукой Вадим.

Лионелла в тот день была щедра на кулинарные шедевры. Мужчины уплетали ее стряпню за обе щеки. Воин счастливо мычал и время от времени громко вопил, чтобы Лионелла слышала в кухне:

— Божественно... восхитительно... О прекрасная Лионелла, ты наполняешь мой желудок деликатесами, а жизнь смыслом!

— Не надоело тебе? — проворчал Димка, наблюдая за всем этим.

— Надо давать волю эмоциям, это продлевает жизнь, — хохотнул Вадим.

Покинув столовую, мы устроились в кабинете Бергмана, и Димка сказал:

— Ничего особенного я на Трегубова не накопал. У мужика своя фирма, торгует запчастями для грузовиков. Разведен. Дочь живет в Германии.

— Чудесно. Жаль, что не дает ответа на вопрос, какого хрена он за

нами увязался.

Димка пожал плечами, а я вдруг произнесла:

— Надо его найти, — сама удивляясь этому внезапному порыву. Хотя вовсе не внезапному, конечно, я думала об этом все время и вдруг сказала сейчас, сидя в кабинете Бергмана. Может, это обстановка так подействовала? Пустое кресло передо мной? В любом случае замечание было маловразумительным, неудивительно, что мужчины меня не поняли.

— У нас есть адрес, — напомнил Вадим. — Можем прямо сейчас прокатиться...

Димка, взглянув исподлобья, спросил:

— Кого найти?

Вадим посмотрел на него и тут же перевел взгляд на меня. Оба ждали, я откашлялась и сказала:

— Клим. Или Черного Колдуна. Называйте как хотите.

— Отомстим за Джокера? — почему-то осторожно, точно сомневаясь, задал вопрос Димка.

— С удовольствием бы придушил эту сволочь, — сказал Вадим, — но, боюсь, он очень далеко отсюда. И найти его будет затруднительно. Даже нам. Особенно без Джокера.

— Ты прав, — кивнула я. — В том случае, если он уехал. А если он здесь? В этом городе?

Мужчины вновь переглянулись, а Воин, помедлив, спросил:

— Он звонил тебе?

— Нет. Он не пытался со мной связаться.

— Тогда с чего ты взяла, что он здесь?

— Вполне логичное предположение, если ему нужен не только Джокер.

Воин хохотнул и покачал головой, вроде бы в досаде.

— Детка, без Джокера мы ему не опасны. Кто мы без нашего почившего друга? Троица удачливых сыщиков. Со странными снами и смутными видениями. Можно махнуть на нас рукой и жить спокойно. Он появится в этом городе лишь в одном случае: ему нужна ты. Ты, а вовсе не наши жизни.

— Не так уж важно, что ему здесь нужно, — пожала плечами я. — Я хочу его найти.

— Отлично. И что дальше?

— У меня есть вопросы, и я намерена получить на них ответы.

— А потом я его шлепну, — кивнул Воин. — Как вам идея?

Оба выжидающе смотрели на меня.

— Для начала следует его найти.

Димка хмуро кивнул, Воин засмеялся. Но причину своей веселости выдавать не стал.

— С чего начнем? — спросил он через пару минут.

— Максимильян сказал, он назвался Климом не просто так, — заговорила я, понемногу собираясь с силами. — Это связано с его картой в колоде.

— Его карты в колоде нет, — напомнил Воин.

— Верно, но мы знаем, он — Туз пик.

— Ага, — кивнул Вадим. — Он ведь Черный Колдун.

— И при нашей встрече назвался Климом. Клим, Климент. Одно из значений имени Климент — виноградная лоза. В некоторых областях России пики называют «вини», от слова «виноград». Знак действительно похож на лист винограда. То есть имя он себе выбирал сознательно.

— Согласен, имя редкое, но найти человека по одному лишь имени... — Димка покачал головой, я продолжила:

— В гадании Туз пик — зловещий символ несчастья и всевозможных бед. Карта смерти...

— Не пойму, куда ты клонишь, — нахмурился Вадим.

— Если для него так важно имя... Скорее всего, и все остальное тоже.

— Кажется, до меня дошло! — воскликнул Воин. — Если следовать этой логике, его работа, так или иначе, будет связана со смертью.

— Да. Хотя второе значение имени Климент — милостивый. Но смерть тоже может быть милостью.

— Какие профессии связаны со смертью? — начал рассуждать Димка. — Гробовщик, патологоанатом. Что еще?

— Кладбищенский сторож, — отозвался Вадим. — Священник, они покойников отпевают. Я бы еще анестезиологов проверил. Наркоз — это не просто сон, это, можно сказать, репетиция смерти. Некоторые по ту сторону так и остаются.

— Смысл понятен, — кивнул Димка. — Любой сотрудник морга или работник на кладбище. Священники, судмедэксперты и, так и быть, анестезиологи. Мужчин подходящего возраста среди них в городе не так уж и много. Лена его видела и по фотографии сможет узнать. Если он действительно здесь и все обстоит именно так, как мы думаем, я справлюсь очень быстро. А если он оставил себе имя Клим, работы вообще на несколько часов. А вы спокойно продолжите отрабатывать деньги Вики Кудрявцевой.

— Мы так и не решили главного, — заметил Вадим. — Что мы

сделаем, когда его найдем?

— Я ведь уже сказала: хочу задать ему вопросы.

— Отлично. Допустим, он на них ответит. Что потом?

— Зависит от ответов.

Вадим хохотнул и покачал головой, как будто очень сомневался в правоте моих слов. Димка хмурился.

— Мы его еще не нашли, — сказал он. — Найдем, тогда и решим.

— Вы, оба! Хочу, чтоб вы знали: я убью его независимо от этих самых ответов! В память о моем друге Джокере! Сомневаюсь, что вы мне сможете помешать.

— А я и не собираюсь, — сказал Димка, и оба посмотрели на меня.

— Надеюсь, вы помните: убийство — уголовно наказуемое преступление.

— Ага, — хмыкнул Воин. — И кто ответил за Джокера? Ладно, давайте для начала его найдем. Вряд ли он еще здесь. Лично у меня вся надежда на то, что он свяжется с нашей девушкой. А она, само собой, не забудет нам об этом рассказать.

Голос Вадима, когда он произносил эти слова, звучал ровно, без намека на недоверие или насмешку, но я все равно почувствовала угрозу.

Поздно вечером, когда мы разошлись по своим комнатам, я долго сидела возле окна, не включая свет, прислушиваясь к тишине дома.

«Без Максимилиана дом превращается в склеп», — в отчаянии подумала я.

Я отправилась на кухню, чтобы выпить воды, по дороге назад задержалась возле кабинета Бергмана. Вошла после минутного колебания и, не включая свет, села за стол. Все еще сомневаясь, правильно ли поступаю, я достала шкатулку с колодой карт, открыла. Моя карта лежала сверху. Дама червей с моим лицом. Я сделала глубокий вздох и коснулась ее, не уверенная, что действительно хочу этого. Пальцы словно обожгло огнем.

— Глупости, — напомнила я себе. — Это просто кусок картона.

Пальцы переместились к лицу дамы, и мир вокруг вдруг пришел в движение, стремительно меняясь, пропорции нарушались, острые углы выпирали, а стены начали заваливаться, обрушиваясь во тьму. Вспыхнул яркий свет, он бил в глаза. Испуганно отдернув руку, я захлопнула крышку. Я слышала свое дыхание, громкое, прерывистое, а мир вокруг постепенно возвращался в нормальное состояние. Я злилась, не находя всему этому объяснения. Злилась и боялась. И очень хотела взять в руки карту. Вспомнить то, чего, скорее всего, не было. Или все-таки было? В другой

жизни, в другом мире.

Убрав шкатулку в ящик стола, я торопливо покинула кабинет, сомневаясь, что смогу сопротивляться искушению.

Оказавшись в своей комнате, легла в постель, надеясь, что скоро усну и избавлюсь от навязчивых мыслей. Должно быть, я действительно быстро уснула, а открыла глаза от яркого света.

Арена... Песок, залитый кровью. Я бегу, сжимая в руке короткий меч, в ярости кричу, но мой крик тонет в реве толпы, которая беснуется на трибунах. Я вижу его в полусотне метров впереди. Доспехи залиты кровью, он хохочет точно сумасшедший. Он не боится смерти. Я знаю. Я тоже ее не боюсь. Рядом с ним я ничего не боюсь. Но смех его прерывается, потому что он видит меня.

— Твое место на трибуне, — говорит он. — Незабываемое зрелище обеспечу я.

— Не сомневаюсь, — говорю я и, подходя вплотную, шепчу: — Я с тобой. Сейчас и всегда.

Он кивает в ответ:

— На том свете и на этом.

— Умрем красиво, — слышу я насмешливый голос сзади и оборачиваюсь, вздрогнув от неожиданности.

Черные доспехи, черный плащ, который он, сорвав, бросает на песок. Глаза сквозь прорези шлема смотрят зло. И теперь я говорю:

— Уходи, твое место на трибуне.

— Похоже, мы не сошлись во мнении, милая, как не сходились никогда, — отвечает он насмешливо.

— Пожалуй, девчонке еще рано умирать, — говорит мой возлюбленный. — А значит, и я подожду.

И бросается в атаку. Я бегу за ним и слышу голос, еще минуту назад насмешливый, теперь он привычно отдает приказ:

— Спина к спине...

Лязг железа, крики, кровь стучит в висках...

Я резко вскинула голову, хватая ртом воздух и пытаюсь понять: это я кричала или крик был лишь во сне? Тишина. Комната тонет в темноте, предметы постепенно проступают сквозь нее, возвращая меня к реальности.

— Господи, — пробормотала я, качая головой.

— Дурной сон? — Вопрос заставил испуганно замереть.

Я так хорошо знала этот голос, я только что слышала его во сне, и тут же явилось сомнение: я все еще сплю? Сон во сне? Такое бывает?

Вадим поднялся с кресла и спросил:

— Принести воды?

— Что ты здесь делаешь? — сердито спросила я, наконец-то убедившись, что не сплю.

— Ты кричала. Я прибежал тебя спасать. А ты спишь. Пока я решал, стоит тебя будить или нет, ты сама проснулась.

— Что, очень громко орала?

— Димка не примчался, значит, не очень. Или слух у него хуже моего. Так принести воды?

— Не надо.

Я спустила ноги на пол, натянув одеяло на плечи.

— Кошмары? — спросил Вадим и коснулся рукой моих волос, точно хотел погладить, но потом передумал.

— Ужасная чушь.

— Мы сражались со всем миром, стоя спина к спине? — хмыкнул он. Я удивилась:

— Откуда ты знаешь?

— Я слышал, что ты кричала, — пожал плечами он, сделав ударение на слове «что». — А так как сон мне хорошо знаком, догадаться нетрудно.

— Ты сказал... Ты помнишь мою смерть... — тихо начала я, неуверенная, что поступаю правильно, задавая этот вопрос. — Это случилось там, на арене?

— Нет, — со смешком покачал головой он. — Но зрелище вышло незабываемое. Лучший воин империи, лучший наемник — и ты... Командир имперской гвардии против собственных гвардейцев. Твой друг Поэт, должно быть, хорошо знал тебя. И не сомневался, что ты не останешься на трибуне наблюдать за гибелью своего любовника. Вот и явился в цирк с верными людьми. Они обеспечили наш отход, а головы тех, кто не смог уйти, украсили ворота цирка.

— Воин в черных доспехах, кто он?

— Лучший воин империи, — хмыкнул Вадим. — Его звали Климент. Имя наемника — Логан. Логан Владыка Запада. Немного высокопарно, но в духе того времени, он и вправду оттяпал три западные провинции, простой наемник стал равен Императору. По крайней мере, он считал именно так. Имя твоего друга затерялось в веках, он навсегда остался Поэтом.

— Ты веришь, что это когда-то происходило?

— Со мной? Безусловно. Но, думаю, в учебниках истории нас искать бесполезно. Джокер всегда говорил: мир не один, их множество. Вся

прелесть в том, что никто из нас понятия не имеет, кто есть кто. Разумеется, тебя это не касается. Оттого так много зависит от Девушки. Вот такой расклад, — усмехнулся он. — Девушка и четверо мужчин.

— Четверо?

— Да, если считать Черного Колдуна. Лучший друг, возлюбленный, злейший враг... Злейший враг, который, кстати, наплевав на все, в том числе и на собственную жизнь, кинулся на арену следом за тобой. Ну и тот, за кем мы носимся по жизням. Поэт видел во сне, что Черный Колдун выпил любовный напиток, приготовленный для тебя. Малость перемудрил и все бездарно перепутал. Оттого с таким отчаянным рвением пытался до тебя добраться. Но Джокер считал, что все это чушь. Такие, как он, ничего не путают. Все, чего он хотел, это власть. Как всегда, банально...

— Расскажи мне свою историю, — попросила я.

— У меня нет моей истории, — засмеялся Воин. — Я не знаю, чьи сны вижу. Джокер, похоже, знал, но не спешил своими знаниями делиться. Считал, ты во всем разберешься. Девушка — вот разгадка.

— Клим сказал, это чушь, на самом деле ничего я не решаю.

— Если так, то... скверно.

— Хорошо, расскажи мне нашу историю.

— Почему бы тебе не взять в руки свою карту и не узнать самой? — весело осведомился он.

— Не хочу.

— Боишься поверить?

— Может быть. Ты брал свою карту, и кем себя видел?

— Логаном. В основном. Иногда кем-то другим.

— Но... если твоя карта Король крестей, а это так, раз у короля твое лицо, значит, ты должен видеть, что происходит с тобой. То есть ты Логан. Разве нет?

— Логика гроша ломаного не стоит, когда имеешь дело с магией. Черный Колдун — величайший маг, а лица — те же маски, и возникает вопрос: что они скрывают? Мы видим свои воспоминания? Или чужие?

— Я бы пошла дальше и спросила: а это точно воспоминания?

Вадим пожал плечами, не желая спорить. Наклонился и поднял с пола бутылку виски, продемонстрировал ее мне, а также два стакана, которые стояли рядом, пояснив:

— Прихватил на всякий случай. Я Воин, — разливая виски по стаканам, продолжал он. — И точно знаю, что Поэт из меня никудышный, но иногда я бываю им. Черным Колдуном, кстати, тоже. С Димкой похожая история.

Он протянул мне стакан.

— У него есть имя? — спросила я.

— У Черного Колдуна? Наверное, было. Мы за ним гоняемся хренову кучу времени. Или он за нами. Однажды я видел его в эсэсовской форме. Выходит, и тогда мы встречались.

— В эсэсовской? А кем был ты?

— Я даже сам до конца не понял. Но хотел его шлепнуть. Ходил за ним с гранатой за пазухой, похоже, сам на ней и подорвался.

— Что так?

— Не хотелось опять в застенки. В своих снах я торчу там безвылазно. Не Воин, а какой-то узник замка Ив. До сих пор тошнота наворачивается, когда вспоминаю клетку, из которой ты меня, кстати, вытащила. Или не меня, а кого-то другого. Но тошнота наворачивается у меня.

— Клетку я помню. Маленькая девочка приносила узнику хлеб. Ее за это наказывали, а она все равно приносила.

— А потом украла ключи и выпустила Логана на волю. Не будь она принцессой, не сносить бы ей головы.

— А что Климент? — неуверенно спросила я.

— У парня были амбиции. Думаю, он хотел быть не просто лучшим воином Империи. Ты была ему обещана. Еще один шаг к трону.

Вадим налил себе виски, я с готовностью подставила стакан, сделала глоток.

— Они любили друг друга?

— Тебе лучше знать, — хохотнул Воин. — Он-то, понятное дело, любил. Оттого башню и снесло.

— Они любили друг друга, но Девушка, в которую превратилась девочка, встретила Логана.

Я упорно отказывалась признавать, что вся эта история в жанре фэнтези имеет ко мне какое-то отношение.

— Император был ее дядей, он не имел наследников, что создавало весьма непростую ситуацию. Девушку воспитывали воином, она стала командовать гвардией. Звание скорее почетное, но Девушка в самом деле была недурна в бою. Логан шел с запада, и Климент отправился вразумить парня, который вконец обнаглел. Девушка поехала с ним. Наверное, они не хотели расставаться. В любом случае это была судьба. Климент начал с переговоров. Девушка и здесь напросилась с ним. Так они и встретились. Она без труда узнала бывшего пленника, он с трудом, но узнал ее, когда она назвала имя. В ту же ночь он пробрался в ее палатку. Климент в это время был занят предстоящей битвой и понятия не имел, что происходит по

соседству.

— Она его бросила?

— Все не так просто. Логан — враг, Девушка не могла просто взять и уйти с ним. Они встречались. Тайно. Климент, само собой, быстро понял, что Девушка уже не принадлежит ему. Оставался вопрос: кто его счастливый соперник?

— И он узнал?

— Да. Следил за ней и застукал влюбленных... Логану чудом удалось уйти.

— И Климент стал ее злейшим врагом?

— Само собой. Однако он не заявил о ее предательстве. Мало того, убил воинов, которые были с ним и видели Логана. Чтобы ни одна живая душа не узнала. А ей пообещали, что труп ее любовника будет висеть на воротах. В конце концов ему удалось заманить Логана в ловушку.

— И тот оказался на арене?

— Точно. Народ должен был насладиться зрелищем... Такая смерть ему нравилась — погибнуть с оружием в руках на глазах своей возлюбленной...

— Но она решила иначе?

— Да, она решила погибнуть рядом с ним. А Климент, поняв, в чем дело, бросился ее спасать.

— И они вырвались из цирка?

— Да. Благодаря Поэту и его друзьям покинули город и отправились в горы. Климент тоже, куда ему было деваться после того, что он сделал? За ними, само собой, снарядили погоню. Солдат вел Черный Колдун под видом одного из офицеров. Ему нужна была Девушка. В ее жилах текла кровь Императора, а престол надо ведь не только захватить, но еще и удержать. Климент всегда был его основным противником. С него он и решил начать. Его стрела способна была преодолеть любое расстояние и пробить любой доспех. Но Девушка ее почувствовала и закрыла Климента собой. Вернула долг, как она сказала. И Колдун уже ничего не смог с этим поделать. Она умирала, и даже он не в силах был ее вернуть. Беглецы укрылись в пещере, и вот тогда Климент сказал: «Я пойду за тобой, где бы ты ни была». А Девушка... Девушка взяла с них клятву, что они остановят Черного Колдуна, потому что, дорвись он до власти... В общем, мир погрузился бы в бездну зла. Поэт тут же выдал слова клятвы, что-то вроде: кровью клянусь найти его, где бы он ни был, в этом мире или в прочих... Короче, накаркал. Кровь их смешалась в последнем рукопожатии... И все четверо почувствовали присутствие кого-то еще...

— Черного Колдуна?

— Люди дают и более идиотские клятвы, но далеко не все шастают по мирам с намерением выполнить их во что бы то ни стало.

— Желание четверых отомстить ему понятно. Но ему-то что в пещере понадобилось?

— А любовный напиток, который Колдун влил в себя по ошибке или добровольно? Вот и приложил к их дурацкой клятве свое не менее дурацкое заклятие. Это была единственная возможность встретиться еще раз.

— И что дальше?

— Они приняли бой и погибли. Последним был Логан. Смог доползти до своей возлюбленной и умер, сжимая ее ладонь. По-моему, красивый конец. Если это был конец. Хрен знает, что случилось дальше и как их телами распорядился Колдун.

— И ты серьезно в это веришь? — помедлив, спросила я.

Вадим хохотнул и пожал плечами. Мол, а как же? Это разозлило.

— Значит, мы несколько веков бегаем за этим типом... Надо полагать, без особого толку. Он всегда побеждает?

— Джокер говорит, все не так просто... Мир в движении и постоянно меняется. И мир, и мы, и жизнь вокруг. Но память о своем прошлом мы теряем, и если бы не карты, остались бы лишь странные сны. Джокер считал, карты создал Черный Колдун, чтобы найти нас в мирах. Но, видно, плохо за ними приглядывал, и они оказались у Джокера.

— Но если все так запутано, Клим может оказаться тем самым Климентом! Настоящим! А Колдун, возможно, и сам уже не знает, кто он!

Вадим вновь засмеялся.

— Колдун-то знает. В отличие от нас, он маг и волшебник.

— А ты не думал, что им мог быть Максимилиан? — резко спросила я. — Он куда больше подходит на эту роль.

— Тебе видней, — помедлив, проворчал Воин и сделал еще пару глотков.

— Ясно, что Клина и Бергмана что-то связывает, — продолжала я. — Какая-то старая вражда.

Воин слушал, усмехаясь, я начала злиться и вместе с тем чувствовала какую-то странную растерянность, точно сама ни на мгновение не верила в то, что говорю.

— Я намерена все это выяснить...

— А я намерен его шлепнуть, — кивнул Волошин, поднимаясь, и направился к двери, держа в одной руке бутылку, а в другой стакан. — О

чем уже говорил. Сделай милость, если этот тип все же объявится... Не стоит встречаться с ним за нашей спиной.

Дверь закрылась, и я еще некоторое время сидела не шелохнувшись. Хочу я того или нет, а история, похоже, повторяется. Настоящая или вымышленная — уже не важно. Клим говорил о моей страсти к предательству. Но разве в таких обстоятельствах есть выбор? По крайней мере, правильный выбор?

— Клим еще надо найти, — пробормотала я, выходя из ступора, поставила стакан на тумбочку и легла.

Завтракали мы вдвоем с Димкой. Вадим уехал до того, как мы проснулись. Буркнув «привет», Димка уткнулся в тарелку. Лионелла удалилась, а я пыталась угадать причину скверного настроения Поэта.

— Он за тебя взялся всерьез, да? — вдруг спросил он, поднимая голову.

— О чем ты?

— Видел, как Воин выходил от тебя ночью.

— Мог бы тоже заглянуть, если уж не спал.

— Серьезно? Судя по его грустной роже, ему ничего не обломилось, — нерешительно предположил он.

— Вадим приходил не за этим... — Я сложила руки на груди и попросила: — Расскажи мне свои сны.

— Вы что, с Воином сны обсуждали? — не поверил он. — Ты же все это терпеть не можешь.

— Он рассказал мне историю, которую считает нашей.

— А ты так не считаешь?

— Разумеется, нет.

Мой ответ вызвал у него раздражение, а еще обиду. Это удивило.

— Воина Бергман нашел в психушке. Но ты-то человек здравомыслящий.

— С чего ты взяла? — огорошил он. — То есть — да, конечно, я здравомыслящий человек. Который отлично понимает: как бы далеко ни шагнула наука, мы и малой толики не знаем... Почему я не должен верить Джокеру? Только потому, что он знает куда больше, чем я?

— Зря я завела этот разговор, — вздохнула я в досаде. — И все же... Если мы найдем этого типа, обещаю, что не позволю Воину сделать глупость.

— Что ты называешь глупостью?

— Убийство человека. На том основании, что он Колдун из сказки.

— А то, что он убил Бергмана, основанием не является?

— Тогда нам следует доказать его виновность и отправить в тюрьму. Димка усмехнулся, но злость оставила его, а вот сомнения были.

— Я не знаю, как поступить, — подумав, сказал он. — У меня такое чувство... Дело не в Уголовном кодексе... Почему на самом деле ты хочешь его спасти?

— Спасти? — Я усмехнулась. — Если верить всей этой сказочной чепухе, спасать придется нас.

Мои слова вызвали у него печаль, и он сказал, кивнув:

— Да, без Джокера будет нелегко.

Вадим вернулся ближе к обеду и собрал нас в кабинете Бергмана.

— Старушенция оказалась права, — начал он. — У матери Вики был школьный друг, некто Шапкин Иван Николаевич, лидер местной ОПГ, погиб от рук конкурентов три года назад. Взорвали в собственной машине. Теперь что касается отца Вики. Он покончил жизнь самоубийством, и поводов лезть в петлю у него было предостаточно. Прежде всего долги. Задолжал он немало, и людям серьезным. Боюсь, продажей квартиры тут бы не обошлось. С Ниной в тот момент отношения тоже были ни к черту. После того как Зиновьев отказался продать квартиру, Кудрявцев жену поколотил. И она уехала к отцу в Мальцево. Оставшись в одиночестве, Кудрявцев выпил бутылку водочки... Очень опасная доза, скажу я вам. Руки-ноги еще действуют, а мир вокруг — уже кривое зеркало. Радость безгранична, а горе бесконечно. Самое то — в петлю лезть, что он и сделал. Вернувшаяся Нина обнаружила его холодный труп. Если верить документам, никаких сомнений, что это самоубийство, не возникло. Но... — Тут Вадим сделал паузу. — Особо никто этим делом заниматься и не собирался. У вдовы подозрений не возникло, и у матери Кудрявцева поначалу тоже. В полиции поспешили тему закрыть, но вскоре мать Кудрявцева явилась в полицию с требованием расследовать обстоятельства его гибели. Оказывается, соседи видели в тот день подозрительных личностей в подъезде, один из которых вроде бы похож на Шапкина. Однако никто этим делом заниматься не стал. Возможно, по лености, хотя и указания сверху мой знакомый не исключает. Учитывая, что у Зиновьева были кое-какие связи, мог и подсуетиться.

— То есть вполне вероятно, что Кудрявцев был убит? — спросила я.

— Вполне. И сделал это действительно Шапкин. По собственной инициативе или с подачи Зиновьева. Но Нина точно в этом не участвовала, иначе ее претензии к отцу начисто лишены смысла. После ссоры со свекровью, которая обвинила их семейство в убийстве сына, Нина едет к отцу выяснять отношения. И в тот же вечер исчезает. Возможно, Зиновьев

подозревал Шапкина, однако, если наша бабка ничего не путает, а я уверен, что это так, Зиновьев с Шапкиным встречались. Тот приезжал к нему в Мальцево. Вопрос — зачем? Если он избавился от Нины как от опасного свидетеля, скорее всего, к старику явился с угрозами — чтобы сидел тихо и ментов не беспокоил.

— По-моему, вполне логично, — подал голос Димка.

— Логично, — кивнул Вадим. — А что, если Шапкин к исчезновению Нины непричастен? Напротив, пытался ее найти и с этой целью приезжал к старику?

Димка пожал плечами, я сказала:

— Первая версия кажется более вероятной. Шапкин решил спасти любимую женщину от негодяя мужа и, будучи бандитом, метод выбрал самый бандитский — убийство. Но ничего от этого не выгадал. Нина оплакивает мужа и обвиняет в его смерти своего отца. Могла и Шапкину пригрозить полицией. Зиновьев позвонил ему после разговора с дочерью, и Шапкин рванул в Мальцево, перехватил Нину, они поссорились, и он ее убил.

— Никаких звонков в тот вечер не было. Менты Шапкина проверили. После ее исчезновения обратили внимание на дружбу с бандитом, а учитывая недавнюю смерть мужа... В общем, он стал подозреваемым номер один.

— И? — спросила я.

— У парня алиби. Конечно, об алиби он мог позаботиться, но... В эту версию не вписывается наш вчерашний приятель, который висел у нас на хвосте. Допустим, Шапкин убил Нину и через три года погиб сам. Тема, как говорится, закрыта. Кого в этом случае заинтересует старая история и те, кто пытается в ней разобраться? А вот если Шапкин не виноват в гибели Нины и сделал это кто-то другой...

— Тогда наше вмешательство весьма некстати, — кивнул Димка. — Что будем делать?

— Наведаюсь к господину Трегубову и узнаю, чем ему вчера так приглянулась моя тачка.

— Может, для начала понаблюдать за ним?

— Иногда проще спросить, — усмехнулся Вадим. — Отправлюсь прямо сейчас.

— Я с тобой, — сказала я, памятуя наставления Джокера следить за тем, чтобы Воин не особо увлекался. Такое за ним, к сожалению, водилось. Димка едва заметно кивнул.

— Всегда рад твоей компании, милая, — хмыкнул Вадим и направился

к двери. — Чего это Поэт смурной? — спросил он, когда мы садились в машину. — Ревнует?

— Не лезь не в свое дело, ладно? — вежливо попросила я.

Волошин вновь хмыкнул, однако замолчал.

Застать Трегубова в такое время дома было маловероятно, и мы поехали к нему на работу. Магазин запчастей находился в промзоне, в бывшем заводском корпусе, первый этаж которого сдавали в аренду.

Мы вошли в небольшое помещение, за прилавком мужчина в клетчатой рубашке сверял что-то по компьютеру. Я его сразу узнала, а он узнал нас. И наш визит ему не понравился. В первый момент он улыбнулся, надеясь обрести покупателей, но выражение лица начало стремительно меняться: испуг, растерянность, а потом и легкая паника. Трегубов попятился, должно быть, рассчитывая скрыться в подсобке, но Воин куда раньше оказался возле прилавка, сгреб Трегубова за шиворот и ткнул лицом в деревянную столешницу.

— Ты что, спятил?! — взвизгнул Матвей Сергеевич.

На его вопль из подсобки появились двое мужчин помоложе и в некотором недоумении уставились на Вадима, теряясь в догадках, что происходит.

— Давайте-ка поспокойнее, — предупредил Вадим. — Не то я ему шею сверну.

— Отпусти его, — сказал один из мужчин. — Иначе полицию вызовем.

— Я бы не торопился... — Воин наклонился к Трегубову и спросил: — Полицию вызывать? Или сами разберемся?

— Сами, — прохрипел Матвей Сергеевич.

— Ну вот и отлично.

Воин отпустил его, тот выпрямился и помассировал шею. Страх его оставил. Я чувствовала лишь беспокойство и досаду. Мужчины рядом продолжали гадать, что происходит. Клиент слегка спятил и пришел качать права? Мое присутствие сбивало с толку — качать права вместе с девушкой обычно не ходят.

— Поговорим? — предложил Вадим. — На всякий случай: если решишь удрать, найду я тебя довольно быстро, но в следующий раз для начала ноги сломаю.

— Да пошел ты... — пробормотал Трегубов и направился к выходу. Мы за ним. Мужчины, переглянувшись, остались в магазине.

Оказавшись на улице, Трегубов повернулся и спросил:

— Куда?

— В машине поговорим, — Вадим кивком указал на свой джип.
Мы сели в машину — я впереди, они сзади.
— Ну? — поворачиваясь к Трегубову, произнес Вадим.
— Что «ну»? — проворчал тот.
— Рассказывай, какая у тебя в нас нужда?
— Никакой.
— И за нами ты просто так катался?
— Вас девчонка наняла, да?
— Предположим. Только вопросы здесь буду задавать я, — пророкотал Воин. — Ты Вику имеешь в виду?
— Вику, — проворчал Трегубов.
— Продолжай, продолжай.
— Она наследство получила, получит... Дед у нее умер. У него с деньгами был порядок.
— И что тебе за дело до ее наследства?
— Мне ее отец должен. Между прочим, триста штук. А за эти годы знаешь сколько процентов набежало? Уже под миллион. Почему бы девчонке мне его не отдать?
— Ты с ней на эту тему разговаривал?
— Ну да, вчера.
— И что ответила Вика?
— Спросила, есть ли расписка.
— Она есть?
— Нет, — зло ответил он. — Но ее мамаша прекрасно о долге знала. И девчонка тоже наверняка знает, просто прикидывается.
— Выходит, ты был знаком с ее отцом?
— Ага. Повезло в жизни. На самом деле он был нормальным парнем, — помедлив, продолжил Трегубов куда спокойнее. — Мы с детства дружили, помогали друг другу. А потом он стал играть — и все... Другой человек. Наделал долгов, ко мне явился, просил помочь. Сказал, убьют его, если деньги не отдаст. Ну, я дал, конечно. Куда деваться? Хотя и подозревал: плакали мои денежки. Так и вышло. Все завтраками кормил. Потом я узнал, он у кого только не занимал. Дураки вроде меня давали. А потом и вовсе удавился. Я с Ниной пробовал поговорить... После похорон. Но денег у нее не было. Папаша помогать отказался, да и в таком состоянии она была... Короче, простился я со своими денежками. А теперь узнал, что старик умер. У него один дом в Мальцеве стоит целое состояние. Зачем он Вике? Ясное дело, будет продавать. Почему бы не отдать долг старому другу, который отца выручил, а сейчас и сам находится в трудном

положении? С бизнесом в стране беда, народ на глазах нищает, налогами давят... В общем, мне бы эти деньги оченьгодились.

— Но Вика в долг отца на слово не поверила?

— Я что, должен был с друга расписку брать? Мне чужого не нужно. И даже проценты бы требовать не стал. Но ведь инфляция, и ясно, что триста тысяч тогда и сейчас — большая разница. А этой сучке, простите, не хочется по долгам платить. Вот и помогай людям после этого. Она вас наняла, чтоб у меня охоту отбить долги требовать?

— Она о тебе даже не упомянула.

— Ага, и сразу после разговора со мной полетела с вами встречаться. Я ж за ней приглядеть решил.

— А потом и за нами?

— Ну... Хотел узнать, кто такие.

— Узнал?

— Не успел, — проворчал Трегубов.

— Я тебе помогу. Мы частные сыщики, и сейчас нас интересует исчезнувшая мать Вики.

— Девчонка вас наняла, чтобы мать найти? — с недоверием спросил он.

— Типа того.

— С башкой у нее, должно быть, проблемы. Нина исчезла шесть лет назад. Небось уже и кости сгнили.

— Ты уверен, что ее убили?

— Ни в чем я не уверен. Но чтобы вот так исчезнуть, ребенка бросив... Нина нормальная баба, дураку ясно, не сбежала она, а лежит где-то в сырой земле. Или еще в каком месте. Болтали, у нее в друзьях какой-то бандит был... С ними дружбу водить опасно.

— А что болтали про самоубийство твоего друга? — задал вопрос Вадим.

— Что болтали... — пожал плечами он. — Дошел до ручки. Долгов тьма, в семье разлад...

— И никаких разговоров, что это не самоубийство?

Трегубов уставился на Вадима, в буре эмоций преобладало сомнение.

— Вы что, хотите сказать, его того... Черт, из-за денег? Но ведь это глупо! С покойника деньги точно не возьмешь.

— То есть подобных разговоров ты не слышал?

— Ну... Болтали про Шапкина, того самого бандита, что у Нины ходил в друзьях. Вроде в школе вместе учились. Я еще подумал — моего дружка не тронут, побоятся связываться... Неужто Нинка, а? Решила от мужа

избавиться? Стерва... Могла бы развестись. Вот и верь бабам после этого! С виду вся такая порядочная. Я ее всегда жалел.

Вадим слушал Трегубова и только что не зевал.

— Вернемся к Вике, — сказал он, теряя терпение. — Ты поговорил с ней, она тебе отказала...

— И я поехал за ней, хотел посмотреть, что она будет делать. Ну а когда вас увидел, решил узнать, кто такие. А когда ты мне навстречу выскочил, понял: вы меня засекли. Ну и уехал.

— А чего сегодня испугался, когда нас увидел?

— Неприятностей не ищу. А у тебя рожа, не в обиду будет сказано, такая, что сразу ясно: неприятности мигом обеспечишь.

— Вообще-то я парень покладистый.

— Я так и подумал. Насчет Вики можешь не беспокоиться. Пусть подавится этими деньгами, если совести нет.

— Вот это правильно. Зачем, в самом деле, меня беспокоить? Я это не люблю.

— Ну, я пошел тогда? — неуверенно спросил Трегубов.

— Иди, — вздохнул Вадим и пересел за руль, а Трегубов поспешно скрылся в магазине. — Ну вот, версия приказала долго жить. А между тем мне она нравилась. Шапкин убивает мужа Нины по собственной инициативе, и не один, а с подельниками. Не зря соседи видели двоих мужчин. Шапкин погиб, но его дружок жив-здоров и интерес к той истории не приветствует. Вот и помог старику скончаться, до смерти его напугав. А потом и детективу...

— Версия и сейчас вполне приемлемая, — заметила я. — Просто подельник Шапкина — не Трегубов. А кто-то другой. Хотя есть еще версия...

— Зиновьев с самого начала догадывался, кто убил дочь, но молчал, потому что сам зятя заказал? — ухмыльнулся Вадим. — И вполне обоснованно опасался шантажиста. Но какого хрена ему сыщик понадобился? Шапкин мертв... Может, Зиновьев надеялся разыскать место упокоения единственной дочери?

— Или Шапкин вообще ни при чем. И до недавнего времени у старика не было никаких догадок, куда исчезла дочь. А потом они вдруг появились.

— Звони Вике, — заведя машину, бросил Вадим.

— Хочешь поговорить о Трегубове?

— Наверное, надо. Как считаешь? Или долги ее папаши не наше дело? Я, честно сказать, вообще с трудом понимаю, что мы расследуем. Убийство ее матери? Но официально нет никакого убийства. Есть без вести

пропавшая женщина.

— По словам Вики, она просто хотела убедиться, что ей ничего не угрожает.

— Ага. Призрак матери бродит возле кустов, а в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо...

На этот раз мы встретились в Викиной квартире. Надо полагать, в той самой, которую в свое время отказался продавать Зиновьев. Тяжелая мебель вполне подходила под определение «антиквариат», ремонт здесь не делали лет тридцать.

— Что-то случилось? — испуганно спросила Вика еще в прихожей.

— Вы знаете человека по фамилии Трегубов? — задала вопрос я.

Она взглянула на меня исподлобья и ответила еле слышно:

— Друг отца, кажется. Вы откуда о нем узнали?

— Вчера после нашей встречи он следил за нами.

— За вами? Странно.

Она подошла к столу и встала за ним, точно ей требовалась какая-то преграда между нами.

— По словам Трегубова, он намеревался выяснить, кто мы такие.

— Вы его заметили, и... что?

— Задали несколько вопросов.

— Как думаете, мой отец действительно должен ему денег? Но ведь если нет расписки, все это незаконно и я не обязана платить?

— Не обязаны, — кивнул Вадим. Я отчетливо почувствовала его недовольство. Что-то его раздражало. То ли вопрос девушки, то ли она сама.

— Он мне угрожал. Сказал, что очень пожалею, если деньги не верну.

— В ближайшее время он вас вряд ли побеспокоит, — успокоил Вадим.

— Это из-за вас, да? Не думаю, что должна его бояться. Мама всегда говорила, что он хороший парень. Правда, недалекий. Вы узнаете, что случилось с мамой? — без перехода спросила она. Вадим криво усмехнулся, но через мгновение его лицо вновь стало внимательным и серьезным. Однако раздражение в нем только росло.

— Кажется, дорогая, вы ждали от нас совсем другого. Вы желали убедиться, что ваш дед умер своей смертью и толпы тайных врагов не рыщут вокруг его дома.

— Разве это не связано? — пряча глаза, пробормотала она. — Если... если деду кто-то желал зла, то разве не из-за того, что случилось с мамой?

— Вот уж не знаю, — проворчал Вадим. — Почему бы вам сразу не

сказать, чего вы от нас хотите? А не придумывать новые задания за те же деньги?

— Я заплачу, — сказала она испуганно.

Ее мучил страх, а еще сомнения. Я не понимала причину этого страха, то есть причин могло быть несколько.

— Давайте поговорим, — предложила я.

Вадим закатил глаза, девушка вздохнула.

— Итак, почему вы обратились к нам?

— Я боюсь. Разве не ясно? Дед как-то странно умер. Не болел — и вдруг ни с того ни с сего умер. Не такой уж он и старый. И... он какой-то другой был в последнее время. О маме он не любил говорить. Молчал, если я начинала расспрашивать. А тут сам заговорил. Позвонил, спросил, как мои дела. И вдруг говорит: «Как думаешь, что случилось с мамой?» А на следующий день умер.

— Что он еще сказал? — вмешался Вадим.

— Ничего особенного. Задал вопрос, я ответила: не знаю. И он замолчал. А потом тихо так говорит: «Боюсь, ее уже давно нет. Наверное, я виноват». Я хотела спросить, в чем виноват, но так растерялась... И молчала как дура. На следующий день позвонила ему. Трубку сняла домработница, дед был на прогулке. Он мобильный с собой никогда не брал. Он вообще мобильный не любил. Это я ему телефон подарила. Надо было к нему ехать. Сразу. А у меня работа, дела какие-то дурацкие... А ночью он умер. Папа покончил с собой, мама исчезла, дед умер как-то... внезапно. И детектив, которого он зачем-то нанял... Слишком много смертей. Вы ведь тоже так думаете? Я хочу знать, что случилось с моей мамой, с отцом и с дедом. И я готова заплатить вам сколько скажете. Я просто не смогу жить, если не разберусь во всем этом!

— Что ж, задание ясно, — вздохнул Вадим. — Отправляемся выполнять. Большая просьба: сообщайте нам о событиях вашей жизни, например, если вдруг появится очередной приятель отца, матери или деда.

— Вы злитесь, да? — спросила она жалобно.

— На клиентов не злятся, но счет увеличивают.

Квартиру Воин покидал стремительно, я за ним почти бежала.

— Что вдруг на тебя нашло? — спросила я, оказавшись с ним рядом.

— Терпеть не могу, когда мне морочат голову.

— Ее можно понять. Иногда в самом деле непросто разобраться в своих мотивах.

— Ага, женская солидарность поперла. Почему бы не сказать ей, что мать мертва и, возможно, покоится где-то возле кустов? А что? Если мы

там все перелопатим, авось да и узнаем, где мама время проводила.

— Как ты себе это представляешь? Перекопать пространство размером с приличное поле? И как мы свою затею объясним?

— Особенно если в самом деле труп найдем. Ладно, я малость перегнул палку, с кем не бывает...

— И что теперь?

— Работаем, милая. Пожалуй, придется возвращаться в Мальцево. Тем более что погода налаживается.

Димка на кухне пил чай с плюшками, уставившись в компьютер.

— Чем занят? — подходя к нему, спросил Вадим.

— Ищу Клима. Пока все грустно.

— Я же говорил, его давно нет в городе.

— У вас как дела? — не желая комментировать последнее утверждение, спросил Димка.

— Трегубов пытался отжать у девчонки деньги. Ее папаша задолжал ему.

— То есть нам он более не интересен?

— Похоже, что так. Мы с Девушкой едем в Мальцево. Искать полюбому надо там.

— Наше задание теперь звучит несколько иначе, — вздохнула я и рассказала о недавнем разговоре с Викой.

— Мы ведь с самого начала знали: все, так или иначе, связано с исчезновением ее матери, — заметил Димка философски, чем разозлил Воина.

— Серьезно? Лично я не знал. Ладно, собирай вещи, — кивнул он мне. — А я пока плюшек поем.

Плюшек я тоже поела, после того как собрала чемодан. Вадим уминал к тому моменту пятую по счету, заметно подобрев.

— Поехали с нами, — внезапно предложил он Димке. Тот едва не поперхнулся от неожиданности. — А что? — продолжил Воин. — Какая тебе разница, где паяться в компьютер?

— А как там со связью? — спросил Димка, предложение Вадима его отнюдь не обрадовало.

Вот тебе и ревнивый влюбленный! Впрочем, его замешательство было мне скорее на руку — грустно это сознавать, но я предпочитала, чтобы он остался здесь.

Вадим некоторое время стоял, разглядывая Димку и, судя по всему, не собираясь отвечать на его вопрос, а тот, по всей видимости, не ждал ответа. Оба злились, я это отчетливо чувствовала, просто не знала, к чему эту

злость отнести. Наконец Воин сквозь зубы чертыхнулся и поспешно скрылся за дверью, а Димка неуверенно спросил:

— Что с ним? Может, мне в самом деле с вами поехать?

— Пользы здесь от тебя куда больше, — заметила я, предлагая решать ему.

Он колебался. Не надо обладать особыми способностями, чтобы это понять, достаточно взглянуть на его физиономию.

— Ладно, пока, — сказала я.

Уверена, глядя мне вслед, он вздохнул с облегчением.

— Ты видела, я пытался спасти вашу любовь! — ни с того ни с сего сказал Воин по дороге в Мальцево. Чемоданы лежали в багажнике, и мы вновь изображали счастливую парочку.

— Лучше бы не лез, — ответила я. — И с чего ты взял, что нашу любовь нужно спасать?

— Джокер был тысячу раз прав: вы не подходите друг другу.

— Тем более спасать нечего, — проворчала я.

— Просвети меня по поводу этого парня, — с усмешкой сказал он. Но я чувствовала напряжение. Вопрос он задал серьезно, и ответ для него имел значение.

— Кого ты имеешь в виду? — Я решила повалять дурака.

— Туза пик. Нашего закадычного врага. Почему он решил тебе довериться?

— Он не доверился, он меня использовал. И убил Джокера. А я была душой, потому что не могла взять в толк, что один человек способен убить другого просто так, ни с того ни с сего.

— Ни с того ни с сего? — хохотнул Воин. — Вот уж насмешила. У нас же миссия!

— Ты знаешь мое отношение к рассказам Бергмана. По мне, так дурацкая игра зашла слишком далеко.

— Это не игра, — вздохнул Вадим. — Однако на вопрос ты не ответила.

— Я не знаю, почему он выбрал меня. А не тебя, к примеру.

— Ну... уложить меня в постель ему было бы затруднительно.

«Черт!» — я едва не выругалась вслух. И спросила:

— Бергман сказал?

— Значит, я прав, — вновь усмехнулся Вадим. Обида и злость мгновенно вспыхнули в нем, но он быстро успокоился. — Ты сейчас в моих мозгах копошишься или только в душе? — взглянув исподлобья, спросил он.

— Я не умею копошиться в мозгах.

— Правда? Джокер умел. Значит, ты спала с этим типом?

— Не хочу говорить об этом, — отрезала я.

— Меня сейчас волнует только одно: чью сторону ты примешь, если он появится?

— Я считала Максимильяна другом, а он его убил. Чью, по-твоему, сторону я приму?

Он вновь взглянул на меня, а потом кивнул. На этом разговор закончился, но я знала: Воин прав. Как он может доверять мне? Теперь его недавнее поведение выглядело иначе. Предложив свою любовь, он пытался тем самым занять место Клима. А когда не вышло, предпринял попытку помочь нам с Димкой вновь обрести друг друга. Звучит донельзя глупо, но, скорее всего, так.

Сама толком не зная, зачем я это делаю, я положила руку на его ладонь и сказала:

— Я с тобой.

Он молча кивнул, а где-то минут через пять неожиданно сказал:

— Теперь я то и дело думаю... А вдруг это действительно Джокер?

Вопрос вызвал у меня шок. Джокер — Черный Колдун? Заклятый враг? Именно это имеет в виду Воин? Я несколько раз говорила нечто подобное, так что удивляться вопросу не стоило. Но никогда всерьез эту мысль не воспринимала. Сказать по правде, я не воспринимала всерьез ничего из рассказов Бергмана. Наша миссия, другие жизни и кровавые клятвы... Господи, да на дворе двадцать первый век! Я не желала верить во все это, и Джокер погиб. Если бы я допустила возможность... Я бы как минимум была осторожней...

Воин ждал ответа, и я сказала:

— Если наш заклый враг погиб... Это ведь должно как-то повлиять... — Я и сама толком не знала, что имела в виду, но Вадим понял.

— Вот уж не знаю, — пробормотал он. — Похоже, раньше всегда доставалось нам. А если главный злодей погиб, солнце должно вспыхнуть с новой силой? А тучи рассеяться? Или особых перемен можно не ждать? Все это чушь! — заключил он резко. — Джокер — мой друг, и я не верю, что он строил козни за нашей спиной. Чушь, — повторил он.

Но чем больше он злился, тем яснее становилось: эта мысль не дает ему покоя. Хочешь отравить себе жизнь, задайся вопросом, кто из нас предатель, — с мрачной усмешкой решила я.

На лужайке перед гостиницей лежала надувная лодка, тут же весла и еще какие-то рыбацкие принадлежности. На веранде, сдвинув два стола,

человек семь мужчин пили пиво, довольно громко разговаривая. Мы поднялись на веранду под их любопытными взглядами.

— Здорово, мужики! — поприветствовал их Воин. — Хозяйка здесь?

На его голос появилась Софья. Мгновенное замешательство, недовольство, которое она поспешила скрыть, широко улыбнувшись.

— Вы? Не ждала, если честно.

— А мы вот решили вернуться. Номер для нас найдется?

И вновь замешательство, словно она не знала, что ответить.

— Конечно. Можете занять свой.

Я направилась вместе с ней к стойке регистрации, а Вадим вернулся за чемоданами. Через несколько минут он присоединился к нам, к тому моменту Софья заполнила бумаги, и я получила ключи.

— Народ появился, — кивнув в сторону веранды, сказал Вадим.

— Да, приехали сегодня, — ответила Софья. Она заметно успокоилась, но настороженность в ней по-прежнему ощущалась. Ей бы радоваться, что клиенты вернулись. «Может, все дело в Вадиме?» — озарило меня. Ее любовник приревновал к нему Софью. Звучит довольно неубедительно, но чего только не бывает? Мы являемся вновь, и теперь ей предстоит роль Дездемоны, невинной и оклеветанной.

Наверное, я увлеклась и чересчур пристально смотрела на женщину. Она вскинула голову и испуганно замерла.

— Спасибо, — сказала я, подбрасывая в руке ключи от номера. — Так рада, что мы снова здесь...

— Приезжайте почаще. — Она изобразила улыбку.

— Нам здесь не рады, — сказал Вадим, когда мы оказались в номере, и он плотно закрыл дверь.

— Я подумала, может, ты пришелся не по нраву ее дружку?

— Пожарному? Кто знает... Когда мы видели их вдвоем, парочка смотрелась кисло. Надеюсь, мы не превратим ее личную жизнь в руины, — хмыкнул он.

Я разобрала чемодан, приняла душ, и мы отправились на веранду. Хозяйка принесла нам пиво. Мужчины по соседству заговорили тише, то и дело поглядывая на меня.

— Твоя красота бьет наповал, — насмешливо шепнул Вадим, наклоняясь ко мне. — Что я говорил?

— Еще никто не упал, — усмехнулась я.

— Хочешь, организую? С самого утра тянет размяться.

— Начни бегать трусцой, — посоветовала я.

И тут заметила бинокль Пырева. Он стоял возле балюстрады со

стороны улицы. Заметить бинокль было не так просто, я подумала: Пырьев его здесь нарочно прячет? Чтобы был под рукой и не пришлось бегать за ним в номер? Или все-таки забывает? В прошлый раз он здорово разозлился, когда Вадим взял бинокль.

— Как Пырьев? Ушел на рыбалку? — спросила я проходящую мимо Софью.

— Уехал, — ответила она. — Сегодня рано утром, я еще спала.

— Вот как? — удивилась я. — Он вроде бы уезжать не собирался?

— Не знаю, что у него случилось.

Руки у нее дрожали, когда она собирала пустые бутылки, хотя внешне казалось спокойной. Но я чувствовала в ней напряжение, а еще тоску, которой вовсе не находила объяснения.

— Умчался ни свет ни заря, даже не знаю, на чем. Автобус так рано не приходит. Может, такси из города вызвал?

— Он хоть заплатил? — с сомнением спросил Вадим.

— Да у него вперед заплачено было. Вечером выглядел озабоченным. Может, правда какие-то проблемы? Вот и засобирался...

— Он бинокль забыл, — сообщила я, указывая на бинокль.

Софья повернулась и вдруг побледнела — я почувствовала ее страх, причем не просто страх, она была в панике. Однако справилась с собой.

— Точно, его бинокль. Надо бы позвонить ему, вдруг вещь дорогая?

— Он ведь, кажется, издалека приехал? — спросил Вадим.

— Ничего такого он не говорил, — ответила Софья, торопясь уйти.

— Позвонить ему, конечно, стоит, — сказала я.

— Что? — не поняла она.

— По поводу бинокля. Мужчины любят свои игрушки. У вас ведь есть его телефон?

Я зачем-то подмигнула, и Софья буквально бросилась прочь.

— Чудеса... — протянул Вадим, переходя на шепот. — Похоже, без нас тут что-то произошло.

— Пырьев совершенно точно не собирался уезжать.

— Ну... разные бывают обстоятельства. Как у тебя с предчувствием? — усмехнулся Вадим.

Я пожала плечами.

— А мое просто орет во все горло. Надо будет выяснить, откуда прибыл наш любопытный друг.

— Хочешь заглянуть в журнал регистрации?

— Ага.

— Сейчас это вряд ли получится.

— Дождемся ночи. А пока предлагаю прогуляться.

— Куда?

— На озеро. Само собой, для поддержания легенды.

На озере мы пробыли больше часа, Вадим искупался, мне вода показалась холодной. В ожидании, когда Воин немного обсохнет, я увлеченно собирала полевые цветы. Сплела венок и водрузила его на голову Вадима.

— Это знак большой любви? — усмехнулся он.

— Безграничной, — серьезно ответила я и засмеялась.

Он оделся, и мы пошли в сторону маяка. Затрудняюсь ответить, почему именно туда. Увидев маяк, я вновь почувствовала странное беспокойство. Торопливо шла, все увеличивая шаг, пока Вадим не спросил, с сомнением глядя на меня:

— Куда ты бежишь?

Остановившись, я взяла его за руку.

— Что-то с ним не так.

— С маяком? Хочешь, взломаю дверь, и посмотрим?..

Я не была уверена, что хочу там оказаться. Чувства он рождает самые противоречивые. Тревожные. Маяк словно притягивал, но вместе с тем приближаться к нему не хотелось. До него оставалась примерно сотня метров, когда я сказала Вадиму, который внимательно наблюдал за мной:

— Не хочу.

— Я бы все-таки взглянул.

— Не думаю, что выбивать дверь — хорошая идея.

Он продолжал идти вперед, и я безо всякой охоты последовала за ним. Калитка была открыта и чуть поскрипывала на ветру. Дверь никаких изменений не претерпела. Вадим пнул ее ногой — держалась она крепко.

— Пойдем отсюда, — попросила я, беспокойство во мне все росло, и только когда расстояние между нами и маяком заметно увеличилось, я вздохнула с облегчением.

Мы не спеша поднимались в гору, вдруг что-то привлекло внимание Вадима, и он сменил маршрут. Через минуту мы стояли на дне оврага, и я наконец поняла, что его заинтересовало. Свежий след от костра. Вадим, взяв палку, разбросал обгоревшие поленья и устроился на корточках.

— Рыбаки, наверное, — сказала я, не очень понимая, что он ищет. Воин продемонстрировал мне клочок ткани.

— Рыбакам здесь делать нечего, — произнес задумчиво. — И до озера, и до реки слишком далеко. А вот чтобы сжечь что-нибудь, место идеальное. Костер из села не увидишь. Даже случайные прохожие вряд ли обратят

внимание. А полыхало — будь здоров.

— Что сжечь? — нахмурилась я, разглядывая клочок ткани в его руках.

— Какой-нибудь хлам. Или улики.

— Тебе эта тряпка что-то напоминает? — насторожилась я.

— Ровным счетом ничего, — покачал головой Вадим и продолжил разгребать угли. Не обнаружив более чего-либо заслуживающего внимания, он отбросил палку в сторону. — Костер жгли ночью или рано утром.

— Может, ты все-таки скажешь, что имеешь в виду? — не выдержала я.

— Сам не знаю. Тебе маяк не приглянулся, а мне — этот костер. Пойдем.

Мы выбрались из оврага и вот тогда заметили машину. Она направлялась в сторону реки. Дороги там точно не было. Вадим проводил ее взглядом и нахмурился. Машина к тому моменту скрылась за перелеском. Не говоря ни слова, Воин продолжил путь, но то и дело оглядывался.

— Машина тебе тоже не нравится? — подала голос я.

— Интересно, куда она вдруг исчезла?

— Люди поехали на речку, — пожала плечами я.

— И где ты видишь машину?

Он был прав — если бы машина направлялась туда, мы бы ее не просмотрели.

— Где она? — нахмурившись, перефразировала я его недавний вопрос. — Может, в перелеске?

— Влюбленная парочка? — предположил Вадим. — Давай проверим.

Я не была уверена, что нам следует это делать, но за ним пошла. В перелеске машины не оказалось. След шин в низкой траве виден не был.

Пройдя вперед еще немного, мы убедились: машины и там нет. Я не очень понимала, почему она так занимает Вадима, но высказала предположение:

— Он все-таки ехал к реке. Он, она или они. Спустился чуть дальше и успел скрыться вон за тем леском, — я кивком указала на рощицу, находящуюся почти вплотную к реке.

— С какой стати ему, ей или им ездить кругами?

— Ищут укромное место, — пожала плечами я.

Я была уверена, что Вадим захочет проверить мое утверждение, но он вдруг сказал:

— Ладно, пошли. А то в самом деле людям кайф поломаем.

Я шла за ним в гору и спросила, на ходу оглядываясь:

— Почему тебя машина так заинтересовала?

Он дождался, когда я подойду ближе, и ответил:

— В деле об исчезновении Викиной матери упоминалась машина, которую видели в тот вечер. Старая «Хонда», темного цвета. Коричневая или темно-синяя. На сей счет мнения разделились. Чья это машина, никто не знал.

— Мать Вики исчезла шесть лет назад, — с сомнением напомнила я. Воин пожал плечами:

— Не такой уж большой срок. Мой дед на своих «Жигулях» двадцать лет проездил.

— Если это кто-то из местных, машина за шесть лет точно бы засветилась.

— А если кто-то не хотел ее светить?

Признаться, до меня не сразу дошло, что он имеет в виду, Воин это понял и продолжил:

— К реке можно проехать по дороге через село. И дальше по берегу в обе стороны. Ищи себе тихое место на здоровье. Но «Хонда» делает большой крюк по бездорожью... Ладно, ты права, парочка не желает светиться.

Он зашагал дальше, и я за ним, но беспокойство Вадима вдруг передалось мне.

— Может, найдем эту чертову «Хонду»? — предложила я.

Он махнул рукой, ускоряясь. Мы вышли на тропу и направились вдоль кустов. Слева располагалась березовая роща. До села было еще довольно далеко. А я все размышляла над словами Вадима. В самом деле, с какой стати водителю проделывать весь этот путь, чтобы оказаться у реки? Да и не видели мы на берегу машину. Скрылась в лесочке? Но если это конечная цель, было бы проще подъехать с другой стороны, сократив путь на несколько километров. Все это имело бы смысл, будь хозяин машины кем-то из местных. Отправился отдохнуть с чужой женой, вот и нарезает круги. Жаль, что на номер мы поначалу не обратили внимания, а уж потом было поздно, не разглядишь. Вот бы где бинокль Пырьева пригодился. Однако это уж точно не «Хонда», упомянутая в деле. Во-первых, само по себе это сомнительно, учитывая, сколько времени прошло, во-вторых, если хозяин не местный житель, значит, даже с чужой женой нарезать круги без надобности.

«Не удивлюсь, если в лесу ее не окажется, — думала я. — Она точно в воздухе растворилась, а это противоречит законам физики. Надо было проверить...»

— Если хозяин «Хонды» причастен к исчезновению Нины, — вслух сказала я, — давно бы от нее избавился. А не раскатывал вблизи поселка.

— Забудь о ней, — отмахнулся Вадим.

В этот момент я почувствовала: кто-то стоит совсем рядом. И замерла на месте, оглядываясь. Взгляд мой вернулся к кустам неподалеку.

— Ты чего? — обернувшись, спросил Вадим.

— Там кто-то есть, — кивнула я в сторону кустов. Вадим крикнул:

— Эй!

Ветки кустов раздвинулись, и появился улыбающийся Ивлев.

— Добрый день! — громко поздоровался он. — Не хотел вас напугать. Извините.

Он был одет в штаны защитного цвета и такую же куртку. В руках палка и небольшая корзина.

— Прогуливаетесь? — спросил он, подходя ближе.

Прозвучало это насмешливо. Кто его знает, что он имел в виду? Подозревал нас в шпионской деятельности или решил, что нам приспичило уединиться? Смотрел он на нас с интересом.

— За грибами? — указал Вадим на корзину.

— Какие грибы... ерунда одна, — ответил Ивлев и продемонстрировал десяток сыроежек, весьма унылых на вид. — Так, топчусь с утра... Дай себе слабину, остаток жизни просидишь перед телевизором.

— Вы «Хонду» не видели? Темно-синего цвета? — спросила я.

— Где? — не понял он.

— Здесь проехала, минут двадцать назад.

— Шутите? Здесь камней полно, без колес останешься. Ближе к селу есть дорога, проселочная, а здесь никто не ездит.

— Выходит, все-таки ездят, — возразила я, — раз мы машину видели.

— Ну... может быть, — пожал плечами он, не желая спорить. — Значит, вы опять в наших краях? — сменил тему Ивлев. — Понравилось здесь?

— Очень. Едва дождались, когда дождь кончится.

— Приятно слышать. Что ж, всего вам доброго.

Он кивнул на прощание и направился к роще, а мы к селу.

— Он нас подозревает, — сказала я.

— Интересно, в чем?

— Должно быть, голову ломает, кто мы такие. Судя по странному поведению Пырьева, который внезапно уехал, вокруг Софьи что-то происходит. А Ивлев вроде бы ее любовник.

— И заподозрил в нас злодеев?

— Почему бы и нет?

— Но... Софьи-то чего опасаться? Ни черных, ни белых пятен в ее биографии нет, насколько я помню.

— Скорее всего, дело в гостинице. Она получила ее, оставив с носом законного наследника.

— И чего он надеется добиться, подсылая типа вроде Пырьева?

— Ну, например, попытается доказать, что Софья принудила его отца к сделке. А то и вовсе уморила.

— Я бы, кстати, встретился с этим наследником.

— Давай встретимся, — согласилась я. — Софья очень испугалась, увидев бинокль.

— Заметил.

— С чего бы, скажи на милость? Ну, забыл и забыл.

— Думаешь, они с любовничком на пару старичка укокошили? — засмеялся Вадим. — Не самый разумный поступок, но каких глупостей люди не делают? Ладно, с Пырьевым разберемся.

Веранда была пуста, лодка с лужайки тоже исчезла, похоже, компания отправилась на озеро. Софья с кем-то разговаривала на втором этаже. Я встала возле лестницы, а Вадим подошел к стойке, компьютер был включен. Через пару минут он достал мобильный, сделал фото с экрана и направился ко мне.

— Кстати, Пырьев прибыл к нам из Тулы, — сообщил Вадим, кивком указав на свой мобильный, который все еще держал в руке. — Так же, как Софья, если память мне не изменяет. Интересное совпадение, как считаешь?

— Странно, — нахмурилась я. — Если появление Пырьева связано с гостиницей, то есть с сыном бывшего хозяина «Лилии», то при чем здесь Тула?

— Она точно ни при чем, — хохотнул Вадим. — Но если под нашу Софью копают, логично начать с того места, откуда она прибыла, то есть как раз с Тулы.

Софья в этот момент спускалась по лестнице. Взгляд ее метнулся от нас к компьютеру и вернулся обратно. Актрисой она была скверной, лицо застыло, точно маска, на щеках появились два алых пятна.

— Как дела у Вениамина? — спросила я, желая разрядить обстановку. — Что-то его не видно сегодня.

— Носится где-нибудь, — отрезала она, обходя меня и направляясь к стойке.

— У него каникулы, прекрасная пора. А вокруг столько интересного.

— Вот уж не знаю.

— Просто вы привыкли и не замечаете здешних красот.

— Наверное, — буркнула она и стала перекладывать какие-то бумаги, заметно охладев к разговору. Впрочем, он ей с самого начала не нравился, точнее, не нравились мы. Наше возвращение ее, безусловно, тяготило.

Ужинать мы отправились в ресторан, вернулись поздно. Сына Софьи за весь день мы так и не увидели, и меня это начинало беспокоить.

— Куда подевался мальчишка? — входя в номер, пробормотала я.

— В семействе что-то происходит, — кивнул Вадим. — Вот только что, непонятно. То ли у мамы швах на личном фронте, то ли что похуже.

Тут он принялся оглядываться, затем сделал мне знак стоять, а сам направился к прикроватной тумбочке, присел на корточки и сказал:

— У нас были гости.

— Кто-то обыскал наш номер? — догадалась я.

— Уверен. Чемодан чуть сместился вправо. И в тумбочку заглянули.

— Ты такую возможность предвидел и подготовился?

— Предвидеть у нас Джокер мастак, — усмехнулся Вадим. — Я предположил. Если нам не рады, может, захотят выяснить, кто мы такие. И для начала покопаются в вещах.

— Это не могла быть уборщица?

— Мы только заехали.

— Интересно, что Софья надеялась найти?

— Может, Софья, а может, кто другой. Наша клиентка права: в этом очаровательном уголке что-то происходит. И пока у меня на сей счет догадок нет. Что ужасно бесит.

— Ложись спать, — сказала я. — Утро вечера мудренее. Глядишь, завтра догадки появятся.

Мы легли, оставив окно открытым. Мне не спалось. С веранды доносились мужские голоса, потом все стихло. Вадим сладко посапывал рядом. Косясь на него, я встала и на цыпочках прошла к окну. В темном небе — россыпь звезд. В городе такого не увидишь. Сев на подоконник, я подтянула под себя ноги и тут услышала:

— Я уже говорил: свет маяка отсюда не увидишь.

— У тебя глаза на затылке?

— С глазами порядок, — проворчал Вадим, не поднимая головы. — Можем заняться любовью, говорят, это способствует крепкому сну.

Я предпочла промолчать, Вадим с комментариями более не лез. В общем, прислушиваясь к тишине, я смотрела в небо и очень скоро уловила звук — то ли плач, то ли вздох.

— Слышишь? — окликнула я Вадима.

— Что?

— Вот сейчас... слышал?

Он встал и подошел ко мне. В этот момент звук повторился. Вадим кивнул.

— Кажется, где-то рядом.

Не раздумывая, я спрыгнула с подоконника прямо во влажную от росы траву. Волошин последовал за мной, сквозь зубы выругался:

— Черт, крапива...

Мы прошли немного вперед, Вадим вдруг коснулся моей руки и молча указал на пристройку. Здесь жила Софья с сыном. Попасть в квартиру можно было как из холла гостиницы, так и с улицы, точнее, со двора. Сейчас мы как раз стояли возле железной двери. Окно рядом было приоткрыто. Теперь сомнений не оставалось: настороживший меня звук доносился оттуда. Кто-то, зарывшись лицом в подушку, буквально захлебывался от слез. Вадим пожал плечами, мол, почему бы одинокой женщине не орошать слезами подушку? А я почувствовала себя так, точно подглядывала за соседями в замочную скважину.

— Идем, — шепнула я, потянув его за руку.

Тут скрипнула дверь в глубине комнаты, и раздался испуганный голос Вениамина:

— Мама, мама, ты чего?

В первый момент я испытала облегчение. Мальчишка дома, и с ним все в порядке.

— Иди спать, Веня, — торопливо ответила Софья.

— Что случилось?

Голос Веньки звучал испуганно, а вот Софья старалась говорить спокойно:

— Все нормально, сынок. Просто стало грустно. Так бывает.

— Все дело в этом гаде, да? Что он тебе сказал?

— Веня, никакой он не гад. Он нам помогает, и мы должны это ценить.

— Ничего я ему не должен! — запальчиво ответил мальчишка.

— Хорошо, не ты, я.

— И ты ему ничего не должна... Он гад, гад, вот и все.

— Успокойся, — зашептала она.

Я не видела их, но хорошо представляла, что там происходит. Софья обняла сына и стала целовать, торопливо шепча:

— Все будет хорошо. Вот увидишь. Надо только потерпеть. Немного. Иди к себе. Или хочешь, оставайся здесь. Обнимемся, как раньше...

— Я к себе пойду, — немного погодя, сказал Венька. — Обещай, что больше не будешь плакать. А то я этого гада убью. Возьму камень побольше, подкараулю и убью.

— Не болтай глупостей! — посуровела мать. — Чтобы я ничего подобного больше не слышала. Понял?

— Понял, — неохотно ответил Веня. Шаги, скрип двери и тишина.

— Господи, — не прошептала даже, скорее простонала Софья.

Мы вернулись в номер, закрыли окно, легли в постель, и я сказала:

— Ты прав, с личной жизнью у нее не ладится. Мальчишка Ивлева, если речь шла о нем, терпеть не может.

— Такое сплошь и рядом. Интересно, чем любовничек ей помог? Поддержал в трудную минуту, подставив крепкое мужское плечо, или помощь была иного рода?

— Думаешь, дело в гостинице? Но бывший хозяин скончался своей смертью, а продавал отель в здравом уме и твердой памяти.

— Вряд ли законный наследник с этим согласится. Может, есть к чему придраться, вот здесь и появился Пырьев. Гадать можно до утра, но я предпочел бы спать.

— Спи, — сказала я.

— А ты начнешь шастать в одиночку.

— Спокойной ночи!

Я повернулась спиной к Вадиму и уснула почти мгновенно.

Проснувшись я от громких голосов. Постояльцы Софьи собирались на рыбалку. Когда все стихло, спать мне уже не хотелось. Я подошла к окну с намерением его открыть. Вчера вести разговоры мы предпочли за закрытым окном, кондиционер включать не стали, как следствие — в номере было душно.

— Ты сегодня ранняя птаха, — пробормотал Вадим. — Раз уж не спишь, скинь Поэту данные Пырьева. Они в моем телефоне. Вчера забыл отправить.

Сообщение Поэту я отправила, все еще стоя возле окна. И вот тогда заметила Веню. Мальчишка, воровато оглядываясь, шмыгнул к сараю в глубине двора, где, как я уже знала, хранились шезлонги, пластиковые столы и прочее в том же духе. В руках у него была сумка, с которой я его встретила неподалеку от маяка. В ней он таскал альбом с рисунками. В сарае делать ему было вроде бы нечего, впрочем, может, мать попросила принести шезлонг или стулья.

Вновь он появился через минуту. Точно так же огляделся и поспешил прочь. Сумка, висящая на одном плече, стала заметно легче. Дверь сарая он

закрыл, но не запер, впрочем, сарай, кажется, и на ночь не запирали.

Я быстро переоделась, положила мобильный Вадима на прикроватную тумбочку, шепнула:

— Задание выполнила.

— Ты куда? — не открывая глаз, спросил он.

— Хочу кое-что проверить.

— Может, подождешь, когда я проснусь?

— Не могу, мне нейметсся.

— Тогда валяй. Если что, кричи громче, и я примчусь на помощь.

Прихватив полотенце, я покинула номер. Мне повезло, на ресепшен — ни души, на веранде тоже. Лишь с кухни доносились какие-то звуки — Софья, судя по всему, готовилась к завтраку.

Я свернула во двор и пошла вдоль гостиницы, держась ближе к стене. Если я заметила Веньку, велика вероятность, что меня тоже могут увидеть, тем более что окно кухни расположено в торце здания. Под ним я прошла пригнувшись. Компания мужчин сейчас на рыбалке, а Софья, надеюсь, слишком занята, чтобы смотреть в окно.

К сараю я направилась уверенной походкой — если меня все же застукают, скажу, что мне понадобился шезлонг. Мол, решила полежать в теньке с книжечкой. Книжку я, кстати, прихватила.

В досаде чертыхнувшись, когда дверь сарая скрипнула, я торопливо вошла. Здесь царил полумрак, и было душно. Сквозь узкое окно с деревянными жалюзи свет пробивался с трудом. Я подождала, пока глаза привыкнут к темноте, и начала оглядываться. Справа громоздились столы и стулья, слева — шезлонги, тут же — тент от качелей, натянутый на металлические трубки, порванный в двух местах. Возле окна — стеллаж, на нем ракетки для пинг-понга, мячи, пустые трехлитровые банки и прочая ерунда. Я подошла к стеллажу и слегка его отодвинула. Альбом был здесь. Я вернула стеллаж на место, села на стул и начала просматривать рисунки. Маяк. Снова маяк. Пещера с выходом к воде. Кусты и камни рядом, похоже на то самое место, где мы вчера встретили Ивлева. Следующий рисунок показался странным: поле с холмиком посередине. В полумраке на детали я не обратила внимания, но что-то меня насторожило.

Я подошла к окну, держа рисунок в руке. Так и есть, холм — это могила, под ним угадываются очертания человеческого тела: голова, ноги вытянуты, руки сложены на груди. Парень увлечен мистикой, оттого так и привязался к маяку. Наверное, ничего особенного в таких рисунках нет, но я бы на месте матери все-таки насторожилась.

Последний рисунок вызвал шок. Узкий колодец или просто глубокая

яма, на дне которой сидит девушка. Взгляд устремлен вверх, изможденное лицо, в глазах пустота, как будто девушка уже мертва.

— У парня явно проблемы, — буркнула я, достала мобильный и сфотографировала рисунок. Дальше шли чистые листы.

Я собралась вернуть альбом на место, когда не услышала, а почувствовала приближение человека. На размышления было всего несколько секунд, сказать по чести, я не размышляла, а действовала инстинктивно: бесшумно скользнула за сложенные друг на друга шезлонги, прижалась к стене и укрылась за тентом для качелей, передвинув его чуть ближе. Ткань еще колыхалась, но я надеялась, что в полумраке на это не обратят внимания.

Дверь открылась, и в сарай кто-то осторожно вошел. Двигался мягко, практически не производя шума. Видеть его я не могла. Конечно, сделала пару шагов, я сумела бы заглянуть в одну из прорех, но в этом случае меня почти наверняка обнаружили бы. В общем, оставалось только гадать, кто сейчас в сарае — Вениамин вернулся или Софья все-таки заметила меня в окно. Человек сделал шаг, и стало ясно: это не подросток. И не женщина. Шаг тяжелый.

— Черт, — сквозь зубы выругался мужчина. Голос я не узнала.

Я чувствовала его раздражение, он спешил, а еще чего-то опасался. Скорее всего, он здесь, как и я, незваный гость. Мужчина, должно быть, оглядывался, затем сделал еще пару шагов, отодвинул стеллаж, тут же вернув его на место. Он, безусловно, что-то искал, и я ждала, когда этот тип заглянет за тент и обнаружит меня. Особых страхов у меня не было, то есть они присутствовали, но лишь в легкой степени: я прячусь, а меня кто-то ищет. Опять же было интересно взглянуть на мужчину, которого сюда привела та же нужда. Он, безусловно, знал о тайнике Веньки. Наблюдал за мальчишкой?

Скрип двери, и я осталась в сарае одна. Прошла еще минута, прежде чем я выбралась из укрытия и сразу же направилась к стеллажу. Сунула альбом на прежнее место, не отодвигая стеллаж, и быстро покинула сарай.

Двор был пуст. Это не удивило. Мужчина, как и я, спешил его покинуть. На веранде по-прежнему ни души, на ресепшен тоже. Дверь на кухню на сей раз была открыта. Софья стояла у плиты.

— Доброе утро, — сказала я.

— Доброе, — откликнулась она. Лицо ее было бледным, помятым, словно ночь она провела без сна. Скорее всего, так и было. — Проснулись? — задала вопрос, но чувствовалось, что к разговорам она не расположена. — Завтрак через полчаса.

— Спасибо.

Я вновь вышла на веранду. Человек, покинув сарай, либо укрылся в гостинице, либо в кустах напротив. Отправься он по улице, я бы его увидела. И тут я в самом деле увидела мужчину. Он шел, чуть пригнувшись, вроде бы стараясь не привлекать к себе внимания. Отсюда как следует не разглядишь ни лица, ни даже одежды. Брюки, темная куртка, на голове бейсболка — вот, собственно, и все. И я поняла: на улицу он не выходил. Спрятался за кустами возле соседнего дома, а когда я вошла в гостиницу, пересек улицу и сотню метров прошел по берегу, чтобы уж потом на безопасном расстоянии вернуться на дорогу.

«Попытаться его догнать?» — мелькнуло в голове. Если он меня заметит, шансов на это никаких. Интересно, он понял, что в сарае находится не один? Потому и прекратил поиски, а потом спрятался в кустах?

— Пойду будить Вадима, — сказала я громко, направляясь в свой номер.

Вадим брился, стоя в ванной возле зеркала. Дверь в ванную оставил открытой. Я немного понаблюдала за ним, привалившись к косяку.

— Я тебе нравлюсь? — весело любопытствовал он.

— Еще бы.

Кстати, он прав. Одно удовольствие смотреть на его сильное, тренированное тело.

— Но занимает тебя другое, — продолжил он.

— Точно.

— Валяй, внимательно слушаю.

Он продолжил бриться, а я рассказывала.

— Значит, ты его не видела? — заключил Вадим, умывшись и вытираясь полотенцем.

— Нет. То есть увидела уже на улице, но не узнала. Он был слишком далеко.

— Слава богу, что он не застукал тебя в сарае, — сказал Волошин серьезно. — Будь добра, не затевай ничего в одиночку.

— Момент был удобный... — прозвучало так, точно я оправдываюсь.

— Думаешь, это Ивлев?

— Возможно, — пожала плечами я. — Если бы его там обнаружили, он бы нашел подходящую отговорку. Вопрос — что он намеревался найти?

— Рисунки мальчишки? Что в них особенного?

Я достала мобильный и протянула Вадиму.

— Взгляни.

Рисунок на него впечатления не произвел. Может, потому что на фото он не выглядел столь зловеще.

— Девица в темнице, а коса на улице, — сказал Волошин, возвращая мобильный.

— Довольно странный рисунок, не находишь?

— Не нахожу. Парню нравится мистика, поэтому он рисует заброшенные маяки и девиц в неволе. Венька в том возрасте, когда гормоны зашкаливают, а с беспомощными девицами можно делать все, что хочешь. В мечтах, конечно.

— То есть фантазия и ничего больше?

— Только не говори мне, что всерьез считаешь, будто кто-то держит на маяке пленниц, — засмеялся Вадим. — Кстати, скорее всего, в сарае действительно был Ивлев. Они с Венькой не в ладах, и он решил наглядно продемонстрировать Софье, что парень малость не в себе. Рисует всякую чертовщину, а может, чем и похуже занят. Но если твой внутренний голос подсказывает, что не все так просто, отправь рисунок Поэту. Вдруг парень рисовал реальную девушку в зловещих декорациях?

— А это возможно? — засомневалась я. — Найти человека не по фотографии, а по рисунку?

— Для Поэта возможно все. Если такой программы еще нет, Димка ее напишет. Отправляй.

Однако сделать это я не успела, Соколов сам позвонил по скайпу.

— Проснулись? — весело спросил он.

— Ага, некоторые уже здоровьем успели рискнуть, — ответил Вадим.

— И во что ты вляпался?

— Не я. Девушка. Расскажи ему.

Я рассказала и тут же переслала рисунок.

— У парнишки талант, — заметил Димка. — Если девушка с таким лицом существует, я ее найду. Теперь о маяке. Потратил кучу времени, а результат так себе. Маяк продали за вполне скромные деньги, с условием, что он будет восстановлен в течение пяти лет. Год уже прошел. Купила его компания «Тревел», но это, скорее всего, фирма-однодневка, потому что узнать о ней хоть что-то конкретное не удалось.

— Фирма-однодневка? — насторожилась я.

— Именно. Фирма якобы занималась турбизнесом и собиралась проводить в этих местах квест, а маяк — конечная точка маршрута. Это, собственно, все. Что касается нашего дела... — тут Димка сделал паузу. — Я имею в виду... Короче, мужчины с именем Клим в нашем городе нет. По крайней мере, среди зарегистрированных. Я проверил морги, похоронные

конторы, кладбища... По возрасту подходит несколько человек, список у вас в почте. Я бы выделил двоих, они переехали сюда относительно недавно, остальные уроженцы этих мест. Первый — Безеня Юрий Сергеевич, патологоанатом. Второй — владелец компании «Ангел», по сути, похоронной конторы, Танатос Гунар Станиславович.

Он еще не произнес имя, а я уже почувствовала беспокойство, а потом и вовсе поторопилась сесть, вдруг ощутив странную слабость.

— Литовец, что ли? — спросил Волошин.

— Это он, — сказала я.

— В смысле?

— Это Клим.

— Откуда такая уверенность? — с сомнением спросил Воин.

— Танатос. Не помню точно, но это что-то связанное со смертью.

— Ага, — почти сразу согласился Димка, успев заглянуть в Интернет. — Танатос — греческий бог смерти, брат Гипноса.

— А он нахал, — усмехнулся Воин, усмешка была недоброй. — Или нас считает идиотами?

— Скорее всего, он рассчитывал на то, что искать мы его не будем, здесь, по крайней мере. Логично было покинуть город сразу после гибели Максимильяна.

— Поехали, — сказал Вадим, торопливо надевая рубашку.

— Куда? — не поняла я.

— Хочу взглянуть на этого бога.

— Подожди. Для начала надо убедиться, что это действительно он.

— Вот и убедимся. Ты со мной?

На этот вопрос у меня был лишь один ответ: я считала, что Воин делает глупость. Клим — враг серьезный, и вполне вероятно, ждет нашего появления. По крайней мере, я этого не исключала. И соваться без подготовки на его территорию...

Однако, взглянув на Вадима, я поняла: все возражения бессмысленны.

— Пообещай мне... — начала я, но он перебил:

— Я буду вести себя интеллигентно, милая, если ты об этом.

— Что мы скажем Софье? Вещи собирать?

— Вещи оставь. Софье скажем, что решили прокатиться вдоль озера.

— Эй, я поеду с вами, — подал голос Димка, о котором мы успели забыть.

— Мне и Девушки за глаза. Займись Пырьевым.

Объяснять Софье ничего не пришлось. На ресепшен ее не оказалось, мы оставили ключ на стойке. Всю дорогу, пока мы не въехали в город,

Воин молчал. Я не выдержала и спросила:

— У нас есть план?

— У меня — да. Оторвать голову этой сволочи.

— Прекрати. Я серьезно.

— Я тоже.

— Если его не окажется в конторе, мы его только спугнем.

— Ты не поняла? Он не собирался прятаться. И вряд ли убежит, завидев нас.

— Я должна с ним поговорить, — сказала я, помедлив.

— Само собой.

— Вадим, ты не можешь просто взять и убить человека.

— Не могу? С чего это ты взяла?

— С того, что не хочу увидеть тебя в клетке, — разозлилась я.

Он взглянул исподлобья и досадливо покачал головой:

— А ты умеешь быть убедительной.

«Ангел» находился рядом со старым кладбищем, совсем недалеко от центра города. Я подумала, сколько раз за последние дни проезжала мимо. Особняк девятнадцатого века был выкрашен в серый цвет, но унылым отнюдь не выглядел. Все в нем было добротнo и достойно — от черепичной крыши до крыльца с навесом и перилами из кованого железа, не говоря уж о вывеске, скромной и элегантноy: ангел парит в небе, под ним — слоган: «Положитесь на нас в трудную минуту».

Вадим, прочитав это, весело хмыкнул, потянул на себя дверь, но она не открылась.

— Звонок, — кивком указала я.

— И видеокамера, — добавил он с усмешкой. — Похоже, насчет клиентов тут разборчивы.

Я надавила на кнопку звонка и придала себе скорбный вид — на тот случай, если здесь суровый фейсконтроль. Вадим продолжал оглядываться. Вопросы никто не задал, дверь со щелчком открылась.

Мы оказались в большом зале со светильниками, имитирующими свечи. На окнах — плотные портьеры, дневной свет сюда проникал не особо, но в зале было довольно светло. И очень торжественно. Вдоль стен — венки, от больших до совсем маленьких и оригинальных, в виде сердца или того же ангела. Ровными рядами стояли гробы, блестя свежим лаком и латунными ручками. Сразу становилось ясно: здесь предлагают только эксклюзивный отход в лучший мир, все качественно и, безусловно, дорого.

— Господи боже, — пробормотала я, от всего этого великолепия становилось не по себе.

Занятая созерцанием, я не сразу обратила внимание на мужчину, стоящего неподалеку. Почему-то мне казалось, что в этом странном мире вполне возможно обойтись без людей, но он сделал шаг нам навстречу, и я наконец почувствовала его присутствие.

— Чем могу помочь? — тихо произнес он.

Я вгляделась в его лицо. Немолодое и красивое, точно на картине старых мастеров. Черный костюм, черная рубашка, черный галстук, на котором посверкивает бриллиантовая булавка. В первый момент я испугалась, что передо мной Клим, но тут же стало ясно: сходство обманчиво. Точнее, его нет вовсе. Если не считать некой отстраненности и мрачности образов, однако в первом случае образ был трагическим, даже зловещим, а здесь — торжественным.

С ответом на вопрос мы задержались, и мужчина спросил вновь:

— Чем могу помочь?

— А с чем к вам обычно заглядывают? — проворчал Вадим.

— Повод, как правило, печальный, а иногда это и вовсе огромное горе.

— Поэтому у тебя такая постная физиономия?

Мужчина пожал плечами, словно хотел сказать «разумеется». Он подошел совсем близко и теперь внимательно меня разглядывал.

— Позвольте представиться. Юрий Сергеевич. А вы?

— Елена.

— Я так и подумал, — вежливо улыбнулся он. — Елена Прекрасная. Кто же еще?

— Я бы хотела видеть Гунара Станиславовича.

— Признаюсь, я бы тоже этого хотел, накопились кое-какие вопросы. К сожалению, хозяин бывает здесь исключительно редко.

Странное дело, это самое «хозяин» резануло слух, так Лионелла и продавец в магазине Максимильяна Василий Кузьмич называли Бергмана. Клим тоже обзавелся надежными людьми? Хотя этот скорее напоминает его тень.

— А как же бизнес? — вмешался Вадим. — Бизнес без хозяйского глаза — верный путь к разорению.

— Вряд ли Гунару Станиславовичу следует беспокоиться, — заверил Юрий. — Бизнес процветает. Здесь он в надежных руках.

— Не сомневаюсь, — улыбнулась я, пытаясь на него настроиться. Он был спокоен и уверен в себе. Словно выполнял задание, к которому давно готовился, и теперь был убежден, что прекрасно справляется.

— Но если Гунара Станиславовича здесь нет, возможно, вы подскажете, где я могу его найти?

— Я не знаю, где он проживает постоянно. Не удивлюсь, если за границей. Хотя однажды он упомянул Калининград. В документах указан здешний адрес. У него действительно есть квартира в нашем городе, по крайней мере, приезжая сюда, он там останавливается. Наверное, это не самое подходящее место для беседы, — точно опомнившись, сказал Юрий. — Может быть, мы пройдем в кабинет хозяина? Он куда удобнее моего собственного.

Он сделал широкий жест, приглашая за ним последовать, и направился к двери в глубине зала.

Мы оказались в небольшом коридоре, завешанном черными портъерами, а вслед за этим — в просторной комнате. Черная глянцевая стена напротив была украшена рисунком, который напоминал изображения на папирусе. Общение с Бергманом расширило мой кругозор, и я почти не сомневалась: это изображение Осириса, чему свидетельство — корона на его голове, носящая название Атеф.

— Где-то я уже видел этого парня, — кивнул на изображение Вадим.

Юрий Сергеевич снисходительно ответил:

— Вы наверняка бывали в Египте. Это Осирис, царь загробного мира и судья усопших душ. Так что он в этом кабинете весьма кстати.

— Насколько я помню, он еще и Бог возрождения, — заметила я.

— Прекрасно. Так приятно встретить образованную девушку. Вы правы, он возрождающийся Бог. Воскресение обещает всем нам. Разве нет?

— Что-то смутно припоминаю, — съязвил Вадим.

Юрий Сергеевич указал нам на диван, обитый темно-красным бархатом и оттого, должно быть, похожий на гроб. Мы сели, а он остался стоять, привалившись к письменному столу. Может, его геморрой мучил, и он предпочитал стоять, а может, просто не решался устроиться в кресле хозяина. Кресло заслуживало внимания, куда больше напоминая трон. Темного дерева, с изумительной резьбой. Со своего места я видела виноградную лозу, оплетающую спинку и подлокотники. На столе не было ничего, кроме фотографии. Юрий Сергеевич взял ее в руки, подержал немного и вернул на место, но поставил так, чтобы теперь и мы ее видели. На фото была я. Судя по всему, сделано оно было лет пять назад, по крайней мере, такую прическу я не ношу уже давно. И цвет волос сменила примерно тогда же.

Мне стало не по себе. Не оттого, что на столе Клима моя фотография, а оттого, что сделал он ее несколько лет назад. У меня такой точно не было, и позаимствовать ее он не мог.

Клим был рядом уже давно, а я ни о чем не догадывалась. Даже не

подозревала, что происходит вокруг. Сначала Бергман, написавший завещание задолго до нашего знакомства, теперь Клим...

— Вы выглядите очаровательно, — переводя взгляд с меня на фотографию, сказал Юрий Сергеевич.

— Я правильно понял, вы нас ждали? — спросил Вадим, тоже разглядывая фотографию. На ней я улыбалась, весело и беззаботно, а глаза сияли от счастья. Я и не подозревала, что могу быть такой. Где меня подловил этот сукин сын? И чего такого особенного произошло в тот день?

— По поводу вас ничего сказано не было. А вот Елену я жду уже больше недели.

— Гунар был здесь неделю назад?

— Нет. Последний раз я видел его в апреле. Тогда он пробыл в городе довольно долго. Инструкции, если они необходимы, я получаю по электронной почте. Иногда, очень редко, он звонит, но у меня нет его номера телефона. Я пишу, и он перезванивает, если видит в том нужду.

— А вам это не кажется странным? — спросила я. Юрий Сергеевич с его улыбкой доброго пастора действовал мне на нервы.

— Странным? — переспросил он и после довольно продолжительной паузы ответил: — Разумеется. Видите ли, Елена, я уже давно понял: Гунар Станиславович — человек необычный.

— Что вы имеете в виду?

— Ну... например, он совершенно точно не нуждается в этом бизнесе. Он богатый человек, это несомненно, а у богатых людей, безусловно, есть причуды. Кто-то заводит скаковых лошадей, кто-то страусов. Кто-то владеет футбольной командой или театром. А Гунар Станиславович — похоронной конторой. Я много думал — почему?

— И что надумали? — не дождавшись ответа, спросила я.

— Он любит смерть. Она кажется ему достойной всего самого лучшего.

— Полированного гроба? — съязвил Вадим.

— И роскошного памятника из черного мрамора, — подхватил Юрий Сергеевич. — Я уверен, у него нет семьи и вряд ли есть друзья. Мне трудно представить его среди шумного сборища, где танцуют и веселятся. Но в этом кабинете он, безусловно, ощущает себя дома.

— Кабинетик неплохой, хоть и смахивает на склеп, — кивнул Вадим.

— Совершенно верно, — с готовностью согласился Юрий Сергеевич. — Как я сказал, он любит смерть, а еще, если мне будет позволено заметить... они дружат. — Он произнес это с самой серьезной миной. Я смотрела на него с недоумением, и он продолжил: — Надеюсь,

после всего вышесказанного вы понимаете: я не стремлюсь узнать о нем больше, чем он пожелал мне сказать. Я даже не хочу знать, кто вы такие и почему вы здесь.

— Что за инструкции он вам оставил на мой счет? — спросила я.

— Ответить на те вопросы, на которые я смогу ответить. Это я уже сделал. И еще — дать адрес электронной почты, которым я обычно пользуюсь.

Он достал из кармана визитку и протянул мне. На кусочке картона не было ничего, кроме адреса почты. Я убрала визитку в сумку и направилась к двери.

— А он, случайно, не лежит в одном из своих гробов в зале? — поинтересовался Вадим.

— Проверьте, если есть желание, — ответил Юрий Сергеевич.

Делать это у Воина желания не возникло, хотя ему, безусловно, хотелось разнести здесь все к чертовой матери.

— Вы говорили о квартире в этом городе, — сказала я.

— Улица Стасова, дом четыре, квартира семнадцать, — с готовностью сообщил он, и я вспомнила, что Клим называл Лионеллу и Василия Кузьмича слугами Бергмана, определив их функции: Сова, то есть Лионелла, следит за порядком в доме, а Кот — Василий Кузьмич — охраняет близкие рубежи. Вот я и спросила со всей серьезностью:

— А вы кто? Кот или Сова?

На его невозмутимой физиономии ничего не отразилось, но я отчетливо почувствовала замешательство, как будто я знала то, чего, с его точки зрения, знать никоим образом была не должна.

— А вы сами как считаете — на кого я больше похож?

— На ворону, — буркнул Вадим.

— И последний вопрос, — сказала я. — Когда Гунар Станиславович открыл этот бизнес? Лет пять назад?

— Совершенно верно. Пять лет, четыре месяца и восемнадцать дней.

— У тебя тут, должно быть, сутки за трое, — серьезно заметил Вадим. — По мне, так стоит отправиться на пенсию пораньше.

А я подумала: пять лет назад меня даже не было в этом городе. И вновь стало не по себе, словно моей жизнью кто-то распоряжался, тасуя колоду и раскладывая карты.

— А когда появилась фотография? — все-таки спросила я, хоть и обещала, что предыдущий вопрос будет последним.

— Она здесь с первого дня. Я думал, это девушка хозяина, похвалил вашу красоту. А он ответил: «Это не моя девушка, это Елена Прекрасная.

Из-за нее мужчины развязывают войны, а женщины умирают от зависти к ее красоте. Она не может принадлежать никому. И это очень грустно». Я думаю, хозяин прав. Мужчине, который пришел с вами, вы точно не принадлежите.

Он мстительно улыбнулся Вадиму, распахивая перед нами входную дверь.

— Всего доброго. Надеюсь, у вас в ближайшие годы не будет нужды посещать нас.

— Если только проводить в последний путь твоего хозяина, — не остался в долгу Вадим.

Оказавшись на свежем воздухе, я вздохнула с облегчением, точно шагнула из одного мира в другой. Собственно, так оно и было. Вадим выругался сквозь зубы, я решила, что он еще под впечатлением от визита, но тут увидела Димку. Соколов появился из своей машины и теперь шел навстречу, тревожно к нам приглядываясь.

— Какого лешего ты приперся? — спросил Воин.

— Все в порядке? Вы что-нибудь узнали?

— Нет, не в порядке. И да, мы узнали, что сукиного сына здесь нет.

— Чего на него накатило? — спросил Димка, кивнув на Воина и обращаясь ко мне. Я пожала плечами, а он вновь спросил: — Это он?

— Он. Но его здесь нет. Этот урод нас ждал, — досадливо продолжил Воин. — Фотку Девушки на столе оставил. — Он коротко рассказал о беседе с Юрием Сергеевичем и добавил: — Все ясно. Он появился здесь пять лет назад, вслед за Джокером. И все это время приглядывался. Как подумаю, что он был рядом...

— Но его сотрудники должны что-то знать...

— Единственный сотрудник, с которым мы встретились, считает его кем-то вроде наемного киллера и больше всего не свете боится узнать лишнего.

— И что теперь? — спросил Димка.

— У нас есть адрес его квартиры, — напомнила я. — И электронная почта.

— Напишем ему письмо? — усмехнулся Вадим.

— Почему бы и нет?

— На квартиру я бы, кстати, взглянул.

— Боюсь, там нас может ждать сюрприз, — сказала я.

— Давайте проверим.

Я видела, отговаривать Вадима бесполезно. Мы отправились на двух машинах, я поехала с Димкой. Села за руль, зная, что водить машину он не

любит, а Димка, воспользовавшись этим, тут же открыл ноутбук. Пальцы его порхали по клавиатуре, и очень скоро он сказал:

— Квартира принадлежит Климову Станиславу Викторовичу. — Он еще поколдовал немного и развернул ноутбук ко мне. — Похоже, у него есть еще паспорт.

Я взглянула на фотографию на экране. Светлые волосы, аккуратная бородка. Разрез глаз как будто другой, скулы резче. Но это, безусловно, Клим. Я позвонила Воину, включив громкую связь.

— Квартира точно его, но куплена на другое имя.

— Сколько у него этих имен?.. — проворчал Вадим.

Дом оказался ничем не примечательным, типичная «сталинка» в пять этажей, с гипсовыми снопами пшеницы на фасаде и балконами с каменными вазонами, где буйно цвели петунья и герань.

— Ждите в машине, — сказал Вадим.

Он остановился чуть впереди, вышел из своего джипа и направился во двор дома.

— Я бы предпочел быть с ним, — заметил Димка, провожая его взглядом.

— В квартире никого нет.

— Ты чувствуешь? — нахмурился он. — На таком расстоянии?

— Я делаю логическое заключение, — мысленно чертыхнувшись, ответила я, а Димка досадливо отвернулся. Раньше, когда мы были любовниками, его бесило, что я легко считываю его эмоции, теперь он склонен переоценивать мои скромные способности.

Минут через двадцать Вадим позвонил:

— Поднимайтесь, все чисто.

Димка, пожав плечами, первым вышел из машины. А я подумала: если Вадим хочет, чтобы мы заглянули в квартиру, значит, обнаружил нечто интересное. На двери подъезда был домофон, я набрала номер квартиры, и дверь тут же открылась. Мы поднялись на третий этаж и вошли внутрь.

— Проходите, — услышала я голос Вадима.

Квартира оказалась небольшой, но выглядела просторной, наверное, из-за того, что мебели был самый минимум. В кухне-столовой — кухонный гарнитур, темно-серый, глянцевый, с антрацитовыми вставками. Клим и здесь остался верен себе: стены, мебель, ковер на полу — все темное, почти черное. Белый диван с серыми бархатными подушками был единственным светлым пятном, притягивающим взгляд. Комната, странное дело, вовсе не казалась мрачной. Напротив, интерьер выглядел стильно и современно. Но тут кое-что привлекло мое внимание, и о мебели я забыла. Стена слева —

одна большая картина, хотя из-за черно-белой гаммы это скорее напоминало графику. Поле, вдали холмы и крепость с тремя сторожевыми башнями. Девушка в кожаном нагруднике поверх то ли платья, то ли рубахи. Волосы треплет ветер, она смотрит себе под ноги, как будто не желая видеть мир вокруг или пытаясь от него отгородиться. Она очень красива и очень несчастна. Это я отметила машинально, без привязки к себе, хотя, конечно, понимала: на стене — мой портрет.

— Я помню тебя такой, — вдруг сказал Димка. Он стоял рядом. В его голосе звучала печаль, в общем-то, мало ему свойственная.

— А я помню это чертово место, — проворчал Вадим. — Ваша конница ударила с тыла, сметая все на своем пути, и нам пришлось уносить ноги... В спальне есть кое-что поинтересней.

Мы последовали за ним и оказались в небольшой комнате. За лакированными дверцами — гардеробная. Из мебели — лишь кровать, железная, узкая, больше напоминающая походную, явно созданная не для утех, и низкий круглый столик. Напротив кровати на стене — групповой портрет. На сей раз гамма выбрана черно-красная, и в первый момент я решила, что это потеки крови на черной стене. Но изображение тут же проступило отчетливо и явно. Я с цветком в руке — дама червей, Димка в берете, Вадим с лихо заломленной набок короной и Джокер. Лицо его было скрыто маской, на голове — колпак с бубенчиками, глаза из прорезей маски смотрели зло, а улыбка растянулась от уха до уха. Он выглядел откровенно жутко. Четверка стоит вплотную друг к другу, и впечатление такое, что сейчас бросится в атаку. Поверх изображения Джокера был намалеван крест. Остальные, надо полагать, ждали своей очереди.

— Как вам? — хмыкнул Вадим, кивнув на стену. Я пожала плечами.

— Он хотел, чтобы мы это видели.

— Надеюсь, этот урод все же появится.

— Он объявил нам войну, — сказал Димка.

— Это и без того было ясно. Лично у меня только один вопрос: почему он не попытался разделаться с остальными? Возможностей у него было достаточно.

— В доме Джокера он не может нас достать, — сказала я. — Поэтому Максимильтян и хотел, чтобы мы жили у него.

— Допустим, — кивнул Поэт, — но я выхожу из дома, а вы вообще дни напролет болтались по улицам. Интересно, тебя он тоже убьет? — спросил он, обращаясь ко мне.

— Есть сомнения в его намерениях?

— Есть. Допустим, фото в его кабинете — это вызов. Но портрет в

соседней комнате... Лично я назвал бы его признанием в любви.

— Если и так, нам это вряд ли поможет, — сказала я. Димка переспросил:

— Нам?

— Нам. Этот парень — псих, и у нас совершенно точно с ним проблемы.

— Ты все еще хочешь поговорить с ним? — усмехнулся Вадим.

— Я хочу получить ответы на свои вопросы.

— А что это, по-твоему? — ткнул Воин пальцем в изображение Джокера.

— Идите отсюда, — поторопила я, мне вдруг стало трудно дышать, точно из спальни выкачали весь воздух.

Через пять минут мы стояли возле машины.

— Вернетесь в Мальцево? — спросил Димка.

— Раз уж мы в городе, хочу навестить господина Молчанова, — ответил Воин. — Разобраться хотя бы с одной тайной. У меня самое подходящее настроение задавать вопросы.

— Ты с ним? — повернулся ко мне Поэт.

— Разумеется. Проводим тебя и...

— Я тебе не мальчик, — отрезал он, — и смогу за себя постоять.

Я в этом сомневалась, но торопливо кивнула:

— Извини.

Он сел в машину и уехал, а Вадим, глядя ему вслед, отметил:

— Вообще-то он воин, хоть и выглядит иногда законченным придурком. Короче, не тычь парня мордой в дерьмо.

— Я вроде бы извинилась, — начала злиться я.

— Ох уж мне эти бабьи заморочки!

— Это ты о чем?

— О том, что бабам непременно надо кого-то опекать. Сунуть в рот титьку и погладить по головке. Мол, все на свете хорошо, мой заморочки.

— Чего ты завелся, скажи на милость?

— Между прочим, именно этот паршивец командовал конницей возле крепости трех башен. И рубился как черт.

— Вадим, это только в твоих дурацких снах, — не выдержала я. — А здесь он абсолютно беспомощный. Да он носки в шкафу не способен найти!

— В наших снах, милая, в наших, а с носками и у меня беда. Было бы здорово, возьми ты надо мной шефство. Я встал, а носки уже у кровати лежат. Сможешь?

— Ты намерен доконать меня сегодня?
— Блин, — пробормотал он, — хоть бы кто-нибудь под руку попался!
— Надеюсь, это будет не Молчанов. Иначе я к нему не пойду и тебя не пущу.

Молчанов — сын того самого владельца гостиницы в Мальцеве, где сейчас хозяйничала Софья. Наследник, оставшийся без наследства. Сказать по правде, он занимал меня сейчас очень мало. Думаю, так же, как и Воина. Но если в такой ситуации ничего не делать... В общем, лучше делать. Главное — следить за тем, чтобы Волошин сгоряча парня не покалечил, что было бы несправедливо и уж точно ни к чему. В такое время застать Молчанова было проще на работе. Туда мы и поехали. Он трудился в медицинском центре «Моя семья». Центр занимал отдельно стоящее здание в три этажа и выглядел очень солидно.

— Обожаю такие места, — с издевкой комментировал Воин, пока искал место на парковке. — На втором этаже лечат от болезней, которые сочинили на первом. Дяденек и тетенок с немалыми средствами деликатно избавляют от их переизбытка.

— Да ты оптимист.
— Думаешь, обируют до нитки?
— В любом случае Молчанову вряд ли перепадает особенно много, раз он работает водителем.

— Жди здесь, а я узнаю, где наш пареньь.

Я осталась возле машины. Вадим отсутствовал недолго. Вскоре появился в дверях и махнул рукой, предлагая следовать за ним.

Мы обогнули здание и оказались в небольшом дворе, в центре которого стояла машина с надписью «Моя семья», обе передние двери были распахнуты, из салона доносилась музыка, что-то восточно-курортное. Мужчина лет тридцати пяти сидел с закрытыми глазами, откинувшись в кресле, и, судя по всему, предавался грезам об отпуске. Вадим плюхнулся рядом с ним и захлопнул дверцу, я села сзади, мужчина потянулся вперед и, еще не придя в себя, спросил:

— Едем? — после чего стал вертеть головой в полнейшем недоумении. — В чем дело? — наконец спросил он.

— Лучше не зли меня, пареньь, — проворчал Вадим. — День с утра ни к черту.

— Да в чем дело-то?!

Похоже, более всего недоумение вызывало мое присутствие; собственно, мне вопрос и адресовался.

— Я вас очень прошу быть предельно искренним, — задушевно

сказала я. — Потому что злить его в самом деле не стоит. И день выдался... ну полная задница.

— Вы больные, что ли?

— Я — да, — с готовностью кивнул Вадим. — Справки на все случаи жизни. Давай не будем терять время. Расскажи нам об отце.

— О моем?

— Конечно, о твоём. О моем ты вряд ли что знаешь, как, впрочем, и я. Батя твой помер, верно?

— Да... давно уже.

— А гостиницу он оставил не тебе, а любимой подруге.

— Это она вас, что ли, прислала? — нахмурился парень. — С какой стати? Я у нее что, гостиницу эту клещами вырываю?

— Вот об этом и расскажи.

— О чем?

— О том, что ты делаешь и чего не делаешь.

— Чего рассказывать? Бред какой-то... Батя с матерью развелся, когда мне было восемь лет. Алименты платил исправно, хоть и самый мизер, и пару раз заезжал на день рождения. Один раз слона привез, плюшевого. Мне уже лет десять было, и я слону страшно обрадовался. Второй раз было очень круто — велик. До сих пор на нем катаюсь. И на выпускной просто царский подарок — компьютер. Он давно сгорел, но батя я все равно благодарен. Время от времени я к нему ездил. В каникулы даже неделями жил, потом не до того стало. Между прочим, хорошо зная батю, не сомневался, что ничего в наследство не получу. Тем более что бабенка с ним жила. Ясно, что старика охмурит и все нажитое непосильным трудом оттяпает. В один прекрасный день батя и вовсе заявил, что это не баба у него, а он у нее живет. Я, конечно, удивился, потому что гостиницу эту он давно построил, а баба появилась гораздо позже. Но он мне сказал, что все ей продал, мол, в деньгах нуждался. И у них договоренность, что он до смерти своей здесь жить будет. Вот и все.

— Как все? А деньги батя на что понадобились?

— Вроде болел он. Мы с ним обнявшись не сидели, и он мне душу не открывал. Но какой ни есть, а отец. Приглашал — я ехал. Денег оставил — очень благодарен. Похоронил как положено, памятник поставил... Все по-людски.

— Что за деньги? От продажи гостиницы?

— Наверное. Гостиницу он типа за шесть миллионов продал, хотя местные сказали — лажа, она в разы дороже стоит. А оставил мне почти два миллиона. Я квартиру купил.

— По завещанию оставил?

— Нет. Он в банке счет открыл на мое имя. После его смерти мне Сонька сказала и документы отдала. Так что у нас с ней все по чесноку. Деньги-то она вряд ли бы смогла получить, но и врать из вредности не стала. Я оценил.

— И оспаривать сделку по продаже ты не пытался?

— Зачем? Мне эти суды на фиг не нужны. Адвокаты оберут до нитки, а что в конце концов получишь — большой вопрос. Я в адвокатской конторе четыре года работал. Два злейших врага есть у человека: врачи и адвокаты. Поверь на слово, брат.

— Согласен, брат, — кивнул Воин.

— Вот, — удовлетворенно продолжил Молчанов. — И так как я от бати ничего не ждал, хорошего, имеется в виду, а получил аж квартиру, то и считаю себя везунчиком. К тому же Сонька оказалась бабой вполне нормальной, и я забил на гостиницу, а чтобы нервы себе не портить, в Мальцево не езжу принципиально.

— И никого туда не отправлял?

— Да на хрена? Я же сказал: хочу жить долго и счастливо, радуясь тому, что есть. Может, скажешь, что происходит-то? Я имею в виду... кого я, типа, отравил и вообще?

— Вообще в мире относительно спокойно. Правда, враги всех мастей тянут свои мерзкие ручонки к нашим берегам, но мы в любой момент готовы дать им достойный отпор.

— Веселый ты парень, — хмыкнул Молчанов.

— Обалдеть какой, — кивнул Воин. — Пока.

— Так это... в чем дело? А девчонка здесь при чем? — кивнул он на меня.

— В самом деле, при чем здесь девчонка? — повернулся ко мне Вадим.

— Девчонка ни при чем, — сказала я, покидая машину. — Она здесь для того, чтоб у тебя яйца остались целы.

— Моя малышка немного грубовата, — вздохнул Вадим, — но я стараюсь не принимать это близко к сердцу.

— Одно удовольствие поболтать с вами, ребята! — крикнул нам вдогонку Молчанов.

— Неплохой парень, кстати, — заметил Воин.

— Это ты от комплимента размяк.

— Думаешь, лучше вернуться и сломать ему нос?

— С какой стати? Ясно, что Молчанова мы подозревали зря. И на

фотографии, которую Пырьев показывал, точно не он.

— Кстати, о фотографии. И что, по-твоему, за тип на ней?

— Теряюсь в догадках.

— Есть предложение: найти Пырьева и обо всем расспросить.

— Поедем в город оружейников?

— Именно.

— А Димку оставим одного?

— В доме ему ничего не грозит. Кстати, я уже высказывался о материнском инстинкте?

— Ты имеешь в виду мои бабьи замашки? Значит, в Мальцево возвращаться не будем?

— Сегодня точно нет.

— Софью предупредим?

— Без надобности. У нее есть номер моего мобильного, заскучает — позвонит.

— Хорошо, — согласилась я.

В дом Бергмана мы явились как раз к обеду. Уж не знаю, порадовало ли это Лионеллу или, напротив, огорчило. За столом мы все больше помалкивали, но, как только обед закончился, перебрались в кабинет Бергмана. Димка предстоящую поездку одобрил.

— Главное — смотри, чтобы он не очень помял старика. Пока собираетесь, подготовлю справку на Пырьева.

— Странное у нас получается дело, — ворчал Вадим.

Вещи в дорогу он собрал за пять минут и теперь был занят тем, что действовал мне на нервы.

Я была с ним, в общем-то, согласна. Что мы, собственно, ищем? Убийцу Нины? Или занимаемся всякими странностями, происходящими в поселке? Например, появлением Пырьева, а потом его внезапным отъездом? Детскими рисунками, историями столетней давности о несчастной любви?..

— Если бы я не был в тебе уверен, знаешь, что бы решил? Дочура надумала отомстить папаше и сначала свинтила в неизвестном направлении, а потом, когда отец благополучно ее в своей душе похоронил, явилась поздней ночью аккуратно ему под окна... Тук-тук, папа, я пришла. Старик глянул, охнул и отбыл в лучший мир.

Может, я слишком ярко представила эту картину. Но неожиданно решила — а почему бы и нет? Ночь, незашторенное окно, тихий стук, старик вскидывает голову, присматривается. И снова стук в окно, настойчивый. Он подходит ближе, вглядывается в темноту и вдруг...

— А если так и было? — спросила я.

— Что было? — не понял Вадим.

— Старик действительно ее увидел. Сердце не выдержало и... Идеальное убийство.

— Подожди, подожди, она что, по-твоему, жива? А почему тогда у кустов шастает?

— Нет, Нина мертва. В этом у меня сомнений нет. Но кто-то мог избавиться от старика таким оригинальным способом.

— Старики — народ нервный, это общеизвестно. Но с чего он должен непременно умереть, обнаружив за окном пропавшую дочь? Я бы, к примеру, наоборот, порадовался. Заходи, милая. Обнимашечки и все такое.

— Это если он надеялся, что она жива. А если точно знал, что нет?

— Поправь меня, если я чего-то недопонял. Ты считаешь, старик сам дочуру и пришил? Спрятал тело и принялся разыгрывать убитого горем отца? А что, мне нравится. По крайней мере, это многое объясняет.

— Многое, но не все. Зачем ему тогда нанимать сыщика? И интересоваться маяком и подземными ходами?

— А я тебе отвечу: затем, что какой-то добрый человек о шалостях его узнал и захотел на этом немного заработать. Или не было у того человека доказательств, чтобы в полицию идти. Одни подозрения, которые, как известно, к делу не пришьешь. И стал он старичку на нервы действовать, чтоб сладкой жизни лишить и заставить шевелиться. Старичок и кинулся супротивника искать. А тот, поразмыслив, решил: пора старику на покой. Вот и пугнул, незамысловато, но действенно. И знаешь, не удивлюсь, если под окошком шастала скромница Виктория. Скромницы — они такие... Сидят тихонько в уголке, думу думают... И иногда такое надумают...

— К нам-то она тогда зачем пришла? — хмуро спросила я, потому что слова Воина, как ни странно, действие возымели, и мелькнула неприятная мысль: «А вдруг?»

— А затем, что затейница. Ну и знать хотела, как мамка родная погибла и где тело ее искать, чтоб похоронить достойно и могилку навещать.

— И как бы мы это узнали, скажи на милость, если старикан уже месяц как в сырой земле?

— Велика вера людей в частных сыщиков, особенно в сыщиков-экстрасенсов. А может, все еще проще: душа ее жаждет покаяния, и девица ждет не дождетя момента, когда окажется в кабинете следователя. Если верить психологам, такое случается сплошь и рядом. Правда, я им не верю. Ну, как тебе версия?

— Гениальная, как все, что приходит в твою голову. Старик наверняка хорошо представлял себе, что может сделать его дочь, а что не сделает никогда, — продолжила я серьезно. — Например, не оставит Вику, которая после недавней гибели отца еще не оправилась. То есть был уверен или уверил себя: в живых ее нет. И вдруг — стук в окно, и силуэт в темноте.

— Понял, к чему ты клонишь. Если мизансцена была недурна, а покойница за окном достаточно страшной... Но моя версия мне все равно нравится больше.

— Мне тоже. Однако Вика вряд ли бы справилась с детективом. Либо у нее есть помощник, либо она вообще ни при чем и честно хочет разобраться в происходящем.

— Ладно, дадим ей шанс.

Вернулся Димка и с ходу сообщил:

— Пырьев — частный сыщик. Лицензию получил восемь лет назад.

Это не удивило, но вопросы вызвало. Если не Молчанов нанял детектива, то кто?

— Он зарегистрировался на поезд до Тулы. От нас поезд уходит в девять сорок, — продолжил Димка.

— Чего ж он тогда в такую рань из Мальцева подался? — удивился Вадим.

Поэт пожал плечами, мол, тут я вам не помощник. Но предложение внес:

— Может, для начала ему позвонить?

— Пустая трата времени, — отмахнулся Вадим и кивнул мне: — Поехали.

В Тулу, где жил Пырьев, мы отправлялись на машине, хотя проще было бы на поезде. Но Вадима дальняя дорога не пугала, а машина там могла пригодиться. Мы уже стояли возле джипа, когда я сказала, точнее, подумала вслух:

— Надо бы эксперимент поставить.

— Типа, я старичок в креслице, а ты душа заблудшая за окном? Увлекательно. Махнем в Мальцево?

— Мы же в Тулу собрались.

— Бросим монету.

Вадим в самом деле достал монету, а я сказала:

— Что за странный способ вести дела?

— Нормальный. Почему бы время от времени не полагаться на судьбу?

Монетку он подбросил и сказал весело:

— Ты победила. Едем в Тулу.

Все это время мы стояли возле машины, так и не убрав вещи в багажник. Неудивительно, что дверь дома открылась и Лионелла спросила ледяным тоном:

— Что-то с машиной? Или с вами?

— Все в порядке, моя душечка! — заголосил Воин. — Отчаливаем с глаз долой. — Он забросил сумки в багажник и сел за руль, я устроилась рядом. — Тебе не кажется, у старушки внезапно появилось чувство юмора?

— Благотворно сказывается общение с тобой, — кивнула я.

По дороге я читала вслух справку, подготовленную Димкой на Пырьева.

— У него нет дочерей, — сообщила я. — По крайней мере, официально. Интересно, чьи фотографии он с собой таскает?

— Небось скачал в Интернете. Агент под прикрытием, мать его...

— Зато у Пырьева есть сын. Работает вместе с ним. Похоже, это весь их штат. Но интересно другое: кого и почему заинтересовала Софья?

— Скоро узнаем, — ответил Вадим.

Я немного погадала на эту тему, потом вздремнула, а проснулась оттого, что мы остановились на заправке.

— Пойдем кофе пить, — сказал Вадим, наблюдая за тем, как я тру глаза и потягиваюсь. — Я бы еще и сожрал что-нибудь.

Я пошла за ним, радуясь возможности немного размяться.

Кафе оказалось весьма приличным, и Воин решил здесь ненадолго задержаться. Устроился за столом напротив меня и принялся уминать принесенную официанткой снедь.

— Будем считать это ужином, — сообщил он. — До стряпни Лионеллы им, конечно, далеко, но знаешь, неплохо...

Я, выпив кофе, терпеливо ждала, когда он закончит, по опыту зная, что голодный Воин — зрелище душераздирающее.

— Я перед боем никогда жрать не мог, — вдруг сообщил он. — Должно быть, боялся обделаться со страха. Зато как рубка начнется, мне удержу нет. Одна мысль: вот сейчас ворвемся в город, и я нажрусь до отвала.

Я испуганно подумала: какой бой и какой город он имеет в виду? Свое недавнее военное прошлое? Наверное. Вот только что это за города, куда он врывался? В нагруднике из кожи и стали, в крови с головы до ног? Именно таким я видела его в ту минуту. И невольно поежилась. Наши сны или фантазии все чаще вторгались в реальную жизнь, делая ее странно зыбкой. Как будто между этой жизнью и той — лишь тонкая завеса. Казалось, вот сейчас рухнет эта хрупкая преграда, и безумие ворвется сюда, сметая все на

своем пути.

— Ты закончил? — спросила я, поднимаясь. — Встретимся возле машины, я в туалет.

Туалет находился между кафе и магазином с зеркальными витринами, в которых была выставлена всякая всячина. Здесь же умывальник с зеркалом, поделенным на квадраты.

Выйдя из туалета, я встала возле умывальника, открыла воду, избегая взгляда в зеркало. Внутренности вдруг сплело тугим клубком, по спине пошла дрожь, точно к ней прижали кусок льда.

— Черт, — пробормотала я, глядя на свои дрожащие руки и все еще не поднимая глаз. А кто-то в моей черепной коробке настойчиво повторял: «Посмотри, посмотри...»

Я вскинула голову. Изображение за моей спиной распадалось на квадратики, многократно отразившись в зеркалах витрин, и в одном из них я увидела знакомую фигуру. Весь в черном и сам словно тень. Он медленно повернулся и кивнул, точно здороваясь. А я, едва не закричав, резко повернулась, выискивая его взглядом, из-за этих чертовых зеркал не понимая, где он может быть.

Так и не найдя его, я принялась бегать между витринами. На меня уже смотрели с недоумением.

— Мужчина, в черном, — подскочила я к кассиру. — Куда он пошел?

Она пожала плечами, должно быть, решив, что я не в себе. Я выскочила на улицу в тот самый момент, когда темно-синий джип сорвался с места.

— Вадим! — заорала я, бросаясь к нему.

Воин стоял возле своей машины и пинал переднее колесо.

— Ну что, едем? — спросил он, поворачиваясь, и тут же нахмурился. — Какого черта...

— Ты видел машину... джип, только что отъехал? Ты видел, кто в него сел?!

— Нет. Может, объяснишь, в чем дело?

— Там, в зале... я увидела человека... — Тут я вспомнила о тайне, которую поклялась хранить, и пожалела о произнесенных словах. Но было поздно.

— Кого ты видела? — шагнув ко мне, спросил Вадим, и, заподозрив меня в явном нежелании отвечать, взял за плечи и легонько встряхнул. — Кого ты видела?!

Я покачала головой, вдруг почувствовав страшную слабость, точно все силы разом покинули меня.

— Это он?! — От хватки Воина мне стало больно. — Клим?!

— Нет, — торопливо ответила я. — Нет, нет...

— Тогда кто? — Теперь в голосе Вадима было недоумение.

— Все это глупость, извини, — промямлила я.

— Ты что, видела Джокера? — Взгляд его застыл, мы смотрели друг другу в глаза, зрачок в зрачок. Его был огромным и затягивал точно омут. — А почему бы, кстати, и нет, — пробормотал он, отступая на шаг. — Давай узнаем, какого хрена он от нас прячется?

Теперь я очень жалела о своей несдержанности. Во-первых, сомнительно, что я действительно видела Максимильяна, во-вторых, и в-главных, меня просили молчать. Но Воин уже завел машину, было ясно: он бросится в погоню, со мной или без меня.

— Представляешь, сколько на дороге таких джипов? А номер я не запомнила. Еще не факт, что он уехал на нем. И совсем не факт, что я видела Максимильяна.

Вадим на мои слова не обратил никакого внимания, мы уже выехали на трассу, и скорость он развил на пределе возможностей двигателя. Я прикрыла глаза, чтобы не видеть ни его лицо, мрачное, сосредоточенное, ни мелькающий за окном пейзаж.

— Этот, — сказал он, и глаза я все-таки открыла.

Мы стремительно приближались к темно-синему джипу, должно быть, тому самому, что недавно покинул заправку, похожих машин поблизости не наблюдалось. Окна джипа были тонированы, и лица водителя я не видела, когда Воин обошел «Тойоту» и стал резко тормозить.

«А что, если там действительно Максимильян?» — подумала я почему-то со страхом.

Тут окно открылось, и мужчина лет тридцати, сидящий за рулем, заорал:

— Ты что творишь, а?! Крышу снесло начисто?!

— Извини, брат, — ответил Воин, распахнув дверь. — Обознался. Очень человек один нужен.

Водитель матюгнулся и покачал головой, однако продолжать дискуссию счел неразумным.

Вадим вырулил на обочину и затормозил. Сцепив руки на рулевом колесе, он смотрел вперед, и, казалось, никакие силы небесные не заставят его пошевелиться.

— Ты как? — выждав время, спросила я.

— Нормально, — продолжая смотреть перед собой, отозвался он.

— Прости, это я виновата...

— В чем? — он повернулся ко мне. — В чем ты виновата? — повторил настойчиво.

— В том, что мне мерещится Максимильян, — ответила я.

— Он ведь не стал бы от нас прятаться? Как считаешь? — Голос его звучал так устало, что казалось, Воин сейчас свалится мне под ноги.

— Какой в этом смысл? — сказала я.

— В самом деле... хотя... кто ж знает, что у Джокера в голове?

Он мрачно усмехнулся, завел машину и стал разворачиваться.

До заправки было всего несколько километров, так что времени мы потеряли немного. А вот чувствовали себя скверно. Если верить в то, что Максимильян жив, следует признать: он ведет какую-то игру. При условии его действительного присутствия на заправке можно не сомневаться: он хотел, чтобы я его увидела. Вопрос — зачем? Что мне надлежит понять и что сделать?

Я ломала над этим голову часа два, пока в досаде мысленно не выругалась: «Лучше б ты мне СМС прислал!»

Но на это вряд ли приходилось рассчитывать.

В город мы въезжали поздней ночью. Я уже успела найти подходящую гостиницу и забронировать номер. Логично было заказать два одноместных, что я бы, безусловно, и сделала в других обстоятельствах. Но не сейчас.

Воин узнал о том, что у нас общий номер, только на ресепшен. Взглянул исподлобья, но ничего не сказал.

Оказавшись в номере, однако, молчать не стал:

— Ты меня сторожишь, что ли? — спросил с вызовом.

— Типа того. А ты посторожишь меня.

— Интересно.

— Я бы выбрала другое слово. Если я вижу то, чего нет, значит, я спятила, а если не спятила я, выходит, спятил Бергман.

— Да, задачка не из легких, — хмыкнул Воин. — И что бы предпочла ты?

— Я бы предпочла, чтобы мир вокруг был прост и ясен.

Это его рассмешило, и напряжение, возникшее на заправке в тот момент, когда мы стояли, глядя в глаза друг другу, наконец исчезло.

— Примем душ вместе? — спросил он. Я укоризненно произнесла:

— Воин...

— Должно быть в этом поганом дне что-то хорошее?

— День только впереди, — утешила я. — И он непременно будет удачным.

— Смотри, если обманешь. Одним душем уже не отделаешься.

Он ушел в ванную, а я повалилась на кровать и попросила жалобно:

— Помоги мне!

Поначалу думала, что обращаюсь к Господу, но тут же выяснилось: скорее к Джокеру.

Утром Вадим отсыпался часов до девяти. Я тихонько выбралась в холл, намереваясь позвонить Димке. О видении на заправке рассказывать не стала и сама поспешила выбросить этот эпизод из головы. Коротко сообщила, что мы на месте и после завтрака отправимся к Пырьеву.

Мобильный в моей руке ожил через несколько секунд после того, как я простилась с Димкой.

— Ты где? — зевая, спросил Вадим.

— С Димкой болтала в холле, чтоб тебе не мешать.

Когда я вернулась в номер, Вадим был уже в ванной. Через десять минут мы завтракали, а еще через полчаса покинули гостиницу.

В отличие от сапруновского офиса, где мы побывали недавно, этот выглядел куда солиднее. Располагалось детективное агентство в жилом доме, занимая, должно быть, одну из квартир первого этажа. Но и вывеска, и дубовая двустворчатая дверь, и ступени под мрамор, которые вели к ней, намекали: дела у Пырьева идут совсем неплохо. Я попыталась представить, как он воспримет наше появление. Вряд ли обрадуется. Но Вадим наверняка убедит его: действовать сообща — в наших общих интересах.

Дубовая дверь оказалась закрыта. Я пошарила глазами в поисках домофона. Он отсутствовал. Правда, был обычный звонок, а чуть левее над дверью — видеокамера.

«Чего доброго, Пырьев затаится», — с неприязнью подумала я и нажала кнопку звонка.

Ответом нам было молчание. Я взглянула на часы. Если верить табличке на двери, уже час как офис должен быть открыт. Хотя сыщика, как известно, ноги кормят. Но если есть часы приема, значит, кто-то в это время должен в конторе дежурить.

Я перевела взгляд на Воина, он пожал плечами и отправился осматриваться, а я, привалившись к перилам, стала ждать. Вернулся Вадим быстро.

— Одно окно выходит во двор. Там тоже камера. Жалюзи опущены, похоже, Пырьев на работу не спешит...

Воин не успел договорить, как к офису подъехала «Ауди», из которой вышел молодой человек, одетый в костюм серого цвета, недорогой, но на мужчине он смотрелся вполне пристойно. Увидев нас, молодой человек

нахмурился, но почти сразу придал себе деловитость, улыбнулся уголками губ и, поравнявшись с нами, спросил:

— Вы ко мне?

— Если это вы, — ткнула я пальцем в табличку на двери.

Мы вместе вошли в холл, где стояли два кресла, стулья и низкий стол со старыми журналами, успевшими заметно обтрепаться. Стены были выкрашены в белый цвет, на одной из них висела картина: водопад в джунглях. Не знаю, чем руководствовался Пырьев, расположив ее здесь. Скорее всего, просто где-то купил по дешевке. Кабинет, в котором мы вскоре оказались, мало чем отличался от приемной. Те же белые стены, картина (на сей раз это была гора с буйной растительностью), массивный стол и три кресла, родные братья тех, что мы уже видели.

— Присаживайтесь, — кивнул на них молодой человек и, словно опомнившись, представился: — Пырьев Антон Сергеевич.

Он выжидающе смотрел на Воина и, ничего не дождавшись, перевел взгляд на меня.

— Сергей Борисович — ваш отец? — спросила я.

— Вы знакомы с моим отцом?

— Да, познакомились недавно.

В лице Пырьева-младшего читалось сомнение, а еще в нем нарастало беспокойство. Тревогу я почувствовала сразу, но это вряд ли было связано с нами.

— Но... вы ведь впервые у нас? По крайней мере, я вас не припомню.

— А где, кстати, ваш отец, Антон Сергеевич? — подал голос Вадим.

— Могу я узнать, с чем связан этот вопрос?

— Что значит, с чем связан? Мы бы хотели с ним встретиться.

— Изложите ваше дело и...

— Не вижу смысла излагать его тебе. Скажи-ка, батя твой отбыл на задание, но уже пару дней не выходит на связь?

Взгляд молодого человека испуганно замер.

— Вы не представились...

— Значит, я прав, — кивнул Вадим. — Мы, так сказать, коллеги. Расследовали одно небольшое происшествие в Мальцеве и там, в гостинице «Лилия», познакомились с твоим родителем.

В этот момент за дверью послышались шаги, и в кабинет не вошла даже, а ворвалась женщина лет пятидесяти. Высокая, худая, в костюме ярко-красного цвета и туфлях на высоченных каблуках. Седые волосы она не красила, стригла коротко, взгляд ее маленьких темных глаз был внимателен и враждебен.

— Он звонил? — резко спросила она.

Сергей покачал головой, женщина нахмурилась и уже собралась покинуть нас так же стремительно, как и вошла, но тут заговорил Вадим:

— Если вы имели в виду господина Пырьева...

— Допустим, — произнесла она, приглядываясь к Воину.

— Тогда есть смысл остаться и кое-что обсудить.

— Что?

— В Мальцево он отправился, выполняя ваше задание?

Глаза дамы в красном полыхнули гневом, и обрушить его она собиралась на Антона, тот втянул голову в плечи и пробормотал:

— Я ничего не говорил.

— Да неужели? — Она резко опустила в кресло. — И откуда же тогда они это узнали?

— В качестве жеста доброй воли коротко поведаю о причине нашего появления здесь, — сказал Вадим с усмешкой. — Вы немного опоздали к началу нашего разговора, — повернулся он к женщине. — Так вот, мы с Пырьевым коллеги и встретились в Мальцево.

— Их эта сука наняла! — вскочила женщина. — Ты что, не понимаешь?

— Какую суку вы имеете в виду? — ласково спросил Вадим. — Софью Богданову? У нас на ее счет есть кое-какие соображения. Хотите объединить усилия? Или мы приехали напрасно?

Женщина вновь опустила в кресло и посмотрела на Антона, теперь скорее нерешительно, точно спрашивая его совета.

— Итак, Сергей Борисович выполнял ваше поручение, — продолжил Воин как ни в чем не бывало. — Мы расследуем подозрительную смерть одного местного жителя, то есть подозрительной она пока кажется только его родственнице. Приехали в Мальцево и остановились в гостинице «Лилия», где и познакомились с ее хозяйкой и господином Пырьевым. Его поведение показалось нам... скажем так... немного странным, и, узнав о его неожиданном отъезде, мы решили проверить, добрался ли он домой.

— Он уехал из Мальцева? — быстро спросил Антон. — Когда?

— Нам сказали, позавчера утром. Но мы не поверили.

— Почему?

— На связь он перестал выходить на несколько часов раньше, так? — вопросом на вопрос ответил Вадим. — Последний звонок был вечером?

— Да, — сглотнув, произнес Пырьев-младший.

— И уезжать Сергей Борисович не собирался? Но покинул гостиницу в большой спешке, забыв бинокль.

— И... и что вы об этом думаете?

— Ничего хорошего, если честно. Однако, чтобы максимально точно ответить на этот вопрос, я должен знать, что за задание было у Пырьева.

— Я им не верю, — заявила женщина и перешла практически на шипение, повернувшись к Антону Сергеевичу. — Вы не имеете права распространяться о расследовании. Только посмейте и...

— Мадам, — мурлыкнул Вадим, как умел делать лишь он. — Человек не выходит на связь двое суток. Сынуле пора обращаться в полицию. И первый вопрос, который там зададут, будет о профессиональной деятельности родителя. А ваша тайна перестает ею быть. Я достаточно ясно все объяснил?

— Откуда мне знать, что вы не заодно с этой мерзавкой?

— Действительно, откуда? — призадумался Воин. — Вам остается поверить нам на слово. В качестве ответной любезности мы помогаем вам установить истину, то есть ответить на вопрос, что случилось с Сергеем Борисовичем.

Антон поерзал, отводя взгляд от дамы в красном.

— Знаете, что я думаю? — сказала она. — Я пошлю вас к черту, и Антон Сергеевич вас тоже пошлет, он ведь не хочет, чтобы их бизнес сошел на нет из-за того, что кое-кто не умеет держать язык за зубами. Но как только я отсюда уйду, вы ему позвоните, и он вам все выложит.

— И правильно сделает, — перебил Воин. — Не хотелось бы повторяться, но ему в любом случае придется все рассказать в полиции.

— Хорошо, — кивнула женщина. — Тогда я сама... Я, Нестеренко Ирина Викторовна, наняла Пырьева, чтобы найти моего пропавшего больше года назад брата, Богданова Николая Викторовича.

— И вы предположили, что ваш брат может находиться у своей бывшей супруги Софьи Богдановой?

— Почему же бывшей? Они не развелись. Она сбежала от него вместе с сыном. Не знаю, как она вообще терпела его столько времени, — вдруг махнула рукой Ирина. — Брат у меня — редкий мерзавец. Мало его покойный отец бил. Мать жалел. А та за Кольку горой. Ее любимчик. Учиться он не может, потому что здоровье слабое, а учителя придираются. Худо-бедно девятилетку окончил. Но работать ему здоровье тоже не позволяло. Это я как проклятая училась, работала с первого курса, еще и родителям помогала. Что в нем Сонька нашла, до сих пор понять не могу. Ну, прям любовь-любовь у них была. Мать обрадовалась, девка хорошая и вроде меня прирожденная лошадь, которая всю жизнь пахать будет. Она и пахала. Братец пил, Сонька на двух работах вкалывала, а он ее еще и

колотил. С норовом у меня братец. Один раз так избил, что выкидыш случился, а Венька, это племянник мой, заикаться стал. Ему тогда лет шесть было. Деваться Соньке особо некуда, она из деревни, мать умерла, отец на другой женился. Вряд ли бы обрадовался, свались она ему на голову. Я думала, так и будет терпеть. Либо дождется, что он ее убьет и мальчишка сиротой останется. А она удивила. Собрала манатки и уехала, наплевав на квартиру, на работу... на все. Видно, здорово припекло.

Она замолчала. Чувствуя, что пауза затягивается, я спросила:

— И что было дальше?

— Дальше? Запил брат. Пил горькую, пока квартиру не спустил, то есть и потом, конечно, тоже пил, но тут по-особенному. Мамка его, как всегда, жалела: жена-негодяйка бросила. А я поздно спохватилась, задавшись резонным вопросом: а на что, собственно, он пьет, если Соньки нет и денег ему взять негде? Сначала подумала — мамка пенсию ему отдает, оказалось, квартиру продал. Нашлись умельцы, помогли. Жену с ребенком выписали, согласие Соньки состряпали... Само собой, денежки быстро кончились, и заявился он к матери. А куда еще? Она его приняла. Когда я у нее синяк заметила, пробовала вразумить, но материнская любовь слепа. Короче, мать я взяла к себе, во-первых, жалко, во-вторых, от греха подальше, не то запросто могли и второй квартиры лишиться. Дом, где я живу, с закрытым двором, я охране строго-настрою запретила его к нам пускать. Пожил братец один и вдруг исчез. Куда и даже когда, неясно. Если честно, я поначалу перекрестилась. Хрен бы с ним, но матушка забеспокоилась и кинулась искать. Подумали, не иначе, пропившись и не видя дальнейших перспектив, кинулся к Соньке. Больше вроде некуда. В полиции быстро выяснили, где она находится. Ну, я и поехала узнать, что к чему. Сонька, увидев меня, очень удивилась. Пребывала в уверенности, что ее не найдут, и испугалась, что вслед за мной муженек явится. Я у нее надолго не задержалась и сюда вернулась. В полиции поиски продолжили, но без толку.

— И как, по-вашему, ваш брат, пребывающий в запое, смог найти Софью?

— Так ведь мир не без добрых людей. Я думаю, Веньку он нашел. В соцсетях. Сейчас его странички нигде нет, но вы же знаете, если что-то попало в эту самую паутину... А детки любят фотки выкладывать... Нашли мы эту фотографию. Пырьев нашел. Мальчишка рядом с маяком. Выяснить, где он находится, совсем несложно. А среди алкашей встречаются весьма продвинутые. Я вовсе не считала тогда, что братец Веньку отыскал и к жене подался. Я Соньке поверила, что она знать не знает, куда этот алкаш

делся. А вот матушка не поверила. И с утра до вечера твердила, что Сонька его извела. Я же считала, он вот-вот появится. Нашел какую-нибудь дуру вроде своей жены и живет барином, а что о матери не вспомнил ни разу, так неудивительно. Когда это Колька о ком-то думал, кроме себя? Но он и через полгода не явился, и стало ясно: что-то с ним случилось. Полгода эту скотину какая дура выдержит? Я ментов напрягаю — без толку. А мать от горя слегла. Умерла месяц назад, так своего Колю и не дождавшись. Ну, я и подумала: а что, если мама была права и не обошлось без Соньки? Мне брата не жалко, как бы это ужасно ни звучало. Я из-за мамы. Она раньше времени померла. Если это Сонька подсуежилась... В общем, я обратилась к Пырьеву. Никаких подтверждений, что брат ездил в Мальцево, он не нашел — ни поездом, ни самолетом тот не воспользовался. Да это и понятно — откуда у него деньги? Он наверняка автостопом туда махнул, это же проще всего. В Мальцеве Пырьев говорил с водителем рейсового автобуса, тот вроде припомнил, что прошлой весной подвозил одного типа, по виду бомжа. И вот еще что. Пырьев узнал, что гостиница принадлежит Соньке. Я-то думала, она там просто работает. И самое интересное, что получила она ее не по наследству, она ее якобы купила.

— Почему якобы? — вмешалась я.

— Сами подумайте, откуда у нее деньги? Мужик этот, бывший хозяин, видно, запал на нее, и решили они родного сына с носом оставить, чтоб Сонька гостиницу получила. Да перемудрили. Не ожидали, видно, что Колька их найдет.

— Вы имеете в виду, если она купила гостиницу, находясь в браке, то по закону муж может претендовать на половину собственности?

— Вот именно. Отличный мотив для убийства. Что скажете? Очень хотелось бы выяснить, что Сонька с братцем сделала. Он говнюк, каких поискать, но меня учили, что убивать людей нехорошо. Вы согласны?

— Кто ж спорит? — развел руками Вадим.

— Я хочу знать правду, и если Сонька виновата, значит, сядет в тюрьму.

— А племянник? — вздохнула я.

— А племянника я к себе возьму. Не брошу, можете поверить. Мальчишка не виноват, что у него такие родители. Мамку жалко, — неожиданно закончила она. — Я-то думала, еще лет десять проживет как минимум. А она прямо сгорела...

Тут стало тихо. Мы сидели, погруженные в собственные мысли. Наконец Вадим, взглянув на меня, заговорил:

— Софья утверждает, что Пырьев уехал рано утром. Будить ее он не

стал, ключ от номера оставил на стойке. Поезд в Тулу в девять сорок, но гостиницу он покинул часов в пять, что довольно странно. Для автобуса рановато, логично предположить, что вызвал такси. Нужно эту версию проверить, а заодно находился ли он в поезде.

— Но... — нерешительно начал Антон. — Как все это узнать? Отсюда я вряд ли что смогу сделать, а в вашем городе у меня никого нет.

— Ты ведь работаешь вместе с отцом? — спросил Вадим.

— Да... Но, если честно, я занимался совсем другим. Бухгалтерией, налогами, продвижением нашего сайта...

— Понятно.

— Может быть, вы...

— Если ты все хочешь свалить на нас, это плохая идея. Потому что мне своей работы за глаза.

— Я готова нанять вас, — решительно заявила Ирина. — Найдите Пырьева и узнайте, что с моим братом. Пырьев не просто так исчез. Он напал на след. И от него поспешили избавиться.

— Вы что, хотите сказать, моего отца убили? — заволновался Антон. — Вы это хотите сказать?

— Лично я ничего не хочу, — ответил Вадим. — И вам, мадам, вынужден отказать. Хоть и с большим сожалением.

— Почему?

— У нас уже есть клиент, и в интересах своего клиента я должен сосредоточиться на его деле. Батя у тебя не злоупотреблял? — взглянув на Пырьева-младшего, задал вопрос он.

— Нет, — чересчур поспешно ответил Антон.

— Ну-ну, — покивал Вадим. — Приятно было познакомиться, господа. Он направился к двери, я за ним. Антон жалобно воскликнул:

— Подождите! Что мне делать? Идти в полицию?

— Разумеется. И особо не затягивай.

— Почему ты ей отказал? — спросила я Вадима, когда мы вышли на улицу. — Антон вряд ли справится, а полиция нам без надобности. Нашу деятельность они быстро прекратят.

— Так мы же не Пырьева ищем. Не вижу конфликта интересов.

— И все же, почему ты отказался?

— Черт знает, — нахмурился он. — Точнее, черт знает, что мы нароем. Я бы не хотел, чтобы на наше решение влиял договор с этой бабой.

— Постой, ты считаешь, Софья действительно могла...

— Надеюсь, что нет. И Пырьев просто нашел себе бабенку и запил на радостях, что аванс получил. Похоже, выпить он не дурак.

— Похоже, — согласилась я. — Сынок отреагировал однозначно, оттого, должно быть, и в полицию не спешит.

— Очень на это надеюсь, — задумчиво произнес Вадим.

— Ты... ты не хочешь, чтобы Софья оказалась в тюрьме? — подбирая слова, спросила я.

— Из-за говнюка мужа? Не хочу. Даже если она его завалила. По мне, так заслужил. Теперь ясно, что за фотографию показывал ей Пырьев и почему она так реагировала. Даже если в действительности ее муж никогда не был в Мальцеве... Одна мысль, что он может появиться и разрушить ее жизнь...

— Пырьев хотел подтолкнуть ее к решительным действиям, — сказала я. — Может, и подтолкнул?

— И наша милая хозяйка скормила нам пироги из Сергея Борисовича? — засмеялся Воин, но мне было совсем не смешно.

И Вадим, и Ирина правы: у Софьи был мотив разделаться с мужем, спасала ли она свой покой и покой сына или речь все-таки шла о деньгах. Предположим, Николай приехал, они поссорились, он ударил ее, как привык делать всегда, а она против обыкновения ответила, потому что стала другим человеком, которому есть что терять. Хочу ли я знать наверняка, убила она его или нет? Не уверена. Вадим прав, у нас есть дело, а исчезновением Пырьева пусть занимаются менты.

Однако, оказавшись в машине, я первым делом позвонила Димке. И вскоре он сообщил: Пырьев сел на утренний поезд, это совершенно точно. Поезд идет с одной остановкой, и если с сыщиком что-то случилось, то именно там или уже в родном городе. Хотя был еще вариант.

— Место рядом с ним занимал Левский Юрий Николаевич. Живет в нашем городе, видимо, в командировку ездил. Если он со стопроцентной точностью не запомнил своего соседа, то, по крайней мере, ответит на вопрос, похож или нет. И не покинул ли поезд на промежуточной станции.

— Скинь адрес, — сказал Вадим, и я, вздохнув, тихо заметила:

— Кто говорил, что мы не будем заниматься этим делом?

— А мы будем? — хмуро отозвался он. Я лишь пожала плечами.

Левского мы решили навестить сразу, как только вернулись в город. Жил он, кстати, неподалеку от «дома с чертями», и Вадим заметил, что, пожалуй, на ужин к Лионелле мы успеем. Левского мы застали дома, и это было безусловным везением, как выяснилось чуть позже. Он находился в постоянных разъездах, но нам, как я уже сказала, повезло. Парень не только был дома, но и встретил нас весьма благосклонно.

— Сосед, с которым в поезде ехал? — улыбнулся он. — Тут вот такая

закавыка. Сосед был, но видел я его только со спины. Когда в поезд садились, он впереди стоял, человека за три-четыре, я слышал, как проводник его место назвал. Ну и отметил машинально: «Мой сосед». Я, если честно, люблю поболтать в дороге. По первости фильмы смотрел, потом надоело, книжки — точно не мое. А вот если попутчик интересный попадется... Ну, я и обратил внимание. А когда вошел в вагон, место его было пустое.

— И до конечной станции он так и не появился?

— Нет.

— И вас это не удивило?

— А чему тут удивляться? Мог в ресторане всю дорогу просидеть. Или в баре. Я один раз в тамбуре четыре часа простоял, с мужиками из соседнего вагона. Из бара возвращались, ну и разговорились.

— А вещи в вагоне он не оставил?

— На нашей полке точно нет. У него рюкзак был, на плече висел, это я помню. Он мог его оставить при входе в вагон, там специальное место для багажа.

— Там обычно чемоданы ставят, — заметила я.

— Вот-вот. Ну а если у него один рюкзак, мог и с собой взять.

— Кроме рюкзака, что-нибудь запомнили? Одежда, рост, цвет волос?

— Цвет волос не помню, ростом невысокий, плотный... Вот знаете, что сейчас вспомнил? На нем ветровка была. И мужик крепышом показался, кругленький такой, а когда рукой за поручень взялся, рукав у ветровки задрался, а рука-то худая, жилистая.

— А не могла это быть переодетая женщина? — спросила я.

Он посмотрел с недоумением.

— Нет, мужик. По всему видно. Что я, мужика от бабы не отличу? А вы почему этим типом интересуетесь?

— Пропал он. От нас уехал, а к себе не вернулся.

— Да вы что... — нахмурился Левский. — Куда ж он деться-то мог? Вышел по дороге? Но не спрыгнул же, и выбросить не могли. У скоростных поездов двери блокируются.

— Вот и мы гадаем, куда он делся. Его семья тоже гадает.

Я-то была уверена, что на самом деле все просто. Некто с паспортом Пырьева вошел в один вагон и вышел через другой вместе с провожающими. Проводники пассажиров с электронными билетами вторично уже не проверяют, получалось, что Пырьев отправился домой и до родного города, вполне вероятно, добрался или до промежуточной станции. А что с ним было дальше, поди угадай. В этом случае полиция,

конечно, гостиницей Софьи заинтересуется, но вряд ли будут особо досаждают. Если клиент сел в поезд, то какой с нее спрос?

Собственно, об этом я и сказала Вадиму, когда мы простились с Левским.

— Ты про бабу спросила, потому что решила — это Софья?

— Я на всякий случай. На ее отсутствие в гостинице наверняка обратили бы внимание, да и проводник заподозрил бы неладное. Женщине выдать себя за мужика совсем непросто.

— Наверное. Хотя с моей комплекцией бабу изображать вроде тоже зря стараться, а я ничего, справился.

— Ты изображал женщину? Seriously?

— Ага. Правда, в парандже, — хмыкнул Вадим. — Помалкивал и все глазищами сверкал, один придурок так впечатлился... Короче, пришлось его зарезать.

Я стояла с открытым ртом, не зная, как отнестись к его рассказу. Это очередное видение или реальные события?

— И что? — все-таки спросила я.

— Ничего. Орден дали. Не за то, что бабу изображал, а за успешно проведенную операцию.

— Сколько у тебя орденов?

— Хрен знает. Я все выкинул. После того как в первый раз в психушку попал. Обиделся на Родину...

— И что было дальше?

— Понятное дело, опять в психушку отправился, на фига орденами разбрасываться. Короче, я их в тряпочку завернул — и с глаз долой. Одна морока с ними.

— Вадим, — сказала я.

— А?

Я вздохнула, поняв, что собираюсь произнести ужасную глупость, но все-таки произнесла:

— Жаль, что мы не встретились раньше.

— До психушки? На самом деле хорошо, что не встретились. Туда ведь просто так не отправляют. Вряд ли я был особо приятным парнем. Зато теперь я вроде ничего.

Тут он весело подмигнул, а я, покачав головой, взяла его за руку. На ужин к Лионелле мы успели, а сразу после ужина отправились в Мальцево.

По дороге, само собой, гадали, что могло произойти с Пырьевым и что за мужчина садился в поезд по его паспорту. Теоретически это мог быть сам Пырьев. Почему нет? Описание ему вполне подходит, Левский видел

его лишь со спины. Жилистая рука, конечно, деталь интересная, но не придумал ли ее наш собеседник? Однако у меня отъезд Пырьева вызывал сомнение. Если Софья причастна к его исчезновению, то у нее должен быть помощник. Само собой, на эту роль вроде бы идеально подходит Ивлев. Но отношения у них с Софьей, судя по всему, далеко не гладкие. Стал бы человек впутываться в такое дело из-за женщины, которой не может доверять? Ивлев не производит впечатления наивного простофили, и если тандем Софья — Ивлев существует, то заправляет в нем Ивлев, а совсем не она. Тогда кто ей помогал? Еще один возлюбленный, о котором мы не знаем? Или человек, с которым ее связывают не чувства, а нечто другое?

Софья встретила нас отнюдь не радостно.

— Где вы были? — резко спросила она.

— Ездили по делам, — беспечно ответил Вадим, зазывно улыбаясь. Но его обаяние против обыкновения не подействовало.

— Почему не предупредили?

— Вас на месте не было, а мы спешили. Номер оплачен, какие к нам претензии?

— Не в претензиях дело, — пошла она на попятную. — Вас нет, вещи в номере. Что я должна думать?

— Что мы непременно вернемся. Да, странная штука произошла с нашим Пырьевым, — сменил тему Волошин. — Он мне визитку дал, я позвонил ему по поводу бинокля. Он не ответил, так я на домашний позвонил.

Вадим говорил, а Софья менялась на глазах. Стоило Вадиму упомянуть Пырьева, я тут же почувствовала ее страх, который к концу его выступления прямо-таки зашкаливал.

— И знаете, что оказалось? — продолжил он. — Дома считают, что он все еще здесь. Не звонит, старый шельмец, уже трое суток. Мобильный отключил, жена собирается в полицию заявлять. Вот так Пырьев! Не иначе, нашел себе даму сердца и до родного дома не доехал! — Вадим засмеялся, вроде бы не замечая напряженного лица Софьи. — Вы бы у местных поспрашивали. Вдруг у какой-нибудь вдовушки отлеживается.

— Он уехал, — с трудом произнесла Софья. — И никаких вдовушек тут нет.

— Тем хуже для Пырьева, — пожал плечами Вадим и, взяв ключи, отправился в номер.

— Она знает, что он не уезжал, — сказала я, как только закрыла дверь.

— Ясное дело, — кивнул Вадим. — Любопытно, куда они дели тело? Утопили?

— Они — это Софья и Ивлев?

— Необязательно. Софья совершенно точно, а вот кто у нас главный злодей?.. Знаешь, что подумал: не барахлишко ли Пырьева в костре сожгли? Хотя, конечно, это просто домыслы. Ничего подозрительного в кострище мы не нашли, вполне могли ребятишки ночью картошку печь, рассказывая друг другу страшилки.

— Странно, что мы все время возвращаемся к Пырьеву, — заметила я.

— Да уж. Хотя совершенно точно ни копейки не получили за свои усилия. Ладно, сегодня проведем эксперимент в доме Зиновьева.

— Позвонить Вике, чтобы приехала?

— Она нам без надобности. Пусть предупредит Клавдию.

Я тут же позвонила Вике и рассказала о наших намерениях. Она, в свою очередь, позвонила домработнице и попросила дать нам ключи от дома своего деда, чтобы мы на досуге спокойно все еще раз осмотрели.

Любезность Клавдии зашла так далеко, что ключ нам она принесла сама, не дожидаясь, когда мы к ней обратимся. Подозреваю, это был предлог, чтобы заглянуть в гостиницу, где ранее ей бывать не доводилось. Она внимательно осмотрела наш номер, поинтересовалась ценой, проделала какие-то подсчеты и воскликнула:

— Какие деньги дерет, шалава! — после чего с достоинством удалилась.

— Милая старушка, — сказал Вадим, потряс ключами от дома и добавил: — Сегодня ночью, в час назначенный...

К Зиновьеву мы отправились в глухую полночь, как сказал бы поэт. Весь вечер собирался дождь, но так и не собрался. Впечатление было такое, что польет в любую минуту. Над рекой гроыхало и даже посверкивало, небо затянуло тучами.

Номер мы покинули через окно, дабы не привлекать к нашим перемещениям внимание Софьи. Шли в обход, по тропе вдоль болота наверх, стараясь держаться за деревьями. Сельские жители спать обычно ложатся рано, и тот вечер не был исключением. Ни в одном из домов, мимо которых мы проходили, свет не горел. Вадим прихватил с собой фонарь, но мы старались им не пользоваться.

Замок на калитке Вадим и в темноте открыл быстро, с дверным замком возился чуть дольше. Здесь, под деревьями, темень была такая, что собственных рук не увидишь. Проверив, опущены ли жалюзи, мы включили свет. Вадим прошелся по первому этажу, плотно закрыл дверь в гостиную, чтобы туда не попадал свет из холла, поднял жалюзи.

— Давай на улицу, пока дождя нет, — скомандовал он.

Взяв фонарик, я покинула дом. Сейчас, в темноте, он выглядел особенно мрачно. Тихо ступая, я подошла к окну, постояла немного и постучала. Едва слышно. Потом еще раз и еще. Уловив движение по ту сторону окна, я, опустив голову, чтобы волосы упали на лицо, подставила фонарик к подбородку и, подойдя почти вплотную к окну, фонарик включила. Вадим на это никак не реагировал, я немного потомилась, чувствуя себя на редкость глупо, и вернулась в дом.

— Что скажешь? — крикнула я. Вадим вышел навстречу.

— Впечатляет. И это при том, что я был готов к сюрпризу и точно знал: за окном ты.

— То есть вполне возможно, мы имеем дело с идеальным убийством?

— А если попроще, милая?

— Старика напугали до смерти, и совершенно сознательно. Так нормально?

— Так — да. Один вопрос: с чего вдруг старцу сидеть без света? Я бы еще понял — у камина, с коньячком... А здесь?

— Он не зашторил окно, возможно, поэтому и свет не включал. В гостиной он как на ладони...

— Раздвинуть шторы мог и убийца.

— Хорошо, — махнула рукой я. — Предлагаю второй вариант.

Я вновь покинула дом. На этот раз Вадим включил свет в гостиной, и теперь небольшое пространство перед домом было освещено. Но когда ты сидишь при свете, темнота за окном кажется особенно непроницаемой. А вот я Вадима отлично видела. У меня для него был сюрприз. С собой я прихватила косметическую маску из ткани, наложила ее на лицо и очень осторожно подошла к окну, встав возле самого края. А потом проделала тот же фокус: спутанные волосы, тихий стук, Вадим повернулся ко мне... Почти сразу открылась створка окна, и Воин впустил меня в дом.

— Где ты взяла эту хрень? — спросил он, посмеиваясь, когда я сняла с лица маску.

— Одноразовая косметическая маска, продается в любом магазине, где торгуют косметикой. Уверена, в местном магазине тоже.

— Выглядело даже страшнее, чем в первый раз. Боюсь, у старикана не было шансов закончить ночь без потерь, и уж тут не важно, задернул он шторы или нет.

— Думаешь, убийца заходил в дом после его смерти?

— Однозначно. И пробыл здесь довольно долго. По крайней мере, нашел договор с детективом. Иначе какими образом он мог узнать о сыщике?

— Как мы, по звонкам с мобильного телефона, — предположила я.

— На то, чтобы скопировать номера в мобильном, тоже необходимо время. И установить личность звонившего не так уж и просто. Если навыков нет. Он был в доме, — убежденно повторил Вадим. — Звучит глупо, но я это чувствую. Сидел старик со светом или без света, главное мы знаем: напугать его могли основательно. И в доме злодей был, иначе договор с Сапруновым обнаружила бы Вика. Ведь бумаги деда она разбирала. Хотя, если сыщик приезжал в Мальцево, все могло происходить с точностью до наоборот. Под подозрение попал именно сыщик. Злодей заподозрил, что тот явился неспроста... Ну а дальше понятно. Тебе какой вариант больше нравится?

— Мне в принципе не нравится, когда людей убивают.

— Куда ж без злодеев, милая? Эдак мы без денежек останемся. Ладно, выключай свет, а то как бы сознательные граждане ментов не вызвали.

Свет я выключила, а он закрыл жалюзи, и вскоре мы покинули дом.

— Завтра придется потолкаться среди аборигенов, — сказал Вадим, когда мы вышли на тропу. — Может, Сапрунова кто-то вспомнит? Глядишь, заодно и о Пырьеве разузнаю...

В этот момент я услышала шорох, а потом кто-то вскрикнул, точно оступившись в темноте. Тут же все стихло, но я не сомневалась: в кустах, в ста метрах от нас, укрылся человек. Вадим взглянул на меня вопросительно, я кивнула, он сказал:

— Взгляну, кому еще, кроме нас, не спится.

Не успел он сделать и пяти шагов, как в кустах завопили, а потом, не таясь, бросились бежать. Вадим тоже побежал, но вернулся очень быстро. Я все это время бестолково топталась на тропинке, не зная, что делать.

— Что? — спросила я, завидев Вадима, и пошла ему навстречу.

— Удрал.

— Ты его видел?

— Не то чтобы хорошо. Это Венька, — сказал он.

— Ты уверен?

Вадим кивнул.

— Пацан за нами следил. И теперь, должно быть, гадает, чем мы здесь заняты.

— Он все расскажет матери, — вздохнула я.

— Это уже не имеет значения, — успокоил Волошин.

То, что Венька все рассказал матери, сомнений не вызвало. Ночью мы вернулись в свой номер без происшествий, на этот раз воспользовавшись дверью, хотя я ожидала обнаружить Софью на ресепшен. Но встретились

мы только утром, за завтраком. Выглядела она недовольной, здоровалась точно нехотя, а когда принесла нам кофе, спросила:

— Вы когда думаете уезжать?

— Неужто наше общество успело наскучить? — весело поинтересовался Вадим.

— Я собираюсь санобработкой заняться, с жильцами это запрещено.

— Тараканы завелись? — посерьезнел Вадим.

— Пока нет, но могут, если санобработку не проводить. Постояльцы вечером съезжают. Говорят, рыбы нет.

— Ну, нас-то это не особо волнует.

— Я вообще не пойму, что вы тут делаете, — не сдержалась она, сразу же пожалев об этом.

— У каждого свое представление об отдыхе, — продолжал расточать улыбки Вадим. — Если вы настаиваете, мы, конечно, переедем. Снимем дом, на худой конец. Например, у внучки Зиновьева.

Услышав это, Софья поспешно отвела взгляд, и я почувствовала не страх даже, а тоску, от которой ей, должно быть, хотелось выть в голос. Теперь у меня не было сомнений: что-то Софью с этим домом связывает. С домом или самим Зиновьевым.

Она поспешила уйти, так и не сказав, собирать нам вещи или нет, а мы спокойно обсудили ситуацию и с переездом решили не торопиться.

— Пойду-ка я с народом пообщаюсь, — сказал Вадим, поднимаясь из-за стола. — А ты присмотри за нашей хозяйкой.

Он ушел, я взяла книгу и устроилась на веранде. Вскоре раздался телефонный звонок на ресепшен. Софья ответила, разговор получился долгим, но до меня долетали лишь обрывки фраз. Однако, закончив разговор, Софья появилась на веранде и сообщила:

— Из полиции звонили. По поводу Пырьева.

— Должно быть, сын к ним обратился, — кивнула я, давая понять, что не вижу в звонке ничего удивительного, и уж точно не принимая недовольство Софьи на свой счет. — Что вы им сказали?

— А что я могу сказать? — поморщилась она. — То же, что и вам. Он уехал рано утром. Ключ оставил на стойке. За номер заплатил вперед. Еще и продлить хотел, но вдруг передумал. Я не видела, как он уехал, но ключ лежал на стойке, а вещей в его номере не было.

Создавалось впечатление, что она саму себя пытается убедить в этом.

— Они спросили, на чем он отсюда мог уехать?

— На такси, наверное. Автобус так рано не приходит. Я слышала шум мотора, но машину не видела.

— Установить, заказывал ли он такси, совсем нетрудно, — кивнула я.

— Может, за ним кто-то из знакомых приезжал, — проворчала она, и вновь я почувствовала эту ее тоску. И подумала: вряд ли Пырьева найдут живым. Мысль, в общем-то, не такая уж неожиданная, учитывая все, что мы к этому моменту узнали.

— Разберутся, — беспечно ответила я и тут же почувствовала, как тоску сменил гнев, обращенный на меня. Разумеется, не из-за этой фразы. Софья наверняка считает, что это мы разрушили ее мир своим вмешательством. Неужели она наивно полагала, что Пырьева не будут искать?

Я сделала вид, что продолжаю чтение, и Софья вскоре ушла. А еще через несколько минут я заметила Ивлева. Стараясь не привлекать внимания, он шел, держась ближе к кустам. Юркнул во двор. Софья в это время была на ресепшен, скрипнула дверь, и стало тихо. Значит, парочка не собиралась разговаривать в гостинице, предпочтя другое место. Скорее всего, квартиру Софьи.

Я отправилась в номер, где уже привычно перемахнула через подоконник. Дверь в сарай была открыта. Я подошла ближе, уже не сомневаясь, что Софья и Ивлев там.

— Ты понимаешь, идиотка, чем это может кончиться? — услышала я голос Ивлева. Он говорил очень тихо, но был не просто раздражен — его трясло от бешенства.

— Чего ты от меня хочешь? — с вызовом спросила она.

— Объясни своему щенку...

— Не смей его так называть...

— Извини. Что это я? Как можно оскорбить такого прекрасного мальчика? — издевательски заметил Ивлев. И тут же добавил: — Колония по нему плачет, и по тебе, кстати, тоже.

— Из полиции звонили, по поводу Пырьева, — со вздохом сообщила Софья.

— Ну и что? Ясно было, что позвонят.

— Но... — начала Софья, Ивлев тут же ее перебил:

— Поговори с мальчишкой! Или я сам с ним поговорю. Дай сюда эту дрянь...

Я услышала, как рвется бумага.

— Не смей даже близко подходить к моему сыну! — прошипела Софья.

— Не то что? — издевательски спросил Ивлев и вскоре вышел из сарая.

Я едва успела спрятаться за угол. В руках у него был альбом с рисунками Вени. Ивлев подошел к мангалу, бросил в него разорванные в клочья рисунки. Чиркнул зажигалкой, бумага вспыхнула. Я подумала, что нам не мешало бы взглянуть на рисунки, которые так разозлили Ивлева. Интересно, что там было? Маяк? Девушка-узница? Или то, чего мы раньше не видели? И не увидим. Потому что Ивлев не собирался уходить, пока бумага не превратилась в пепел. Но этого ему показалось мало. Дождавшись, когда огонь потухнет, он взял палку и перемешал пепел.

Софья, покинув сарай, сидела на ступеньках, наблюдая за Ивлевым.

— Ты все поняла? — поворачиваясь к ней, резко спросил он. И, не дожидаясь ответа, ушел.

Я подумала, что могла бы подойти к женщине и вызвать ее на откровенный разговор. Но тут же очень четко ощутила ее эмоции.

Гнев, ненависть, желание все сокрушить на своем пути. Стало ясно: все разговоры сейчас бессмысленны. Софья медленно поднялась и пошла к себе. А я ретировалась на веранду.

Вадим вернулся ближе к обеду. Еще только взглянув на него, я поняла: есть новости.

— Хозяюшка, как насчет пивка? — заголосил он, поднимаясь на веранду.

Софья не ответила, должно быть, находилась в своей квартире. Вадим направился к холодильнику и взял две бутылки пива.

— Пока нас еще не выперли, воспользуемся сервисом, — усмехнулся он, садясь напротив.

— У нее был Ивлев, — сообщила я. — Они немного поскандалили из-за Венкиных рисунков.

— Ивлеву в принципе его художество не нравится или что-то конкретное?

— Думаю, конкретное. Да жаль, не знаю, что.

— Да, любопытно было бы взглянуть.

— Это вряд ли. Ивлев рисунки сжег.

— Ничего. Было бы желание, парнишка еще нарисует. У меня есть новость, — прихлебывая пиво, продолжил он. — В то утро, когда Пырьев предположительно уехал, сосед видел старенькую «Хонду». Говорит, рано утром пошел по нужде, услышал шум двигателя и выглянул в окно.

— На номер внимания, конечно, не обратил?

— Обратил. Номер был грязью заляпан.

— Ну да. Накануне шли дожди...

Тут я внимательно посмотрела на Вадима, он усмехнулся.

— Ты думаешь, эта та «Хонда», которую мы с тобой видели?

— Вот именно, так я и думаю, — кивнул он. — Мне все это время не дает покоя мысль: куда в прошлый раз подевалась эта тачка? Учитывая очень непростой ландшафт и исторические реалии... Короче, уверен, нас ждет сюрприз.

— Машину прячут где-то на берегу?

Шесть лет назад, когда исчезла мать Вики, соседи видели «Хонду». В день предполагаемого отъезда Пырьева мы тоже ее видели. Возможно ли, что некто использует ее на протяжении последних шести лет, а местные до сих пор не в курсе, кто хозяин? Если он не хочет, чтобы об этом знали, и пользуется ею только в крайнем случае...

— Сомневаюсь, что ее будет просто найти, — сказала я.

— Мы ее найдем. Вот только пиво допьем, и найдем, — усмехнулся Вадим.

На поиски мы отправились через полчаса. Начали с того места, где в прошлый раз увидели машину, и попытались восстановить ее дальнейший маршрут, на это ушло больше часа. Наконец мы выбрались к реке, и вот тогда я увидела ветхий забор из сетки-рабицы.

— А это что? — спросила я в замешательстве.

Забор держался на пяти столбах, два из которых вплотную примыкали к довольно высокому холму. Трудно было понять, этот холм — природное сооружение или дело рук граждан? Учитывая местную историю, могло быть и так, и эдак. Створки ворот были стянуты цепью, на которой болтался навесной замок. Рядом — табличка с характерным рисунком: череп и скрещенные кости с надписью «опасно».

— И что это, по-твоему? — повторила я, продолжая разглядывать забор.

— Сейчас узнаем, — отозвался Вадим и взялся за замок.

Наличие отмычек меня не удивило — я знала, что они входят в его джентльменский набор, удивило намерение попасть на огороженную территорию.

— Там же ничего нет, — сказала я.

Волошин уже открыл замок, повесил его на цепь и распахнул створку ворот. Присел на корточки и стал разглядывать землю у себя под ногами — каменистую, поросшую редкой травой. Затем направился к холму. На его вершине находился знак «Внимание! Копать запрещено».

— Какой-то бывший военный объект? — догадалась я.

— Затрудняюсь предположить, что здесь могло понадобиться военным, — вновь присев на корточки и разглядывая склон, сказал Вадим.

— Ну, не знаю... Ракетная точка...

— В таком месте? Смотри-ка, — усмехнулся Воин и ткнул пальцем в траву.

— Смотрю, но однозначно не вижу того, что видишь ты.

— Трава отличается.

— Правда?

Я присмотрелась повнимательней. Может, трава и отличалась. Та, что у наших ног, казалась более светлой. Вадим между тем достал нож и принялся ковырять им землю. И почти сразу весело хохотнул. А потом и до меня дошло, что перед нами. Дерн маскировал ворота, которые какой-то умелец сделал из шифера. Воин, недолго думая, ударил ногой один раз, второй — и шифер проломился. Еще двумя ударами он расширил дыру. Все это время я пыталась представить, что это за сооружение и зачем понадобилось. А главное, предусмотрена ли статья Уголовного кодекса на случай таких вот вторжений. Вадим достал фонарик и осветил помещение, в которое вели ворота.

Пещера. Скорее всего, искусственная. Кое-где камни обвалились и был виден земляной свод. Пещера абсолютно пуста, что меня скорее порадовало. А ну как и вправду вломились бы на военный объект?

Однако Вадим своей затее не оставил — пролез в образовавшуюся дыру и стал осматриваться, светя фонариком. Подумав, я полезла за ним, хотя не видела в этом никакого смысла. Он между тем наклонился, провел рукой по полу из каменных плит, поднес руку к лицу и принюхался.

— Ну вот. Гараж мы уже нашли, — сказал Вадим.

— Гараж? — не поняла я.

— На полу — машинное масло. «Хонда» старенькая, должно быть, где-то подтекало. Думаю, еще вчера она стояла здесь. А может, и сегодня. Но по здравом размышлении от тачки решили избавиться. Перегнали в другое место или просто утопили, — кивнул он в сторону реки.

— Да с какой стати? — возразила я.

— С такой, что наш Пырьев отправился на ней в свое последнее путешествие. И мать Вики, скорее всего, тоже.

— Кто-то использовал машину для похищения людей? — с сомнением спросила я.

— У меня скверное чувство, что нарисовался очередной маньяк, — вздохнул Воин. — Ты знаешь, как я отношусь к этой публике, но они ко мне так и липнут. К нам, я хотел сказать.

— Почему сразу маньяк? — проворчала я.

— Потому что нормальному человеку незачем держать машину в

таком вот месте, вдали от любопытных глаз.

— Допустим, он приехал за Пырьевым, а потом вернулся, — сказала я. — Тогда мы его и видели. Времени прошло много, ведь Пырьева он забрал часов в пять утра.

— Не забывай, ему еще надо было попасть на поезд и избавиться от нашего незадачливого друга. Даже если он не стал его расчленять и разбрасывать по соседним деревням... — Увидев мою физиономию, Вадим развел руками и продолжил: — Времени это все равно потребовало немало.

— Но если это та самая машина, на которой шесть лет назад уехала в никуда мать Вики... Скажи на милость, какое это имеет отношение к Пырьеву? Или наш маньяк специализируется на путниках, решивших покинуть Мальцево в неурочное время?

— А кстати, мысль, — кивнул Вадим. — Не забывай, у нас двое бесследно исчезнувших, даже трое, если считать Пырьева. Мать Вики и муж Софьи.

— Ты ведь не думаешь, что маньяк — это Софья и есть?

— Не думаю, потому что шесть лет назад ее здесь еще не было. Но она, безусловно, знает или догадывается, что случилось с ее мужем. Как и Пырьев, на свою беду.

— Хорошо, — кивнула я, выбираясь на свежий воздух, — находиться в пещере было тяжело. — Скажи, как наш маньяк смог уговорить Пырьева сесть в машину? Узнал, что тот собирается уезжать, и явился раньше такси? Значит, до этого момента Пырьев его не встречал?

— Сомневаюсь, что он утруждал себя маскарадом. Пырьев мог отправиться в путешествие уже в бесчувственном состоянии. А поезд и прочее нужны лишь для того, чтобы убедить ментов: наш сыщик здешние места благополучно покинул. Интересно, почему от «Хонды» решили вдруг избавиться? — тоже выбравшись на свет божий, задался вопросом Воин.

— Забеспокоились, что ее найдут? — предположила я и добавила: — Не могу поверить, что здесь ее прятали несколько лет.

— Это как раз не удивляет, если учитывать, в какой стране живешь.

— Но село совсем рядом.

— Точно. Однако земля эта уже не в ведении сельсовета. Районная власть далеко, кому надо разбираться, кто забор поставил и зачем? И что здесь вообще было когда-то? Придется заглянуть к нашему историку — вдруг просветит?

— Если честно, я окончательно запуталась в происходящем, — пожаловалась я.

— Ничего, — утешил Вадим. — Все самое запутанное когда-нибудь да

распутывается.

Мы не торопясь возвращались в село, когда я вдруг ощутила беспокойство, поначалу слабое, беспричинное, не беспокойство даже, а скорее его предчувствие. И начала настороженно оглядываться. Вадим довольно быстро обратил на это внимание.

— Что-то не так? — спросил он.

— Сама не пойму, — ответила я и вдруг сказала: — Надо вернуться.

— Куда? В пещеру?

Я пожала плечами, бестолково топчась на месте. И посмотрела в сторону кустов. Отсюда до них было довольно далеко, но беспокойство все росло, набирая силу.

— Ну, давай, покажись! — пробормотала я, теряясь в догадках: то ли призрак решил переместиться и теперь находится где-то за моей спиной, то ли мои чувства дают сбой.

Беспокойство уверенно набирало обороты, но я не понимала, что происходит. Голова кружилась, наворачивалась тошнота, и я подумала, что запросто могу свалиться в обморок.

«Может, меня отравили?» — явилась мысль, столь же нелепая, сколь и правдоподобная, учитывая происходящее. Кто отравил, Софья? А смысл? Вадим, судя по всему, дискомфорта не испытывал, правда, на меня взирал с тревогой. По крайней мере, он в порядке, что уже хорошо.

И тут вдруг откуда-то всплыла фраза: «Ни живой, ни мертвый». Из каких глубин моего сознания она явилась, кто знает, но эта фраза заставила взглянуть на происходящее иначе.

«Успокойся», — мысленно приказала я себе и вспомнила уроки Бергмана. Успокоиться, избавиться от мыслей и просто слушать... Просто слушать. Я стояла закрыв глаза, ровно дыша, вдох-выдох, чувствуя рядом присутствие Вадима, теплую волну сочувствия, исходящую от него. А потом... потом прошел холодок, словно перед встречей с мертвым, и тут же — всплеск чужого страдания. Я как будто отчетливо услышала стон, хотя вокруг было тихо — природа с ее обычными звуками. И вдруг я все ощутила полно и ясно: порхание крыльев бабочки, жужжание пчелы на цветке, движение муравьиных ножек по земле, а потом — все глубже, вниз, вниз...

Надо полагать, в обморок я все-таки свалилась.

— Лена, Лена! — испуганно повторял Вадим, и когда я открыла глаза, то поняла, что лежу в траве, а он поддерживает мою голову, склонившись к моему лицу. — Ты меня здорово напугала.

— Он где-то здесь, — пробормотала я.

— Кто? — не понял Вадим, я бы тоже не поняла.

Я села, подобрав под себя ноги, и помассировала переносицу, пытаясь избавиться от боли.

— Он или она. Без сознания, но еще живой. Где-то под землей.

Мы одновременно стали оглядываться. Вадим выпрямился и помог мне подняться.

— Как по-твоему, это далеко отсюда? — спросил он. Я виновато пожала плечами.

— Не знаю. Вряд ли бы я что-то почувствовала, будь это далеко.

— Я правильно понял? Где-то здесь, в пещере, колодце или какой-то яме, находится человек?

Мы вновь огляделись. Нагромождение камней слева, чуть дальше — густой кустарник.

— Ладно, — кивнул Вадим, — оставайся здесь, а я все как следует осмотрю.

«Человек без сознания, но еще жив, — сказала я себе. — Он может умереть в любую минуту. У нас нет времени... У него нет. — Я сделала глубокий вдох, мысленно обращаясь неизвестно к кому: — Веди меня».

Это было как сигнал, слабый, едва различимый. Но он был. Я сделала шаг, потом второй. Прислушалась. Повернулась на девяносто градусов и сделала еще шаг. Сигнал теперь слышался явственней. Я открыла глаза, и он тут же пропал. Значит, с закрытыми глазами мне проще концентрироваться. Что ж, пойдем вслепую.

Вадим, заметив мои манипуляции, поспешил подойти, молча взял меня за руку. И вновь я почувствовала теплую волну, исходящую от него. «Любовь, — подумала я отрешенно, точно все это меня не касалось. — Он меня любит». И испугалась, что сигнал затеряется.

Но я слышала его, и теперь, когда Вадим держал меня за руку, пошла быстрее.

— Вот здесь, — очень скоро сказала я и открыла глаза.

Мы стояли у самых кустов, в полуметре от моих ног лежал большой плоский камень.

— Ладно, — кивнул Вадим и попытался его сдвинуть.

Я была уверена, что ему это не удастся — камень сам по себе тяжелый, да еще наверняка успел врасти в землю. Но он поддался довольно легко.

— Ни хрена себе! — воскликнул Воин, то ли своим способностям удивляясь, то ли моим, и взялся за камень с удвоенным рвением.

Под камнем в земле была дыра с неровными обваливающимися краями, диаметром больше полуметра. Человек мог туда протиснуться,

даже такой крупный, как Вадим. Но мне и думать не хотелось, что кому-то из нас придется туда спускаться. Я подошла и посмотрела вниз. Поначалу ничего разглядеть было невозможно. Но теперь я совершенно точно знала: там, в глубине, кто-то есть.

Вадим достал фонарик и, держась за край ямы, свесился вниз, после чего выругался вторично.

— Вызывай МЧС, — сказал он, поворачиваясь ко мне. В его взгляде было изумление, а еще настороженность. — Ты его нашла, — сказал он и покачал головой. — Охренеть!

— Кого нашла? — растерялась я.

— Кто ж знает? Какого-то бедолагу. Он не двигается, но если ты говоришь, что он жив...

Бригада МЧС прибыла в рекордные сроки. Я вышла к дороге, чтобы их встретить. К тому моменту мы с Вадимом уже условились, что будем говорить и как себя вести, решив обойтись полуправдой. Вадим был убедителен: кто ж поверит, что я отыскала под землей человека, руководствуясь каким-то мутным сигналом? Подобная откровенность — верный способ возбудить подозрения и заполучить неприятности. Поэтому наша версия выглядела так: мы прогуливались, намереваясь попасть на маяк, услышали стон, поначалу решили, что нам показалось, но стон повторился. Мы попытались выяснить, откуда он доносится, и возле кустов обнаружили яму, в которой и находился человек. Докричаться до него не удалось, по-видимому, он без сознания.

Машина подъехала почти вплотную к кустам, насколько позволяли камни. Прибывших было пятеро, один из них, как Вадим недавно, заглянул в яму с фонарем в руке.

— Я спущусь, — сказал он, поднимаясь с колен. — На месте оценю ситуацию.

Работали они сноровисто. Вскоре мужчина был внизу и крикнул:

— Вроде живой. Здесь каменный мешок. Мы сможем расширить отверстие?

— Наверное. Вопрос, сколько на это уйдет времени.

— Боюсь, времени у нас как раз и нет.

Они еще некоторое время совещались. К тому моменту прибыла «Скорая». Какие повреждения получил мужчина, было неясно, однако решили срочно поднимать его наверх. Само собой, нас попросили держаться подальше, но не гнали. Я была уверена, очень скоро здесь соберется все село. Однако, странное дело, появление машины МЧС, а потом и «Скорой» вроде бы осталось незамеченным.

И тут я увидела Веньку. Он стоял метрах в ста, ближе к дороге, и наблюдал за происходящим. В этот момент мужчину с большой осторожностью подняли вверх и положили на носилки. Бледное до синевы лицо, запавшие глаза. Руки, раскорябанные в кровь. Казалось, между человеком, лежащим на носилках, и пронырой Пырьевым нет ничего общего. Но это был он.

— Везунчик, — усмехнулся Вадим, видя, как его загружают в «Скорую». — Я-то думал, он уже рыбок кормит. — Я взглянула укоризненно, а он продолжил: — Мужiku надо до конца жизни ставить тебе свечи во здравие... Впрочем, выглядит он хреново. Очень может быть, что свечек ты не дождешься.

В этот момент к нам присоединился Венька. Вытянув шею, попытался разглядеть, что происходит в «Скорой».

— Это вы его нашли? — спросил он, поворачиваясь ко мне.

— Мы. Услышали стон...

— Услышали? — недоверчиво поинтересовался парень и добавил, нахмурившись: — Вы их вправду видите?

— Кого?

— Покойников.

— Ну, Пырьев не покойник... — пожала плечами я, надеясь, что эмчээсовцы нас не слышат.

— Мне его не жалко, — заявил мальчишка и посмотрел мне прямо в глаза. Признаться, я растерялась.

— Может, Пырьев и не очень приятный человек, но он человек, и точно не заслуживает смерти в этом каменном мешке.

— Откуда вы знаете? — все так же серьезно спросил Венька.

— Что? — не поняла я.

— Что не заслуживает?

Он развернулся и бегом бросился к селу.

— Занятный отрок, — прокомментировал Вадим. — Уж не он ли нашего сыщика определил в карцер?

«Скорая» поспешно уехала, а двое из эмчээсников подошли к нам.

— Врачи сказали, что у него сломана нога и сотрясение мозга, других тяжелых травм вроде бы нет. Обезвоживание и недостаток кислорода. Неизвестно, сколько он пробыл в этой яме.

— Исчез он несколько дней назад, — заметил Вадим и добавил: — Мы думали, уехал.

— Так вы знакомы?

— Жили в одной гостинице, тут неподалеку. Он вроде рыбак...

— Мужик в рубашке родился. Его ж могли здесь никогда не найти. И как он только угодил в эту яму?

Я рассчитывала, что на все вопросы ответит сам Пырьев. Если серьезных травм нет, значит, он выкарабкается. И мы будем знать, кто отправил его в каменный мешок. Эмчеэсовцы не сомневались, что это несчастный случай, а мы не сомневались, что от Пырьева пытались таким образом избавиться. Ужасная мучительная смерть в абсолютной темноте, с безумной надеждой, что спасение возможно. Даже представлять не хотелось, что он пережил за эти дни.

— Вы сказали, он остановился в гостинице? — продолжил задавать вопросы мужчина. — Значит, данные его там сохранились? Надо связаться с родственниками.

Вскоре мы простились, отказавшись от предложения подвезти нас до гостиницы. Когда мы подошли к «Лилии», машин МЧС там уже не было.

В гостинице царила тишина, словно все ее обитатели внезапно исчезли. Однако впечатление оказалось обманчивым. В холле я обнаружила Софью. Она сидела на диване и смотрела в окно с таким отсутствующим выражением, точно спала с открытыми глазами. На меня она не обратила внимания — то ли не слышала, что я вошла, то ли мое присутствие было ей безразлично. Только я собралась заговорить, как она вдруг сказала:

— Гостиница закрывается. Вы должны уехать.

— Сегодня? — спросила я. Она молча кивнула. — Веня рассказал вам, что Пырьева нашли? — устраиваясь на диване рядом с ней, поинтересовалась я.

— Веня?

Она повернулась и теперь смотрела с недоумением, точно не поняла моих слов.

— Он видел, как его вытаскивали из ямы. Я думала, он рассказал вам...

— Понятия не имею, где носит этого мальчишку. Приезжали эти люди... Они из полиции?

— Из МЧС.

— Да, наверное... Интересовались адресом Пырьева. И всем остальным.

— Значит, он не уехал, — заметила я, прислушиваясь к ней. Никакого всплеска эмоций, только усталость и равнодушие.

— Не уехал, — кивнула она.

— Странно, вы ведь сказали, за ним приезжала машина.

— Приехала и уехала, не дождавшись клиента.

Машина, по понятным причинам, очень меня интересовала. Я попробовала представить, как могли развиваться события. Ничего не подозревающий Пырьев сел в машину, по дороге его либо оглоушили, либо усыпили... И сбросили в яму? Надеюсь, узнать своего похитителя он сможет. Если же ему не повезет и все закончится скверно, то, каким образом он оказался в яме, навсегда останется загадкой. В МЧС спишут это на несчастный случай: собирался человек уезжать, оставил ключ на ресепшен, отправился прогуляться в ожидании такси — и такая незадача с ним приключилась... Но ведь как-то придется объяснить отсутствие его вещей. Их не было ни в номере, ни в холле. Так утверждала Софья. А еще кто-то по его паспорту сел в поезд. Будет ли кому задаваться этими вопросами? У Пырьева есть сын, и попытаться разобраться в этой истории он обязан. Слава богу, Пырьев жив. С какой стати я его хороню раньше времени?

Я вернулась на веранду, где оставила Вадима, но его там не оказалось. Не было его и в номере. Почувствовав беспокойство, я схватила мобильный, собираясь звонить, и тут увидела в окно, как Вадим выходит из сарая. На плече у него висел рюкзак. Выбрав самый короткий путь, я, открыв окно, перемахнула через подоконник и пошла ему навстречу.

— Софью нашла? — спросил Вадим. Я кивнула. — Как она пережила большую радость?

— Предложила нам съехать, — сказала я.

— Не беда, переедем к Зиновьеву. Нам сейчас в город возвращаться не с руки, здесь начинается самое интересное.

— Что ты задумал? — кивнув на рюкзак, спросила я.

— Хочу взглянуть на место заточения Пырьева. Вот и заглянул в сарай. Кое-что полезное нашлось...

— Хочешь спуститься? Зачем? — нахмурилась я.

— Так... Есть кое-какие мыслишки.

— Тогда я с тобой.

— Со мной полезешь? — усмехнулся он.

— Нет. Хочу быть уверенной, что с тобой ничего не случится.

— Я взрослый мальчик, но за заботу спасибо. Надеюсь, она продиктована любовью и нежеланием меня потерять.

— Лучше не скажешь.

Мы вернулись в номер, чтобы переодеться. Сарафан я сменила на спортивные штаны и футболку, сандалии — на кроссовки. Вадим тоже переоделся в спортивный костюм, подхватил рюкзак, и мы отправились к тем самым злополучным кустам. Камень спасатели вернули на место,

чтобы в дыру не провалился еще кто-нибудь. Вадиму вновь пришлось его отодвигать.

— Охренеть, какой затейник! — ворчал он.

— Кто?

— Наш дорогой друг, который так оригинально расправляется с неугодными. Ты-то, надеюсь, не сомневаешься, что Пырьев попал сюда не случайно?

— Упал, подпрыгнул, задвинул камень и приготовился встретить свою кончину? Чересчур сложный способ самоубийства.

— Да уж...

Из рюкзака Вадим достал веревку, обвязал ее вокруг камня, сделал на конце петлю, чтобы удобней было держаться, и начал спуск. Довольно скоро он достиг дна и встал в полный рост.

— Глубина метра четыре! — крикнул он. — Шансов выбраться самостоятельно никаких.

Вадим включил фонарик, луч света плясал на неровных стенах пещеры. Все время, пока Волошин находился внизу, меня не покидала тревога. Я то и дело оглядывалась, а еще — прислушивалась к своим ощущениям. Непохоже, что рядом кто-то был. Но тревога не проходила.

Наконец Вадим выбрался на поверхность, сел на край ямы, свесив вниз ноги, и вытер потный лоб.

— Воздух спертый, но Пырьеву повезло. Свод еще в одном месте обвалился, дыра совсем небольшая, где-то там, — Вадим ткнул пальцем за свою спину. — Но воздух через нее все же поступал. И это не позволило Пырьеву задохнуться.

— Жуть, — сказала я, невольно поежившись. — Ты ведь полез туда не только для того, чтобы узнать, как Пырьеву удалось выжить?

— Не только, — кивнул Вадим, поднимаясь и сдвигая камень на место. — Скажи, милая, что тебе напомнил этот каземат?

— Рисунок Вениамина? — вздохнула я. — Ты ведь не думаешь...

— Не спеши, — перебил он, устраиваясь на камне лицом ко мне. — Допустим, Пырьев узнал некую страшную тайну. Почему бы его тогда просто не убить? А потом не спрятать тело?

— Потому что убийца — маньяк, и такой изощренный способ убийства как раз в его натуре.

— Или у него на то, чтобы, к примеру, проломить Пырьеву голову, просто сил не хватило?

— Ты хочешь сказать... — испуганно покачала головой я.

— Давай посмотрим на все это с другой точки зрения, — продолжил

Вадим. — Что мы имеем? Семью из трех человек, где гад-папаша терроризирует жену и сына. Они от него сбегают, начинают новую жизнь, вполне счастливую, между прочим. И тут вновь появляется папаша, чтобы порушить на фиг эту счастливую жизнь. Но пацан за это время малость подрос.

— И они с матерью решают отстаивать свое счастье? — подсказала я.

— Вдвоем с матерью или он один. Венька шляется по округе и наверняка ее знает лучше многих местных. Сколько здесь таких каменных мешков? — кивнул Вадим себе под ноги. В каком-то из них наверняка упокоился изверг-папаша. Но на этом дело не закончилось. Появляется Пырьев. Он подозревает Софью и, возможно, Ивлева как ее вероятного сообщника. И вскоре оказывается под землей, шанс оттуда выбраться ничтожно мал, но он все же есть. Так какой смысл убийце рисковать?

— Хочешь сказать, Венька заманил его сюда и просто толкнул в яму? Это тоже непросто. Я имею в виду, дыра недостаточно велика, чтобы в нее свалиться. Пырьев попытался бы ухватиться руками за тот же камень.

— Критику принимаю. Мы не знаем, как пацан это проделал, зато моя версия объясняет, почему Пырьева не убили сразу. А дальше совсем просто: Софья, узнав о том, что сотворил ее сынок, пытается отвести от него подозрения.

— И обращается за помощью к Ивлеву? В этом причина их размолвки и его не сложившихся отношений с Венькой? Любящий мужчина пришел на помощь, но прекрасно понимает, кого они с Софьей вынуждены покрывать. Черт... Согласна, твоя версия многое объясняет. Но какое все это имеет отношение к исчезновению матери Вики?

— А никакого, — развел руками Вадим. — Возможно, она скончалась от рук убийцы, а может, кто-то сбил ее на дороге и с перепугу бросил умирать в один из каменных мешков. Вот тебе и мучительная смерть.

— А рисунки Вени — лишь фантазии... — кивнула я. — Остается только «Хонда». Зачем ее кому-то прятать?

— Вопросов по-прежнему вагон, — сказал Воин, поднимаясь. — А нас ждет обед и переезд к Зиновьеву.

Переезд много времени не занял. Веньки в гостинице не было, Софья в разговоры с нами не вступала, взяла ключ и тут же удалилась. Ее подавленность за это время только усилилась. Ничего удивительного, Пырьев в больнице, есть шанс, что быстро пойдет на поправку и, разумеется, сможет рассказать, как он оказался в каменном мешке.

«Странно, что они еще не сбежали, — думала я. — Наша версия гроша ломаного не стоит, или Софья надеется — раз Венька подросток, все это

сойдет ему с рук? Зато гостиницу бросать не придется...» Честно говоря, все это в голове не укладывалось. Венька, может, и со странностями, но мне казался вполне нормальным парнем. Однако кто знает, как поведет себя подросток, защищая мать и свою благополучную жизнь, если заповедь «не убий» для него — не более чем расхожее выражение?..

Я рассчитывала встретиться с Венькой, но не для того, чтобы вынудить его признаться, а чтобы понять, насколько мы правы в своих подозрениях.

По дороге в наше новое жилище мы заехали в магазин купить кое-что из продуктов. Вадим предложил мне заняться благоустройством нашего быта, намекнув, что успел устать от ресторанной еды, а сам отправился к краеведу. Я же позвонила Димке, сообщила последние новости и рассказала о версии Вадима.

В тот момент, когда я ее рассказывала, все нестыковки стали особенно явными, и я тут же усомнилась в нашей правоте. Но у Димки версия особых возражений не вызвала.

— О самочувствии Пырьева справки наведу, а вы там поосторожнее. Звоните почаще, чтобы я знал, чем вы заняты... И где вас следует искать, — добавил он со смешком.

Я занялась ужином, однако это не отвлекало от мрачных мыслей — я продолжала думать о Веньке и его матери. И в конце концов убедила себя в том, что мне немедленно нужно поговорить с мальчишкой. Я уже совсем собралась было отправиться на его поиски, но тут вернулся Вадим.

— Пахнет божественно! — воскликнул он с порога. — Женщина в доме — великое счастье. Странно, что я раньше этого не замечал.

— Действительно странно. Особенно с твоим богатым выбором...

— Наверное, они просто не умели готовить.

— Я тоже не умею, так что особо не обольщайся.

— Но пахнет-то вкусно.

— Может, этим все и кончится. У тебя есть новости? — приглядываясь к нему, спросила я.

— Есть, — кивнул он и улыбнулся. — Давай корми, а я буду рассказывать.

Испытывая мое терпение, он долго принимал душ, потом расхваливал вид из окна и мои кулинарные способности, пока я не продемонстрировала ему скалку, обнаруженную мною на кухне во время готовки.

— Начну с пещеры, где прятали машину, — тут же перешел к новостям он. — В советское время ее использовали как склад, хранили там селитру. Потом просто забросили. Наш краевед даже не сразу понял, о чем

речь. Когда я поведал ему о чудесном спасении Пырьева, долго цокал языком, то ли радуясь, то ли печалясь, и рассказал занятную вещь. Лет двадцать назад здесь были сильнейшие пожары, произошло несколько несчастных случаев — люди проваливались под землю. Два случая с увечьем, а один со смертельным исходом, если верить старикану. Тогда подземными ходами занялись всерьез, в общем, по мнению краеведа, если и были какие-то схемы, то их наверняка передали пожарным, что логично. А главный пожарный у нас кто? Был в недалеком прошлом, я имею в виду?

— Ивлев вновь под подозрением? — спросила я.

— Ну, окончательно я бы его со счетов не сбрасывал. Звони Димке, пусть попробует узнать, были у пожарных какие-то схемы здешних подземелий или нет. И еще. Убитый или покончивший самоубийством детектив Сапрунов, уж кому как нравится, в Мальцеве был. Краевед встретился с ним возле озера. Сапрунова очень интересовала старенькая «Хонда»: кому из местных она могла принадлежать. Но краевед такой машины не припомнил. Ивлевым детектив тоже интересовался, ненавязчиво выпрашивал, что за человек. Мол, недружелюбно вел себя при встрече, вот и хотел знать, с чего вдруг такая немилость.

Димке я позвонила после ужина, он сообщил, что Пырьев чувствует себя вполне нормально, сейчас в реанимации, но его жизни ничто не угрожает. Ментов к себе пока не требовал.

— Что ж, остается терпеливо ждать, когда он заговорит, — констатировал Вадим.

Перед сном мы отправились на прогулку. В надежде встретить Веньку спустились к гостинице. Выглядела она нежилой.

— Может, птички упорхнули? — спросил Вадим.

Однако, заглянув во двор, мы убедились: в окнах Софьиной квартиры горит свет. Мать с сыном выжидают, как и мы?

Изображать влюбленных, находясь в доме Зиновьева, не требовалось, и на ночь мы разместились в разных спальнях, правда, напротив друг друга. Мне долго не спалось. Я ворочалась с боку на бок, хотела спуститься вниз и выпить молока, но наконец уснула. Сны были тревожные, я и во сне, должно быть, то и дело ворочалась, а потом меня разбудил какой-то звук. Открыв глаза, увидела, что экран мобильного светится в темноте. Я взяла его с пола, где он лежал, и открыла сообщение. Только одно слово: «маяк», номер скрыт.

— Черт, — пробормотала я, садясь на кровати, и повторила: — Черт...

Первое побуждение — разбудить Вадима, но что-то остановило.

Я поднялась и подошла к окну. Ночь была безлунной, и маяк лишь

угадывался где-то впереди, прячась за завесой тьмы. И вдруг я увидела свет. Яркую точку, которая, вспыхнув, мгновенно погасла. Вспыхнула вновь. И так трижды. Короткая пауза — и опять три вспышки. Это не могло быть случайностью. Это сигнал. Мне?

Я с беспокойством подумала, чем руководствовалась, когда выбирала эту спальню. Не помню, подходила ли я к окну. Наверное. По крайней мере, подойти было естественно. Я выбрала эту спальню, а Вадима поселила напротив. Из окна его спальни маяк не увидишь.

Я напряженно ждала, повторится ли сигнал, и думала: если он адресован мне, как человек, посылавший его, узнал, в какой комнате я нахожусь? Или расчет был на то, что, получив СМС, я решу взглянуть на маяк? Я ведь могла увидеть СМС только утром. Но я проснулась, когда пришло сообщение. Совпадение? Конечно.

«Кто бы ты ни был, — со злостью подумала я, — довольно глупо рассчитывать, что я среди ночи брошусь к маяку. Впрочем, один раз я так и сделала... Но тогда я еще не знала, что тихий сонный поселок — опасная территория, где человек может оказаться в каменном мешке и исчезнуть бесследно».

— Придумай еще что-нибудь, — проворчала я и поплотнее задернула штору.

Утром, спускаясь на первый этаж, я почувствовала запах кофе и удивилась, что Вадим поднялся так рано. Он сидел за столом, уставившись в планшет и прихлебывая кофе из здоровенной чашки.

— Привет, — сказала я.

— Я тебя разбудил? — спросил он, поздоровавшись.

— Нет. Сам-то почему поднялся в такую рань?

— Димка порадовал. Надыбал схему подземных ходов. Правда, весьма приблизительную. Прислал среди ночи. Я еле утра дождался, не терпится взглянуть.

— Это мальчишеское любопытство или ты надеешься что-то там отыскать?

— Ага. Не помешал бы клад, зарытый Храповицким. А что? Поди, было, что от коммуняк прятать. А мне каждая копеечка в радость.

Я подошла, поцеловала его в макушку и взглянула на экран планшета.

— Это и есть схема? — спросила с сомнением.

— Ага. Подземный ход ведет к маяку от бывшей переправы, и еще один — из имения. Все как рассказывал краевед.

— Странно, что Петр Евгеньевич никаких схем найти не смог, хотя вроде бы старался. А вот Димка нашел.

— Димка — это Димка, он может найти даже то, чего в природе не существует.

— Глупости.

— Возможно. Но ты ведь согласишься с тем, что он гениальный чувак?

— Соглашусь.

— Вот. А краевед — мужичок себе на уме, может, тоже что нашел, да не пожелал делиться.

Я приготовила завтрак, поставив Вадима перед нелегким выбором: идти на поиски на голодный желудок или еще ненадолго задержаться. Здравый смысл победил. Впрочем, поесть он любил всегда, так что особо уговаривать не пришлось.

— Я пойду с тобой, — сказала я, домывая посуду.

— Всегда рад твоей компании, милая, но вряд ли экспедиция будет особо приятной.

— Зато мне спокойнее, когда ты рядом.

— Мне тоже. Возьми книжку, полежишь в тенечке, пока я удовлетворяю свое любопытство.

А я подумала: рассказать ему об СМС и огнях на маяке? И одновременно пыталась понять, что меня от этого удерживает.

Вадим уже топтался в холле, и я, прихватив бутылку воды, плед, а также планшет и книгу, присоединилась к нему. Судя по здоровенному рюкзаку, Воин к походу подготовился основательно.

— Что там? — с удивлением спросила я.

— Успел заглянуть в хозяйственный магазин. Большинство из этих вещей вряд ли пригодится, но с ними спокойнее.

Мы бодрым шагом направились к маяку. Но чем ближе к нему подходили, тем настороженнее я в него всматривалась, тревога с каждой минутой росла. Я вновь подумала: почему бы не рассказать Вадиму об СМС? И вновь промолчала.

Подходить близко к маяку мы не стали, и это успокоило. Взяли левее и вскоре вышли на берег реки.

— Располагайся, — кивнул мне Вадим, а сам стал натягивать болотные сапоги.

— Может, не стоит туда лезть одному? — спросила я с сомнением.

— Если через пару часов не вернусь, звони Димке.

— И какая от него польза? — хмыкнула я. — Если через пару часов не появишься, позвоню в МЧС.

— Ну... — пожал плечами Вадим. — Опыт у тебя уже есть.

Он ушел, а я, устроившись на травке, достала планшет и принялась

изучать схему, присланную Димкой. Это неожиданно увлекло, и время пролетело незаметно.

Словно опомнившись, я взглянула на часы и вскочила: Вадим отсутствовал час пятьдесят минут! Я попыталась решить, сразу звонить в МЧС или отправиться за ним. Рассчитывать, что под землей мобильный будет работать, все же не приходится. И тут услышала голос Вадима:

— Без паники, милая, мы снова вместе.

Сапоги он снял и закинул на плечо, шел, ступая по траве босыми ногами. На другом плече висел рюкзак, с него капала вода. Вадим сбросил свою ношу и повалился рядом со мной. Сорвал травинку и принялся ее жевать.

— Как прошла экспедиция? — спросила я.

— Познавательно. Вижу, тебя эти подземные переходы тоже равнодушной не оставили, — кивнул он на планшет.

— Надо же было чем-то заняться. Рассказывай.

— Да особо нечего, — вздохнул он. — Ни кладов, ни узников в цепях. Храповицкий использовал для своих целей бывшие каменоломни, кое-где соединив их переходами. Пещера у пристани совсем крошечная, проход либо обвалился, либо его нарочно взорвали, чтобы граждане зря не шастали и не создавали трудностей. Но по самому верху проползти на брюхе можно, — он ткнул пальцем в схему на экране. — Дальше — вполне нормальный проход, позволяет идти в полный рост. Вот здесь — что-то вроде ворот. Ржавые, но крепкие. Выглядят интригующе. Я был уверен, за ними сундуки с сокровищами. Оказалось, боковой отвод. Думаю, на случай паводка, чтобы подземный ход не затопило, его перекрывали, а при необходимости спускали воду в этот самый отвод. Вот здесь два подземных хода соединяются. В сторону имения оттуда пройти невозможно, свод давно обрушился. По сути, это каменный мешок, который в любой момент может быть затоплен, если уровень воды в реке поднимется. Для этого достаточно и небольшого дождя. Зная сию особенность, те, кто это строили, и придумали систему отводных каналов, которые наглухо закрываются металлическими воротами. Я насчитал четыре штуки. Подъем наверняка осуществлялся автоматически, но где был пульт управления и функционирует ли механизм ворот до сих пор, большой вопрос.

— Ты дошел до маяка? — спросила я.

Он чуть помедлил с ответом.

— Нет. Наткнулся на очередной обвал и решил дальше не соваться. Здесь, конечно, рай для любителей экстрима, но без схемы вход в тоннели не найдешь. А ее нет в открытом доступе.

— В данном случае это скорее хорошо, — усмехнулась я. Вадим пожал плечами.

— Я не терял надежды найти сокровища.

— Да ладно, — засмеялась я.

— Не вижу ничего смешного. Найти клад — моя заветная мечта. Между прочим, я мечтал об этом лет с десяти, как только прочитал «Маугли». Затерянный город, россыпи драгоценных камней...

— И при чем здесь Храповицкий?

— Мог бы спрятать хоть какую-то хрень, мне на радость. Накрылась мечта, ну и ладно. Зато совершенно ясно: трупы тут штабелями тоже никто не укладывал.

— Трупы? — переспросила я. — Ты что же, думал, Венькин рисунок...

— Кто ж знает этого пацана? — вздохнул Вадим. — Может, у него развлечение такое — сталкивать бедных граждан в жуткие ямы, а сверху камнем припирать?

— Камень он бы не сдвинул, — серьезно сказала я.

— Если использовать крепкую палку как рычаг, мог.

— Я не верю, что это он, — покачала головой я.

Вадим на это никак не отреагировал.

— Хочу съездить в город, — поднимаясь, сказал он. — Выясню, что там с Пырьевым. Пора узнать о его приключениях.

— Ты один хочешь ехать? — с некоторым удивлением спросила я.

— Заскочу к знакомому следаку — и сразу назад. Ужин приготовишь? Вчера ты меня потрясла своими кулинарными способностями, и я готов потрястаться дальше.

— Ты просто наглый тип, — усмехнулась я, собирая свои вещи.

Вадим уехал почти сразу, а я спустя некоторое время подошла к окну, долго смотрела на маяк, потом на мобильный, лежащий на подоконнике.

«Сейчас позвонит», — подумала я, словно пытаюсь гипнотизировать телефон, но он молчал.

Не очень понимая, зачем это делаю, я покинула дом и направилась к маяку. Чем ближе я к нему подходила, тем меньше задавалась этим вопросом. Я шла, торопясь поскорее оказаться там, точно всерьез надеялась найти все ответы.

Он возвышался в сотне метров от меня, отбрасывая неровную тень, которая медленно подбиралась к моим ногам. Калитка была распахнута настежь и чуть поскрипывала. Но удивило не это. Дверь. Дверь, ведущая на маяк, была открыта. Я видела темный прямоугольник дверного проема, за

которым сгущалась темнота.

Поравнявшись с дверью, я прислушалась. Вздохнула и поднялась на единственную ступеньку. Я могла поклясться, что здесь никого нет. Ни одной живой души, так будет точнее. И вместе с тем была уверена: распахнутая дверь — это приглашение. И ждут здесь именно меня.

Я сделала еще один шаг и оказалась в помещении круглой формы. Комната была невелика. Это удивило, снаружи маяк казался больше. Отсюда начиналась винтовая лестница, железная, с коваными перилами. Я подошла ближе. Ступени отсутствовали, целый пролет. Наверное, их сняли, чтобы тот, кто сюда проникнет, не смог подняться наверх.

Ухватившись за перила, я задрала голову и увидела высоко над собой стеклянный фонарь. Тут же возникло желание к нему подняться. Используя перила, попытаться было можно. И вновь вопрос «зачем?» не возник. Заскрипели дверные петли, я испуганно повернулась к входной двери, но она по-прежнему была открыта. Торопливо оглядевшись, увидела еще одну дверь, чуть приоткрытую.

— Ладно, — сказала я. — Давай поиграем.

И направилась к двери. Оказалось, здесь есть еще одна лестница, в стене маяка. Узкая, со ступенями из кирпича, которые успели выщербиться, а кое-где и обвалиться. Но поднялась я без проблем. Через открытый проем, в котором раньше, возможно, была дверь, вошла в комнату, точную копию той, что внизу, только меньше — диаметр маяка к вершине уменьшался. Железная лестница в центре здесь тоже лишилась ступеней. Помещение было абсолютно пустым. Сквозь доски на заколоченных окнах проникал солнечный свет, падал на пол золотистым дождем, в котором кружили пылинки.

Выждав несколько минут, я вернулась к лестнице в толще стены и поднялась на следующий этаж. Скорее всего, последний. Здесь меня ждал сюрприз: крепкая дверь с металлическими заклепками была заперта. Я бухнула по ней кулаком, в узком пространстве звук быстро затих. Я усмехнулась:

— Поняла, мне не туда, — и начала спускаться вниз.

Входная дверь была закрыта — это первое, что я увидела на первом этаже. Теперь здесь царил сумрак, но я, как ни старалась, чужого присутствия не почувствовала.

— Эй! — позвала громко. — Ты здесь? Максимильтян, прекрати эти дурацкие игры!

Тьма за лестницей пришла в движение, мужчина шагнул мне навстречу — и я тут же поняла: это не Бергман. А еще поразила тому, что

вновь не смогла его почувствовать, хотя он был совсем рядом.

— Так, значит, он жив? — со смешком спросил Клим.

Его лицо выплыло из тени, и теперь я хорошо его видела. Тяжелый взгляд, презрительно кривящиеся губы.

— Тебе проще ответить на этот вопрос, — сказала я, стараясь быть спокойной. — Ведь это ты убил его.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что ангела убить нельзя. Даже если он падший ангел. Или я хочу верить, что его нельзя убить.

— Звучит как признание в любви, — вновь усмехнулся Клим.

— Наверное.

— То есть ты сомневаешься? Я думал, ты успела разобраться в своих пристрастиях.

— Мне это никогда особо не удавалось.

— Ага, — он подошел к стене, привалился к ней плечом. — На всякий случай спишь с обоими? По очереди или втроем?

— Зависит от настроения.

Он хохотнул, но взгляд был внимательный и по-прежнему настороженный.

— Значит, ты веришь, что он жив.

— Верить и хотеть верить — не совсем одно и то же. Точнее, совсем не одно и то же.

— Ты стала говорить как он.

— Вы часто встречались?

— Чаще, чем мне бы того хотелось.

— Зачем тебе понадобился этот маяк? — спросила я, оглядываясь.

— Мне? — вроде бы удивился он. — Я заметил, что у тебя к нему странная привязанность.

— Хочешь сказать, что следил за нами?

— Вы искали встречи со мной, считай это ответной любезностью.

— Я бы на твоём месте нашла дыру поглубже. Мои друзья считают, что ты им сильно задолжал.

— А ты?

— Я тоже так считаю. В отличие от них, для меня убийство — табу. Но для тебя, так и быть, я сделаю исключение.

— Очень больно? — вдруг спросил он.

— Что? — не поняла я.

— Спрашиваю, как ты себя чувствуешь? Уверен, хреново.

— Главное, чтобы у тебя на душе потеплело, — усмехнулась я.

— Не одна ты читаешь в чужих душах, — пожал плечами он. — Я тоже умею.

Он шагнул ко мне, я сказала:

— Стой где стоишь.

Но он не послушал меня, сделал еще шаг, и я ударила его. Наотмашь, собрав все силы. Он дернул головой, но упрямо шагнул вперед, и я опять ударила. Я била его по лицу, красивому и такому ненавистному, а он молчал и даже не поморщился, как будто не чувствовал боли. А моя рука уже ныла, отказываясь повиноваться. Слезы жгли мне щеки, и я презирала себя за это, презирала свою слабость.

Он положил ладонь мне на затылок, наклонился, прижимаясь лбом к моему лбу. Так мы и стояли, замерев, не в силах шелохнуться, не в силах оторваться друг от друга. И тут я почувствовала его, почувствовала, потому что он позволил себе открыться. И я испуганно отшатнулась, потому что моя боль была ничто в сравнении с его болью.

— Объясни мне, — пробормотала я. — Ради бога, объясни мне, кто мы и почему делаем все это?

Но он не дал мне договорить, стиснул руки на моих плечах и поцеловал. И все же я решила во что бы то ни стало получить ответ. И оттолкнула его. Он вскинул голову и вдруг засмеялся.

— Ну конечно, — сказал зло. — Кто бы сомневался...

Я не поняла, о чем он, пока не сообразила: он смотрит куда-то за мою спину. Резко повернулась — и увидела Бергмана.

Максимильян стоял у выхода на лестницу, в белой приталенной рубашке, черных джинсах и рыжих мокасынах. Живее всех живых. Щеголь на отдыхе. В тот момент это почему-то особенно взбесило. Мое отчаяние, тоска по нему, надежда, в которой я самой себе не решалась признаться, — все это гроша ломаного не стоило!

— Извините, если помешал, — сказал Бергман с вежливой улыбкой, которая мою злость лишь увеличила.

— Да что ты, я так рада, — съязвила я. — Приятно быть тебе полезной. Ты использовал меня в качестве наживки?

— Если не возражаешь, мы обсудим это позднее, — мягко произнес Бергман.

Я не сомневалась: мои слова кажутся ему полной ерундой, на которые не стоит обращать внимание.

— А сейчас я хотел бы поговорить с твоим другом.

— Он мне не друг. Так же, как и ты.

Я направилась к двери, торопясь поскорее уйти. В тот момент эти двое

вызывали у меня жуткую неприязнь.

— Я думаю, нам есть что обсудить, — услышала я за спиной голос Бергмана, но обращался он не ко мне.

— Сомневаюсь... Но уж если мы встретились, можешь начинать...

Я с силой захлопнула дверь и бросилась к калитке, спеша оказаться как можно дальше от этого места и этой парочки. Бергман хотел, чтобы эта встреча состоялась, и он своего добился. Впрочем, какие могли быть сомнения? Он использовал меня, будучи уверенным, что Клим появится там, где появлюсь я. Я-то в этом уверена не была, а он был. Клим решит, что я в очередной раз заманила его в ловушку, хотя я понятия не имела... Впрочем, пусть думает, что хочет. Мне нет до него дела. Как нет дела и до Бергмана.

И только уже подходя к дому Зиновьева, я вдруг испуганно подумала: чем закончится эта встреча? И бросилась в свою комнату, чтобы увидеть маяк. Само собой, я его увидела. В трепещущем от зноя воздухе он словно парил, ослепительно-белый на солнце и при этом странно зловещий. Но отсюда я даже не могла бы разглядеть, закрыта дверь или нет. И вряд ли бы заметила людей, одного или обоих.

Я повалилась в кресло и достала мобильный. Позвонить Поэту и Воину? С радостной вестью, что Бергман жив? Оттого мой голос звенит от злости? Нет, пусть Бергман с ними сам объясняется, поведает о своем чудесном воскрешении... Значит, все это нужно было для того, чтобы встреча с Климом наконец состоялась. В прошлый раз Джокер клялся, что не попытается его убить. А что будет теперь? Он всегда твердил, будто от моего выбора многое зависит, и выставил меня душой. Женщина должна знать свое место. Вот что он думает на самом деле, и не важно, что говорят.

Прошло часа два, злость все еще не отпускала, но теперь рядом с ней прочно обосновалось беспокойство.

— Черт... — бормотала я. — Они могли бы позвонить. Кто-то из них. А лучше оба. Чтобы я знала, что мне не придется хоронить их взаправду.

Разумеется, никто не позвонил, вряд ли им пришла в голову эта мысль. Зато вернулся Вадим.

— Лена! — крикнул он, входя в холл, я поспешила ему навстречу. — Что у нас с ужином? — спросил весело.

— Приглашаю тебя в ресторан, — ответила я.

Я все еще держала под рукой мобильный, хотя уже было ясно, что утруждаю себя напрасно.

В ресторан мы действительно пошли, и уже там, ожидая, когда принесут заказ, Вадим спросил:

— Может, шепнешь по секрету, что произошло?

— Что, по-твоему, могло произойти?

Он пожал плечами.

— Теряюсь в догадках. Но вид у тебя такой, точно кто-то из нас развязал третью мировую, не спросив твоего разрешения.

— Я страдала от скуки и злилась на тебя за то, что ты меня оставил.

— Одно твое слово, милая, — усмехнулся он, — и мы всегда будем вместе. Кстати, ты так и не спросила, был ли толк в моей поездке, из-за которой мне и пришлось оставить тебя одну.

— Ну и как? — досадуя на свой промах, сказала я.

— Пырьев чувствует себя вполне нормально, из реанимации его перевели в палату. Ему уже пора требовать к себе следователя, чтобы наказать злодея, едва не лишившего его жизни, причем особо изощренным способом.

— Но он не спешит?

— Точно. Мало того, заявил, что ничегошеньки не помнит. То есть последнее отчетливое воспоминание — как он отправился на прогулку. А дальше — провал. В прямом и переносном смысле.

— Может, правда ничего не помнит? — нахмурилась я.

— Может, — равнодушно отозвался Вадим. — Но сомнения есть. Поэтому завтра мы с тобой его навестим и поговорим по душам. Если его душа на зов не откликнется, то моя сильно разозлится.

Вопросов Вадим больше не задавал, и это казалось странным. Конечно, можно было списать сие на природную деликатность, да вот беда, ранее я ее за ним не замечала. Начни он приставать с вопросами, мне, наверное, легче было бы молчать. Хотя бы из упрямства. А сейчас так и тянуло рассказать о том, что произошло на маяке. Спрашивается, почему бы в самом деле не рассказать? Ответ прост: потому что Максимильян доверился мне, только мне, а не нам. И, не вовремя сунувшись с признаниями, я могу нарушить его планы. Хотя, с моей точки зрения, он того заслуживал.

«Ему пора бы объявиться, — подумала я, — если он вообще собирается это делать».

После ужина мы прошлись по набережной, гостиница по-прежнему выглядела необитаемой, ни Софьи, ни Веньки мы не увидели. Вернувшись в дом Зиновьева, разбрелись по своим комнатам. Я собиралась пораньше лечь спать, но вместо этого до двух часов просидела на подоконнике, не включая свет, и таращилась на маяк. В сумерках он еще был виден, а потом исчез, растворился в темноте. Примерно тогда и появилось идиотское

желание немедленно туда отправиться. И хотя я прекрасно понимала всю бессмысленность этой затеи, желание с каждой минутой лишь крепло.

— Черт! — выругалась я сквозь зубы, гадая, почему еще за ужином не рассказала все Вадиму. И тут же подумала: сделать это не поздно и сейчас. Я решительно направилась к нему. На секунду задержалась перед дверью его спальни, а потом постучала. Тишина. Вовсе не уверенная в том, что поступаю правильно, я толкнула дверь. Шторы на окнах он не задернул, комнату заливал свет фонаря с улицы. И в этом свете я хорошо видела: кровать пуста. Она заправлена, следовательно, Вадим так и не ложился.

— Вадим, — позвала я, хотя уже знала, что его в доме нет.

Вернувшись к себе, я легла в постель, пытаюсь понять, что происходит. Потом схватила мобильный и набрала номер Волошина. Он ответил после третьего звонка.

— Что случилось? — В голосе беспокойство. И в самом деле: я звоню среди ночи.

— Где тебя носит? — проворчала я.

— Вышел прогуляться. Потерпи, моя радость, скоро вернусь.

Я отбросила телефон в сторону.

— Вышел прогуляться! — передразнила я.

А если... если Вадим прекрасно знает, что Джокер здесь? Знал с самого начала?

Теперь мне казалось, что он переживал из-за его гибели меньше, чем мы с Димкой. А эти его настойчивые вопросы о Бергмане? Проверял, не проболтаюсь ли я? Интересно, что они задумали? И был ли в курсе Соколов?

Я вновь потянулась к мобильному, но вовремя одумалась. Что я скажу Димке? Если эта троица в сговоре, он будет все отрицать. Значит, меня в свои планы они решили не посвящать. Теперь я была уверена: все так и есть.

Тут я услышала шаги, а вслед за этим в дверь постучали.

— Спишь? — спросил из-за двери Вадим.

— Нет.

Он вошел в комнату и устроился в кресле.

— Решил подышать свежим воздухом перед сном? — язвительно спросила я.

— На самом деле за Ивлевым приглядывал, — лениво отозвался он.

Я машинально отметила: врет.

— И как? — спросила без особого интереса.

— Да никак. Зря время потерял. А тебе чего не спится? Кстати, а ты в

мою комнату случайно не с романтическими намерениями заглядывала?

— Да пошел ты...

— Нет, я серьезно. То есть серьезно не о романтических намерениях, — усмехнулся он. — Что, опять сны?

— Спокойной ночи, — сказала я, давая понять, что к разговорам не расположена.

Он кивнул и направился к двери, но прежде чем закрыть ее за собой, оглянулся:

— Может, мне остаться с тобой?

— Я не нуждаюсь в няньке.

— А в классном любовнике? — Он засмеялся и помахал рукой на прощание. — Придется набраться терпения...

Дверь закрылась, а я в досаде ударила кулаком по матрасу, сама толком не зная причины своей злости. Меня бесят его шутки? То, что он, вне всякого сомнения, врал? Или все-таки подозрение, что мужская часть нашей команды с неясной целью водит меня за нос?

Утром за завтраком Вадим был молчалив, а я продолжила мучиться вопросом, как же поступить. Стоит ли обо всем рассказать или лучше молчать?

— Когда к Пырьеву поедem? — спросила я.

— Да можно сразу после завтрака. Пока до города доберemся, обход в больнице закончится.

В больницу, где лежал Пырьев, мы прибыли часа через полтора. Посещения, судя по объявлению, разрешались с четырех до семи, но на нас никто внимания не обратил, ни на входе в отделение, ни на посту сестры, где две женщины в белых халатах пили чай. То есть Вадим их внимание все же привлек, но вопросов они не задали.

В палате было четыре койки, но занята лишь одна. Пырьев лежал возле открытого окна, в комнате ощущалась духота, открытое окно отнюдь не спасало. Раскрасневшийся Пырьев дышал с трудом, пот лил с него градом.

— Как самочувствие, Сергей Борисович? — радостно поприветствовал его Воин.

Пырьев, завидев нас, нахмурился, но, должно быть, вспомнил, кому обязан своим спасением, и слегка улыбнулся.

— Нормально. От духоты страдаю, как видите. Соседи мои на костылях на улицу отправились, в тенечке посидеть, подышать. А я вот здесь...

— А мы решили вас проведать, — придвинув мне стул и устроившись на соседнем, сказал Вадим.

— Спасибо. Я теперь по гроб ваш должник. — Особой благодарности в нем не чувствовалось, а вот беспокойство у него возникло сразу.

— Да уж, напугали вы нас... Куда, думаем, Сергей Борисович подевался? Вы как в этой яме оказались? — совсем другим тоном спросил Волошин.

— Не помню, — выпучив глаза, ответил Пырьев. — Ничего не помню. Сотрясение мозга...

— А сынок ваш где? — ласково осведомился Вадим.

— Пошел в столовую перекусить.

— Так чего ж ты дурака валяешь?

— Не понял...

— Сын тебе наверняка рассказал о нашем визите. Рассказал?

— Да, — кивнул Пырьев.

— По словам Софьи, ты уехал рано утром, оставив ключ от номера на рецепшен.

— Все так и было.

— А потом прогуляться пошел перед отъездом?

— Наверное. Слушайте, я в самом деле ничего не помню...

— Повторяю вопрос: как ты оказался в яме? Ты, кстати, сказал ментам, что яму, в которую ты якобы свалился, еще и камешком придавили? Для надежности? Чтоб не вылез, чего доброго, и криков чтоб слышно не было?

— Что вы говорите? А как же вы меня нашли?

— По чистой случайности. Моя девушка села на этот самый камушек, а тебе как раз приспичило застонать. У нее слух тонкий, музыкальный.

— Может, вы просто знали, где искать? — съязвил Пырьев.

— А чего бы нам тебя тогда вытаскивать? Да и разыскивать тебя, тратя деньги на бензин, тоже ни к чему.

— Я вас не подозреваю, — проворчал Пырьев. — Сын навел о вас справки.

— Тогда давай начистоту. Муж Софьи исчез год назад. Ты считаешь, его убили?

— А ты как считаешь? Куда он мог деться?

— Да куда угодно.

— Яснее ясного, эта стерва муженька замочила из-за того, что делиться не хотела. Небось догнивает в какой-нибудь яме...

— Так тебя Софья в яму определила?

— Может, и не она. Но без нее не обошлось. Я действительно мало что помню, — куда спокойнее заговорил Пырьев. — Чай она мне принесла. Вечером. Я чай выпил, еще подумал: вкус какой-то странный. С полчаса

прошло, чувствую, что-то со мной не то. Я во двор вышел, думал, прогуляюсь, может, лучше станет. И все. Как отрезало. Очнулся в яме... Я вам правда благодарен. Ясное дело, меня там подыхать бросили.

— Что ж тогда ментам всю правду не расскажешь?

— В гипсе лежу. Вот и помалкиваю. На одной ноге далеко не ускачешь. Я тут один, сами видите. Прирежут по-тихому, когда сын отлучится. Не уследит, даже если сутками будет здесь сидеть. Сын у меня хороший парень, головастый, но сыщик из него... а охранник и того хуже. В общем, надежней помалкивать. Мол, ничего не помню, пошел прогуляться и свалился в яму. Несчастный случай. А вот когда на ноги встану, я с этой сукой разберусь! По-свойски. Она у меня сама в яме окажется.

— То есть ты уверен, это Софья?

— Конечно, уверен! Я в тот день с ее пацаном разговаривал. Спрашивал насчет отца. Мол, виделись ли они, когда отец приезжал, и все такое. А он на меня волком смотрит. Потом сбежал. Небось мамаше бросился докладывать. А вечером она мне чаю поднесла. Сам говоришь, все грамотно обставила. Я якобы билет заказал, машину вызвал и даже в этот самый поезд сел. Думаю, и с муженьком то же самое проделала, чтобы подозрения от себя отвести. Пусть пока порадуется...

— Как думаете, Ивлев ей помогал? — спросила я.

— Пожарный? Кто знает? По мне, так вряд ли. Мужик он, судя по всему, неплохой. Я думаю, эта стерва на него нацелилась. У него дом хороший. Приличная пенсия. Небось на старость отложил денег. Нет, вряд ли она ему призналась. Сами подумайте, что ей за резон? Чтобы помощью его заручиться, надо объяснить, какая нужда ей от меня избавляться. Причина серьезной должна быть, чтоб человека вот так заживо закопать, — тут Пырьев невольно поежился, вспомнив свое недавнее заточение. — Мужик бы убил. А это изуверство — чисто бабье.

Я хотела возразить, но промолчала, и Пырьев продолжал:

— Скажи она ему, что мужа убила, он бы небось задумался: нужна ему такая паучиха? Еще бы и ментам сдал.

— А если они мужа на пару замочили? — почесал бровь Вадим.

— Вряд ли. Я ж интересовался. Любовь они начали крутить уже после. Эта хитрая сучка никому не доверится.

— Соседи видели машину. У Софьи машины нет. Она ж тебя к яме не на руках несла.

— Не на руках. На тачке.

— Так ты что-то помнишь?

— Ничего я не помню. А вот тачку в сарае видел. Добротная такая. Она тамошние места хорошо знает, по башке меня отоварила, не зря сотрясение мозга получил, в тачку свалила — и вперед. Ты ж сам видел, пройти к тому месту незамеченным раз плюнуть. Особенно ночью, когда на туристов точно не нарвешься. Говорю тебе, она мужа убила и меня едва не угробила. Может, щенок ей помогал. Не зря глазами-то зыркал.

— Как тебе рассказ? — спросил Вадим, когда мы покинули больницу.

— К сожалению, его догадки вполне вероятны, — вздохнула я.

— Точно. С одной поправкой. Все это мог проделать и Венька. Чисто теоретически, — добавил Волошин, видя мою физиономию.

— Он ребенок.

— Ага. И, скорее всего, считает, что защищал свою мать.

— Хорошо, — не стала спорить я. — У нас по-прежнему одна нестыковка: машина. Ее видели рано утром. Мы ее видели ближе к обеду.

— Не факт, что ее, — напомнил Воин.

— И все же... Что это за машина, которую надо прятать в пещере?

Волошин пожал плечами, и мы отправились в Мальцево. Впереди уже показалась церковь на холме, когда позвонил Димка.

— Вы где?

— Возвращаемся в село.

— Хорошо. Жду возле дома Зиновьева.

— Димка в Мальцево, — поворачиваясь к Воину, сказала я.

— Значит, нас ждет сюрприз.

«Какой?» — чуть не спросила я. И тут же подумала о Бергмане. Решили устроить торжественную встречу? На большую радость с моей стороны могут не рассчитывать.

Димка приехал на своей машине, и это свидетельствовало о том, что новость была из разряда необыкновенных. За руль он садился редко и неохотно.

Увидев джип Волошина, он пошел нам навстречу. Даже на расстоянии в нем чувствовалось нетерпение.

— Ну, выкладывай, — сказал Вадим с усмешкой.

— Давайте в дом зайдем, — сказала я.

Говорить Димка начал еще с порога.

— Рисунок девушки, — он достал из сумки фотокопию рисунка и еще какие-то бумаги. — Короче, вот рисунок, а вот фотография. Кольцова Инна Павловна, двадцать один год. Пропала без вести десять месяцев назад. В соседней области, в ста восьмидесяти километрах отсюда. Последний раз ее видели в ночном клубе. Она отправилась домой, хотела взять такси. И

все. До сих пор никаких следов.

— Девушки действительно похожи, но... — сказала я.

— Но? — перебил Воин.

— Послушайте, вы хотите сказать, Венька имеет отношение к ее исчезновению? Это бред. Девушка пропала далеко отсюда. Как он мог...

— Он, безусловно, ее видел, — очень мягко произнес Вадим, точно желая меня успокоить. — Где и когда, мы выясним. Боюсь только, они с мамашей уже смылись.

— Ты ведь не думаешь, что девушку Софья похитила? Машины у нее нет...

— Может, и есть, — возразил Волошин. — Хреново то, что Ивлев рисунок, скорее всего, сжег. И прижать эту парочку будет затруднительно.

— О чем вы спорите? — вмешался Димка. — Где этот ваш пацан? Давайте попробуем его отыскать и зададим вопрос: что это за рисунок с натуры?

Мы поехали в гостиницу, возле магазина я увидела Веньку. Вместе с двумя подростками он сидел на скамейке, маясь от безделья. Волосы у всех троих были мокрые, из чего я заключила, что совсем недавно они купались.

— Вот что, — взяла инициативу в свои руки я. — Я с ним одна поговорю.

— Одна? С этим мелким упырем? — усмехнулся Вадим.

— Если вы начнете на него давить, он ничего не расскажет.

— Еще как расскажет!

— Я, по крайней мере, почувствую, правду он говорит или нет. Парень должен понимать: от вопросов в полиции ему не отвертеться.

— Хорошо, — кивнул Вадим. — Начнем щадить детскую психику. Только будь на глазах, чтоб ребенок тебя ненароком не зашиб.

Я взяла рисунок и фотографию, свернула их в трубочку, вышла из машины и направилась к скамейке.

— Веня, — окликнула я, почувствовав в нем желание смыться. — Можно с тобой поговорить?

— О чем? — нахмурился он.

— У меня к тебе дело. Я бы не хотела объяснять при посторонних...

Мальчишки переглянулись, после чего приятели Веньки с неохотой поднялись и удалились. А я заняла их место на скамейке.

— Твой? — Я развернула рисунок и протянула ему вместе с фотографией.

— Что это? — спросил он испуганно.

— Правда, похожи? Девушка пропала почти год назад. Ее звали Инна.

Инна Кольцова.

Ему очень хотелось сбежать, но он сидел рядом, глядя на фотографию.

— Веня, ты ведь знаешь, где девушка?

— Нет, — быстро ответил он. — Я не хочу с вами разговаривать.

— Тебе придется. Ты уже взрослый парень и должен понимать. Где ты видел эту девушку?

— Я... я... — Он все-таки попытался встать и тут же плюхнулся на скамью.

— Я хочу тебе помочь. Но ты должен мне все рассказать.

— Вы мне не поможете. Я знаю, кто вы такие. Приехали сюда вынюхивать...

— Веня, я могла бы отправиться в полицию, но решила поговорить с тобой, потому что хочу помочь. Девушка была в той же яме, что и Пырьев?

Он в ужасе смотрел на меня не меньше минуты, потом кивнул. Обреченно, точно понял, что все бесполезно.

— Ты знаешь, как она там оказалась?

Он покачал головой. И это была правда, но не вся.

— Как ты ее нашел?

— Я... я пошел к маяку, — сглотнув, начал он. — И заметил какого-то дядьку... мужика. Он возле кустов вертелся. Ну, я и решил взглянуть, что он там делает. Я думал, он там что-то закопал. Интересно было, что. Но я не мог сдвинуть камень. Пошел домой, взял эту... железную штуку, которой зимой лед колют.

— Лом?

— Да. И вернулся. И сдвинул камень. А там она. Я испугался и убежал.

— И ничего не рассказал маме?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю.

— Что было потом?

— Через два дня... Я не хотел туда идти, но пошел. Заглянул в яму. Ее там уже не было.

— Когда ты видел ее в первый раз, она была жива?

— Не знаю. Она... она была такой... страшной. Но глаза были открыты.

— Послушай меня, — я взяла его за руку. — Если ты видел, какой из камней сдвинул мужчина, значит, ты был довольно близко от этого места. И мог разглядеть...

— Нет, — испугался Венька. — Я его не узнал.

Я смотрела в его глаза, а он — в мои. Потом отчаянно замотал головой.

— Веня, он убьет и тебя, и мать. Ты это понимаешь?

— Почему? — растерялся он.

— Потому что у него нет другого выхода. В полиции тебе придется отвечать на вопросы. Тебе и твоей маме. Он этого не допустит. — Я сделала паузу и тихо спросила: — Это Ивлев?

Он слегка отшатнулся, взгляд испуганно замер.

— Это Ивлев? — повторила я.

И он кивнул.

— Ты не рассказал о нем матери, потому что он был ее другом?

— Да, — сказал он, хотя собирался сказать «нет».

— Или потому что боялся: если он окажется в полиции, то сообщит про вас с мамой. Он ведь знал?

Веня начал грызть ноготь, глядя себе под ноги. Грыз с таким остервенением, что я вновь взяла его за руку и отвела ее от лица.

— Он знал, что случилось с твоим отцом?

— Он не отец мне. Да вы понятия не имеете, каким он был. Он маму бил, меня бил и сюда явился... Сказал, будет тут жить, имеет право. Что гостиница его, а мы можем убираться куда угодно. Он маму ударил, а я вступился. Он схватил меня за горло. Он бы меня убил, уж можете поверить. Мама кричала, чтобы он меня отпустил, а потом она его ударила. Ножом, в бок. Мы на кухне были. И он меня отпустил. Стал просить, чтобы «Скорую» вызвали. Мама хотела, но он... он умер. Очень быстро... Он там до утра лежал. Мы не знали, что делать... А потом... — Венька замолчал, а я спросила:

— Избавились от трупа?

Мальчишка кивнул, в глазах его стояли слезы.

— Этот гад что-то видел.

— Ивлев?

— Да. Стал к нам ходить. К маме приставал. И намекал. Но прямо не говорил. Лучше бы прямо сказал, а так — как будто издевается. И когда я его увидел возле ямы, где он девушку держал... Я сначала хотел сразу в полицию, а когда успокоился немного и начал соображать, подумал: он все про нас расскажет. В отместку. И промолчал. И маме ничего говорить не стал, потому что она пошла бы в полицию. Из-за этой девушки. Но девушки в яме уже не было.

— Ивлев тебя подозревал. Искал твои рисунки. Ты знаешь?

— Да. Но я ничего не говорил, а он не мог спросить прямо. Но в сарай

ходил и про этот лом спрашивал. Зачем-то он ему понадобился. Я ведь лом в кустах оставил, испугался очень и о нем даже не вспомнил. А Ивлев его нашел. Мама сказала, лом с зимы не видела. Но он все равно подозревал и за мной следил. А я за ним.

— Расскажи мне про Пырьева, — попросила я.

— Что рассказывать? — тут же ошетинился он.

— Ивлев помог твоей маме от него избавиться?

— Нет. И мама здесь ни при чем. Это я. Поняли? Я сам.

— Ты дал ему снотворного?

— Ага. Насыпал в чай, пока мама не видела. Я знаю, где она снотворное хранит. Он выпил чай, и я стал ждать. Видно, я много снотворного положил. Он в кустах упал. Ни с того ни с сего. Было даже смешно, точно пьяный, — но смешно Веньке точно не было.

— Потом ты взял тачку в сарае...

— Откуда вы знаете? Да, взял.

— И сбросил Пырьева в яму.

— Он мою маму в тюрьму хотел посадить. Из-за этого гада папаши. Мама не виновата, она меня защищала, а ее за это в тюрьму?!

— Веня, убивать людей нельзя. Даже плохих.

— Вы ничего не знаете! — разозлился он.

— Сейчас не об этом. Пырьев в больнице, чувствует себя хорошо. Но вам не его следует бояться, а Ивлева. Он нашел твои рисунки.

— Мне мама сказала, — кивнул мальчишка. — Там не было рисунка этой девушки. Я его разорвал. Заметил, что альбом кто-то брал... Вы?

— Допустим, этого рисунка он не видел, но ты сбросил Пырьева в ту самую яму, где он держал девушку. Мы не сказали спасателям, что камень был задвинут, Пырьев пока молчит. Но Ивлев наверняка все уже понял и не сомневается: девушку нашел ты. Понимаешь, что это значит?

— Но... но что же тогда делать? — жалобно спросил он.

— Идти в полицию и все рассказать. Для вас это единственный способ остаться в живых. Без твоих показаний Ивлева не арестуют, а значит, он сможет разыскать вас, куда бы вы ни уехали.

— Вы что, хотите, чтобы мою маму в тюрьму посадили? — пролепетал он.

— Я хочу, чтобы ты и твоя мама остались живы. Поехали к ней. — В тот момент явилась непрощенная мысль: мы уже могли опоздать, но я погнала ее прочь. — Маме ты о Пырьеве рассказал? — спросила я, когда мы шли к машине.

— Нет, — покачал головой он, — но она обо всем догадалась.

Мы устроились на заднем сиденье.

— Привет, пацан, — сказал Волошин. Поэт улыбнулся, Венька молча кивнул.

— Поехали в гостиницу, — сказала я.

— Мама! — позвал Венька, и она к моему облегчению появилась из кухни. Окинула нас неприязненным взглядом, подошла к сыну и обняла его.

— Что вам надо от моего ребенка? — гневно спросила у нас.

— Мы пытаемся вас спасти, — ответил Вадим, по дороге я коротко объяснила, как все обстоит. — Хоть дело это и неблагоприятное.

— Спасти? — нахмурилась Софья. — От кого?

— От маньяка, — пожал плечами Воин, точно стыдясь, что ему пришлось употребить данное слово. — Расскажи матери, что ты видел.

Рассказ произвел на Софью ошеломляющее впечатление. Если и были у меня сомнения в ее непричастности к милым развлечениям Ивлева, то они мгновенно исчезли.

— Господи, почему ты молчал? — пробормотала она, опускаясь в кресло.

— Вы знаете, почему. Боялся, что стараниями Ивлева вы окажетесь в тюрьме.

— Ты им рассказал? — спросила она, глядя на сына. В голосе — ни намек на злость или досаду.

— Вы забываете, что имеете дело с сыщиками, — усмехнулся Вадим. — В вашем случае их было даже слишком много. Сын хотел вас спасти, и господин Пырьев оказался в яме. Беда в том, что яма — та самая. И Ивлев теперь знает, кто его выследил.

— Нет, — неуверенно возразила женщина. — Он хотел нам помочь...

— Инсценировав отъезд Пырьева?

Женщина молча кивнула.

— Пырьев не ночевал в гостинице, а Веня пришел домой в половине второго ночи. И зачем-то брал тачку. Я... я не знала, что делать. И позвонила Ивлеву. К кому еще я могла обратиться? Он пришел и сразу сказал: надо все представить так, будто Пырьев уехал, чтобы мы остались ни при чем, если с ним что-то случится. Документы Пырьева мы нашли в номере. Я заказала билет на поезд. Ивлев обещал, что найдет машину, подъедет к гостинице рано утром, чтобы соседи обратили внимание... А потом сядет на поезд, но никуда не поедет.

— Вещи Пырьева вы, надо полагать, сожгли. А если бы он вернулся? — спросила я.

Софья покачала головой:

— Я знала, что не вернется. Чувствовала.

— Даже ваш сын понял: пока Ивлев на свободе, вы в большой опасности.

— Мой сын просто его невзлюбил. Так иногда случается. И...

— Вы не поняли? — перебила я. — Ивлев держал в яме девушку. Ваш сын это видел. Почти уверена, Ивлев причастен к гибели еще одной женщины — дочери Зиновьева.

Софья испуганно вскинула голову. Я спросила:

— Вы помогли ему избавиться от старика? — Ответа мне не требовалось, точнее, я знала ответ раньше, чем она успела что-то произнести. — Как он объяснил эту странную просьбу?

— Он сказал... это шутка. Старик ужасно высокомерный. Он хотел его напугать, чтоб не лез со своими нравоучениями. Не знаю, почему я согласилась.

— Знаете, — возразил Вадим. — Догадывались: Ивлеву известно, что стало с вашим мужем. Вот и боялись отказать.

— Вы хотели, чтобы Зиновьев принял вас за свою дочь?

— Говорю же, это просто была шутка! Ивлев принес маску... жуткую... даже надевать ее было страшно. Старик подошел к окну, и... Господи, я не хотела этого! Ивлев велел мне уйти, а сам отправился в дом к Зиновьеву. Сказал, посмотрит, как там старик. Если что, вызовет «Скорую». Утром я узнала: старика нашли мертвым. Пришел Ивлев, выглядел совершенно несчастным. Сказал, что представить себе не мог... что не хотел...

— Разумеется, — усмехнулся Вадим. — Он не хотел, вы не хотели... Зато теперь были с ним повязаны. Ваша история вызывает сочувствие. Вы пытались спасти сына, сын пытался спасти вас. Благородно, слов нет, но на вашей совести два трупа и одно покушение на убийство. Это я еще до грехов Ивлева не дошел. Я малость подустал от всего этого, поэтому буду краток. Либо вы сами отправляетесь в полицию, либо сделать это придется мне. В последнем случае велика вероятность, что вы и ваш сын лишитесь головы. Ивлеву на фиг не нужны свидетели, а времени у него будет достаточно, учитывая некоторую неповоротливость нашего правосудия. Мне, в общем-то, все равно. Как погиб Зиновьев, мы знаем, а значит, свои денежки я получу. У вас ровно десять минут на раздумья.

Ей потребовалось немного больше времени. И все же Софья решительно поднялась и сказала:

— Поехали.

— Мама! — Венька вскочил и бросился к ней.

— Ничего, сынок, — обнимая его, прошептала она. — Все будет хорошо.

Мы направлялись к машине, когда я сказала:

— Я с вами не поеду.

— Почему? — удивился Вадим.

— Не вижу смысла. Лучше пока займусь отчетом.

— Заняться им ты можешь и дома, — проворчал Вадим. — Поезжай с Димкой, а я останусь. Присмотрю за Ивлевым.

— Он уехал, — услышав его слова, сказала Софья. — Еще вчера. Сказал, у него какие-то дела...

— И все-таки лучше, если у Софьи будет надежная охрана, — заметила я. — Подготовлю отчет и позвоню Вике. Она наверняка захочет приехать.

Вадим кивнул. Они сели в машину, я подождала, когда джип отъедет, и отправилась в дом Зиновьева. Шла по залитым солнцем улицам и удивлялась тишине в поселке. Казалось, его сонного оцепенения ничто не нарушает. Просто люди еще не знают о том, что здесь произошло. Несчастный случай с Пырьевым, возможно, насторожил, но вряд ли напугал. Им еще предстоит открыть для себя правду... Правда, которую теперь знала я, оставляла тяжелый осадок.

Мне было жаль Софью и жаль ее сына. Собственно, это и явилось причиной, по которой я осталась здесь. Я боялась, что по дороге передумаю и скажу им: уезжайте. Наплевав на закон, справедливость и все прочее. Им придется жить в страхе всю свою жизнь, но они будут вместе. Однако без показаний Вениамина к Ивлеву не подобраться. Ему и сейчас мало что можно предъявить. А такого, как он, оставлять на свободе нельзя. Нелегкий выбор, который иногда приходится делать.

Войдя в дом, я отправилась в кухню. Приготовила кофе, успела сделать пару глотков, когда почувствовала в доме присутствие постороннего. Он двигался очень тихо, но я знала: он совсем рядом.

Я открыла ящик стола, достала нож и положила под полотенце. Ничего другого я все равно не успею. Мобильный в сумке, ее я оставила в холле. Домашний телефон в гостиной. Я сделала еще глоток и повернулась. Ивлев как раз входил в кухню.

— Добрый день, — сказал улыбаясь. — Входная дверь была открыта.

— Вообще-то я заперла ее.

— Серьезно? У такой молодой девушки и такая плохая память.

— Девичья, — усмехнулась я, продолжая стоять на месте. Страх, как

ни странно, не было. Но я отлично понимала, чем рискую.

— Хотел узнать, куда это Софья отправилась с вашими друзьями?

— К следователю.

— А-а... — протянул Ивлев. — Хочет в грехах покаяться? Неужто совесть замучила?

— Вам бы тоже не мешало. Покаяться, я имею в виду.

— Мне? — вроде бы удивился он. — В чем? Она сказала вам, что я помог ей инсценировать отъезд Пырьева? Да, я ей помог. Чего не сделает влюбленный мужчина для своей женщины? Но это еще надо доказать. Пырьева едва не убил этот паршивец. Венька. Впрочем, чего ждать от этой семейки? Слышали пословицу: от осинки не родятся апельсинки? Софья убила своего мужа, а Пырьев это подозревал. Точнее, был в этом уверен. Ее разоблачение стало вопросом времени.

— А Зиновьева вы зачем убили? — спросила я.

— Убили? Насколько я помню, он мирно скончался в своем доме. Ни о каком убийстве я не слышал.

— Почему он начал вас подозревать?

— В чем? — притворно удивился Ивлев.

— В исчезновении своей дочери. Ее вы тоже в яме держали?

— Ах во-от как?.. — протянул Ивлев. — Интересная фантазия. Любитель ям у нас Вениамин. Это он Пырьева туда определил.

— Вы не ответили на вопрос. Почему Зиновьев вас заподозрил? Через столько лет?

— Досадное стечение обстоятельств, — помолчав немного, насмешливо сказал он.

— Он видел машину, которую вы использовали для похищения девушек? Сколько их было? Девушек, я имею в виду?

— Сколько бы ни было, — вздохнул он, — а сегодня к ним прибавится еще одна. — Он сделал едва заметный шаг, глядя мне в глаза и продолжая говорить: — Насчет машины вы правы. Он ее видел. А потом увидел меня. Это явилось неожиданностью, и, наверное, я вел себя неправильно.

— Чем и возбудили его подозрения? Он вспомнил, что похожая машина была здесь в ночь, когда исчезла Нина? Странно, что вы не избавились от машины.

— Не так-то просто заполучить новую, с которой тебя ничего не связывает.

Он приготовился, я это чувствовала, и приготовилась сама. Рука моя лежала на столешнице, совсем рядом с полотенцем.

— Что это у вас там? — спросил Ивлев, кивнув на полотенце. —

Надеетесь со мной справиться?

«Вот сейчас», — подумала я и тут вдруг услышала:

— Кажется, я опять помешал?

Ивлев вздрогнул и повернулся. Он не мог взять в толк, откуда здесь Бергман и кто он такой.

— Ты как раз вовремя, — сказала я, шагнула к Ивлеву и ударила его коленом в пах. Этого он точно не ожидал, а я ударила его второй раз, теперь в голову. Он повалился на пол, пробормотав сквозь зубы:

— Сука.

— Точно, — кивнула я. — Знаешь, я этим горжусь. — И ударила его в третий раз.

— Он того не стоит, — сказал Бергман, подходя ближе. Достал из кармана джинсов наручники и защелкнул их на руках Ивлева. — В полицию я уже позвонил.

Из здания полиции мы выходили вместе с Максимилианом. В тот момент Ивлев еще хранил молчание, но для меня белых пятен в этой истории почти не осталось. Была ли дочь Зиновьева его первой жертвой или нет, предстояло выяснять следствию. Но встреча с бывшим пожарным в тот вечер стала для нее роковой, как написали бы в романах. Он вышел на охоту, и женщина на пустынной дороге оказалась легкой добычей.

Пленник Ивлев время от времени навещал, наблюдая за тем, как их медленно покидает жизнь. В одно из таких «посещений» Венька его и застукал. Представляю себе ужас Ивлева, когда, вновь явившись к яме, он увидел камень отодвинутым в сторону! К несчастью, у девушки не было сил позвать на помощь, весьма вероятно, что к тому моменту она уже умерла.

Надо думать, Ивлев никак не мог взять в толк, что произошло. Ведь обнаруживший пленницу должен был непременно сообщить об этом в полицию и уж точно не оставил бы ее в яме. Такая странность и навела преступника на мысль, что этим человеком мог быть Венька. Мальчишка постоянно болтался по окрестностям, и у него имелся веский повод избегать встреч со следователем. Труп Богданова мать с сыном утопили в реке и, разумеется, спокойно чувствовать себя не могли. Особенно после того, как в Мальцево приехала Венькина тетка в поисках непутевого брата, а Ивлев прозрачно намекал, что судьба Софьиного мужа ему известна. Оттого Софья и старалась его всячески задобрить.

От пленницы Ивлев поспешил избавиться и, наверное, убедил себя, что мать с сыном и дальше будут молчать. Возможно, он вновь вышел на охоту и в весьма неподходящий момент встретил Зиновьева. Своим

поведением он только укрепил возникшие у старика подозрения. Ивлев очень скоро это понял и убил старика, без труда уговорив Софью ему помочь. Тогда же выяснилось, что Зиновьев нанял детектива. Но и эту проблему Ивлев смог решить.

Пока все складывалось весьма удачно для него. Конечно, Венька и его мать угрозу представляли, но избавляться от них в тот момент было неразумно. Ивлев непременно попал бы под подозрение, ведь в Мальцеве знали об их отношениях с Софьей. Появление Пырьева было ему лишь на руку. Софья нервничала, а тут еще Венька решил спасти мать... Ивлев пришел на помощь, и в результате Софья стала зависеть от него еще больше.

Наше вмешательство и встреча неподалеку от того места, где он прятал машину, вынудили Ивлева избавиться от «Хонды».

Я понимала, следователям придется потрудиться, чтобы доказать вину бывшего пожарного. Ведь даже тела его жертв пока не обнаружены. Мы не знаем, сколько их было и кто эти женщины. «Но теперь это дело следствия, нам вряд ли позволят и дальше вести расследование», — подумала я. А еще подумала: захочет ли Вика остаться в Мальцеве? Теперь, когда узнает, что случилось с ее матерью?

На противоположной стороне улицы я увидела знакомый джип, рядом замерли Поэт и Воин.

— Черт возьми, Джокер! — обнимая Бергмана, воскликнул Димка. — Ты вернулся!

— Рад тебя видеть, брат, — обняв его и похлопав по спине, сказал Вадим.

«Они все это время валяли дурака, — с обидой решила я. — Зачем? Надеялись через меня выйти на Клима? А мне знать об этом было необязательно?»

— Надо отметить твое возвращение, — смеясь, продолжил Волошин. — И окончание очередного дела. Мы справились. Девушка показала себя с самой лучшей стороны.

— Не перехвали, — буркнула я.

— Для начала придется вернуться в Мальцево, — сказал Максимильян.

— Зачем? — удивился Димка.

— Закончить одно дело.

— Дело? — поднял брови Вадим.

— У меня там назначена встреча. — Тут он повернулся ко мне и сказал: — О нем не беспокойся, милая. С ним все в порядке.

— Какая встреча, с кем? — наперебой стали спрашивать мужчины.

— Давайте поскорее закончим с делами, — ответил Бергман, и стало ясно: вопросы бесполезны.

Мы сели в машину и отправились в Мальцево.

— К маяку, — скомандовал Джокер, когда мы въезжали в село, и я, не выдержав, заметила с усмешкой:

— Значит, это ты хозяин маяка? И что тебя заставило его купить? Твой дар предвидения?

— Вообще-то я люблю маяки, — улыбнулся он. — А другого поблизости нет.

— Ну да, конечно.

— Так ты все это время там прятался? — спросил Вадим. — Нашел тайную комнату?

— Да. Не могу сказать, что это уютное гнездышко, учитывая, что находится под землей. Но для моих целей подходило.

— Ты пользовался ходом от реки?

— Но не тем, где был ты. Мой выходит прямо к развилке.

— А чуть дальше пройти не догадался? Туда, где отвод закрыт решеткой?

— Решеткой? Где это? — не понял Бергман.

— Ясно. Самое интересное ты пропустил, — засмеялся Вадим.

— Что там такое? — вмешался Димка.

— Обязательно покажу.

Мы подъехали к маяку. И калитка, и дверь были приоткрыты.

— Он уже здесь, — сказал Максимильян.

На этот раз никто не спросил, кого он имеет в виду. Мы вошли в нижнее помещение.

— Здесь пусто, — сообщила я, не ощущая присутствия человека.

— Идемте, — сказал Максимильян, направляясь к боковой лестнице, но подниматься не стал, коснулся стены рукой — и она, точно нехотя, сдвинулась в сторону, открывая проход в небольшую комнату. Туда вели несколько ступенек.

Находилась она уже под землей, но тот, кто ее обустроивал, должно быть, очень старался, чтобы она не казалась мрачной. На потолке когда-то был плафон с подсветкой. Стены покрывали фрески. Но от былого великолепия мало что сохранилось: остатки росписи, остатки плафона. В углу — походная кровать, стол с подвешенным над ним мощным фонарем, полка с книгами. «Куда же Бергман без книг», — подумала я. Слева, возле деревянной двери, которая, скорее всего, и вела в подземный ход, в

брезентовом рыбацком кресле сидел Клим.

Димка замер, Воин, казалось, особого удивления не испытал.

— Что ж, пришло время поговорить, — заметил Максимильтян.

— Сначала — обещанный сюрприз, — сказал Вадим. — Приглашаю всех.

Он направился к той самой двери, запиралась она на засов. Воин распахнул ее и сунул Димке в руки фонарик, который прихватил из машины.

— Под ноги смотри.

Димка, светя фонариком, вошел в узкий коридор, за ним Бергман. Клим, взглянув на меня, поднялся и присоединился к ним. Я пошла следом, но Воин ухватил меня за плечо.

— Куда вперед батьки?..

Пока я думала, что ответить, он закрыл дверь, запер ее на засов, не спеша достал из кармана что-то напоминающее мобильный телефон и нажал кнопку. Землю сотрясли два толчка. Я в полнейшем недоумении уставилась на Вадима.

— Что ты делаешь? — наконец смогла произнести я.

— То, что должен был сделать, — пожал плечами он.

— Открой немедленно!

— Зачем?

— Затем, что там Джокер и Димка!

— Их уже нет.

— Ты что, спятил?! — не зная, как на это реагировать, воскликнула я.

Рванулась к двери и, открыв засов, распахнула ее. Вадим этому не препятствовал. Теперь вместо прохода передо мной была груда камней.

— Я же сказал, их уже нет, — вздохнул Воин.

— Да что с тобой? Ты правда спятил?

Я ударила его в грудь, потом полезла за мобильным.

— Звонить бесполезно, — покачал головой он. — Два взрыва заблокировали проход, а еще привели к тому, что подземная река изменила направление и в течение нескольких минут затопит коридор. Я все рассчитал. Если они не погибли при взрыве, то непременно утонут.

— Ты в самом деле спятил?! — отказываясь понимать, что происходит, заорала я. — Ты... Господи... ты...

— Я сделал то, что должен был сделать, — произнес он.

— Тогда какого черта я жива?

Он виновато пожал плечами.

— Я уже хоронил тебя однажды и не хочу этого вновь.

— Ты чокнутый сукин сын! Ты...

Я сняла фонарь и направилась к выходу, не желая тратить время на разговоры.

— Куда ты? — спросил Вадим тревожно.

Но я не ответила. Бежала к реке, пытаюсь восстановить в памяти схему подземных переходов. Он догнал меня, когда я уже входила в пещеру.

— Говорю тебе, это бесполезно. Ты не сможешь до них добраться. Никто не сможет.

— У тебя свое предназначение, у меня — свое, — ответила я, протискиваясь в узкий проход.

— Какое, черт тебя дери?!

— Погибнуть вместе с ними.

Был ли у меня план? Нет. Я просто знала, что должна быть там. Знала, и ни страх, ни доводы разума не могли меня остановить.

Здесь проход расширился, я встала в полный рост, пошла вперед. И услышала шаги за спиной.

— Я забыл, какой ты бываешь упрямой, — сказал Вадим, поравнявшись со мной. — Хорошо, давай, прогуляемся. На развилке берем правее, маяк в той стороне.

— Что ты натворил! — пробормотала я жалобно, прекрасно понимая всю нелепость своих слов.

И тут вдруг послышался странный звук, и стена справа как будто пришла в движение.

— О черт! — воскликнул Вадим, а я увидела, как через породу просачивается вода. — Назад! — заорал Волошин, но мы не успели пробежать и трех десятков метров, как раздался грохот.

«Проход завалило», — поняла я.

Вода теперь прибывала с умопомрачительной скоростью. Вадим, схватив меня за руку, взял фонарик и бросился по проходу в ту сторону, куда мы шли недавно.

— Если повезет, то успеем, — сказал он.

Я не знала, что он имеет в виду, но бежать становилось все труднее. Вскоре мы уже плыли, сбросив обувь, а вода все пребывала. И когда мы оказались в узкой пещере, стало ясно: это тупик. Вода быстро поднималась к шероховатому своду, и я с тоской поняла: еще несколько минут, и все кончится.

Вадим нырнул. Он очень долго находился под водой, я испуганно ждала, упираясь руками в свод. Вода доставала до подбородка. Наконец он появился рядом, жадно хватая воздух.

— Внизу есть отвод. Я смогу поднять заслонку. Протиснешься под ней, и тебя вынесет на поверхность. Набирай побольше воздуха...

— Вадим, — начала я, но он перебил:

— Времени нет! — Быстро коснулся губами моих губ и шепнул: — Встретимся в следующей жизни.

Мы нырнули, сначала он, а потом и я. В свете фонаря я увидела в мутной воде, как Вадим коснулся ногами дна и попытался поднять железную заслонку примерно метр на метр. Казалось, она намертво вошла в землю, и я с какой-то отстраненностью подумала: это невозможно. Но под его напором она вдруг приподнялась. Вадим повернулся ко мне и кивнул. Оказавшись рядом, я поняла, каких усилий ему стоило удерживать непомерный груз.

Меня подхватило течением, я повернулась, надеясь увидеть Вадима, но вокруг уже царила темнота, грудь разрывало от желания сделать вдох, и тут в абсолютном мраке я вдруг увидела слабый отблеск света, точно две призрачные руки тянулись ко мне, указывая направление.

«Это конец», — успела подумать я и неожиданно смогла вздохнуть, а потом с силой ударилась обо что-то твердое, взыв о боли. Главное, я могла дышать и жмурилась от яркого света.

Понадобилось несколько минут, чтобы понять, где я. Недавнее болото стремительно превращалось в озеро. Я лежала на его поверхности, метрах в трех от огромной дыры, которой раньше здесь точно не было. Вода пробилла новый проход... Слева возвышался маяк. Из последних сил я поспешила выбраться на траву. Подтянула ноги к животу и замерла. В тот момент я жалела, что навсегда не осталась там, под землей, рядом с Вадимом. И заревела, подумав о нем.

— Если ты оплакиваешь нас, то еще рановато, — услышала я голос Клима. Вскинула голову и увидела их. Трое мужчин стояли совсем рядом: Джокер, Валет и Туз Пик.

— Вы живы? — спросила я, поднимаясь, со странным спокойствием приняв эту новость. — Как вам удалось...

— Если честно, мысль о подобном развитии событий меня посетила, — подходя ко мне, заговорил Бергман, — и я немного подготовился.

— Немного! — усмехнулся Димка, закатывая глаза. — Джокер — просто волшебник! Впрочем, кто ж в этом сомневался? Совсем рядом с дверью — скрытый проход в небольшую камеру, откуда есть лаз на поверхность. Все, что надо было сделать, максимально быстро там оказаться. С этим мы справились. Но подниматься наверх не торопились. К

сожалению, ты оставалась с ним, и мы боялись, что он использует тебя как заложника.

— Вы знали, вы с самого начала знали... — Я испугалась, что могу ударить Бергмана. — Ты...

— Нет, — сказал он — Не знал. Я, как и ты, до последнего не знал, кто это будет. У него был шанс спастись? — внимательно приглядываясь ко мне, спросил Максимильян.

— Нет, — покачала головой я. — Но он спас меня.

— Мы меняемся, — прижимая меня к груди, мягко произнес Джокер. — Я знаю, как тебе было нелегко. Прости, что вынужден был оставить вас. Я не мог никому доверять. Только тебе.

— Я бесконечно тронута твоим доверием. Весь этот спектакль нужен был...

— Чтобы он себя проявил. Решив, что теперь находится в относительной безопасности, — кивнул Бергман, вроде бы не замечая иронии в моем голосе. — Но я старался быть рядом.

— Да, разумеется... Вадим погиб! — не выдержав, заорала я. — Вы понимаете? Черт бы вас всех побрал! Вадим погиб!

— Ты знаешь, кто он, — сказал Димка. И трое мужчин не спеша направились к маяку.

— Это Вадим! Мой и ваш друг! — не унималась я. — И что теперь? — крикнула я им вдогонку. — Миссия окончена?!

Бергман обернулся, едва заметно улыбаясь, и ответил:

— Кто знает? — И повторил: — Кто знает, что будет завтра?